

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи
УДК:37.015.324.2(575.2) (043.3)

АНУФРИЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ
ПОДРОСТКОВ АСОЦИАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ**

19.00.07–Педагогическая психология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель: доктор психологических наук,
доцент Иванова Валентина Петровна

БИШКЕК 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I СОПРОТИВЛЯЕМОСТЬ АСОЦИАЛЬНОМУ ВЛИЯНИЮ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	10
1.1 Система понятий в исследовании.....	10
1.2 Теоретический анализ исследования проблемы психологической сопротивляемости.....	20
1.3 Особенности сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте.....	38
1.4 Современная ситуация развития подростка как социально- психологическая детерминанта его сопротивляемости	46
Выводы по первой главе.....	55
ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ ПОДРОСТКА АСОЦИАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ.....	58
2.1 Принципы и подходы к исследованию.....	58
2.2 Соотношение «внешнего» и «внутреннего» в исследовании сопротивляемости подростка асоциальным влияниям	61
2.3 Личность подростка как феномен субъектности	67
2.4 Методы и методики исследования.....	71
2.5 Обоснование выборки.....	76
2.6 Этапы исследования.....	77
ГЛАВА 3 ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ АСОЦИАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	79
3.1 Программа исследования.....	79

3.2	Процедура и результаты формирования основных экспериментальных групп в зависимости от степени выраженности тенденции к сопротивляемости асоциальному влиянию.....	80
3.3	Сопоставительный анализ результатов исследования психологических характеристик подростков, демонстрирующих сопротивляемость асоциальным влияниям.....	82
3.3.1	Блок характеристик, связанных с самосознанием подростков.....	82
3.3.2	Ценностно-мотивационный блок характеристик подростков.....	106
3.3.3	Регуляторно-поведенческий блок характеристик подростков.....	131
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
	ВЫВОДЫ.....	152
	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	156
	ПРИЛОЖЕНИЕ I.....	174
	ПРИЛОЖЕНИЕ II.....	178
	ПРИЛОЖЕНИЕ III	179

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Проблема резкого увеличения распространенности форм отклоняющегося поведения, деструктивно влияющих на социализацию подрастающего поколения – одна из главных в современности. В этой связи актуализируется потребность в научном исследовании условий сохранения устойчивости/сопротивляемости личности в современном неустойчивом мире (Д.И. Фельдштейн). Между тем сущность феномена сопротивления, понятие психологической сопротивляемости различного рода негативным воздействиям, в том числе, асоциальным влияниям и основанного на них поведения остается не выявленной. Следовательно, остаются не выявленными и регуляторы такого поведения.

В теоретических и экспериментальных исследованиях сопротивляемость чаще всего рассматривается во взаимосвязи с устойчивостью личности (G.W. Allport, 1960; A. Bandura, 1978; Л.И. Божович, 1968; С.Л. Рубинштейн, 1973; К.А. Абульханова, 1973; Е.В. Шорохова, 1974; В.Э. Чудновский, 1974, 1981; Б.С. Украинцев, 1974; Е.С. Махлах, 1996, Е.В. Либина, 2003, М.М. Баландин, 2003). Как самостоятельный феномен сопротивляемость рассматривается в основном в зарубежной психологии (Roberts, 1982; McAlister, 1981; Evans, 1984; Aronson, 1990; К.Кейес, 2004; Ф. Зимбардо, М. Ляйппе, 2000; Ш. Ионеску, 2004; С. Мадди, 2007 и др.). Общие вопросы психологической сопротивляемости личности в российской психологии представлены работами А.М. Жукова, 2004; А.А. Нарушевича, 2007; Д.М. Сотниченко, 2009; Л.Ю. Гороховатским, 2011. Однако в основном сопротивление личности рассматривается в связи с проблемами воспитания неблагополучных детей, детей с делинквентным поведением, патологией личности (С.С. Корсаков, П.Б. Ганушкин, В.Н. Мясищев, Е.В. Замановская, 2004); особенностью самосознания аддиктов (В.В. Еременко, 2007); этнической принадлежностью (А.У. Ескендерова, 2003); индивидуальными характеристиками саморегуляции (М.Д. Гаралева,

2002); внутрисемейными взаимодействиями (К.А. Айдарбеков, 2004); противостоянием убеждающему воздействию (Е. Сидоренко). Кыргызскими учеными рассмотрены отдельные составляющие проблемы (А.А. Брудный, Н.Н. Палагина, Ч.А. Шакеева, Н.А. Ахметова, В.В. Еременко, О.В. Киселева). Несмотря на широкие исследования феномена сопротивления в различных областях, единого общепризнанного определения его нет, как нет и такой теории. Тем более отсутствуют знания психологических детерминант сопротивляемости в подростковом возрасте.

Объект исследования: личностная сфера детей подросткового возраста.

Предмет исследования: психологические факторы, обеспечивающие (повышающие ресурс) сопротивляемость асоциальному влиянию в подростковом возрасте.

Цель данного исследования состоит в выявлении сущностных характеристик сопротивляемости, определении психологических детерминант сопротивляемости подростков асоциальному влиянию, выявлении психологических особенностей подростков, демонстрирующих различные уровни сопротивляемости асоциальному влиянию.

Задачи исследования:

1) проанализировать понятие сопротивляемости в его общетеоретических и методологических взаимосвязях;

2) рассмотреть сопротивляемость подростка асоциальному влиянию в контексте актуальных потребностей современной социальной ситуации и психолого-педагогической практики;

3) определить психологические факторы, способные выступить в роли ресурсов, повышающих способность личности подростка к демонстрации сопротивляемости в различных ситуациях влияния;

4) провести на экспериментальном материале сравнительное изучение психологических особенностей подростков, демонстрирующих сопротивляемость асоциальному влиянию и подверженных ему.

Гипотезы исследования:

1. Сопrotивляемость как психическое явление представляет комплексное свойство личности, обеспечивающее способность противостоять различным влияниям извне (создающее ресурс для противостояния).

2. В роли психологических детерминант сопротивляемости выступают определенные психологические особенности личности подростка и степень их сформированности.

3. Для формирования сопротивляемости сензитивным является подростковый возраст.

Методологическую основу исследования составляют философские положения о соотношении «внешнего» и «внутреннего», находящего свою реализацию в принципе детерминизма, единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев), а также принцип развития и субъектности (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн), и неклассический подход к исследованию психологических явлений (А.Г. Асмолов, А.М. Гусельцева, Д.А. Леонтьев, А.Н. Поддъяков, В.М. Розин, Д.А. Теплых, А.В. Юревич).

Теоретической основой исследования является культурно-историческая теория Л.С. Выготского, концепции развития личности в подростковом возрасте (Л.И. Божович, Л.И. Бершедова, И.В. Дубровина, М.И. Лисина, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин), исследования устойчивости личности Л.И. Божович, В.Э. Чудновского.

В исследовании использовались такие **методы**: теоретический анализ и обобщение философской, психологической и педагогической литературы по проблеме; психологические методики исследования ценностей, самооценки, уровня притязаний, уровня субъективного контроля, копинг-стратегий, метода мотивационной индукции, саморегуляции, метода экспертной оценки, анкетирования, беседы, контент-анализа.

Экспериментальную выборку составили подростки (14–15 лет), учащиеся школы-гимназии 70 и школы № 65 в количестве 982 человека. Продолжительность исследования – 2009–2016 гг.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась научно-методологическими подходами и принципами; теоретическими позициями, репрезентативной выборкой испытуемых, использованием методов и стандартизированных методик, адекватных предмету, целям и гипотезам исследования, применением методов математической статистики, содержательным качественным анализом выявленных фактов и зависимостей.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования: концептуализировано понятие «сопротивляемость», дано определение понятию, раскрыта специфика проявления сопротивляемости. Определены психологические особенности, способные выступать в роли ресурсов, повышающих способность подростка к демонстрации сопротивляемости в различных ситуациях влияния: установлен характер влияния самооценки и осознанной саморегуляции на проявление сопротивляемости подростка асоциальным влияниям, показана роль сформированности мотивационно-ценностной сферы в становлении сопротивляемости.

Практическая значимость исследования вытекает из основных задач и цели работы, направленных на выявление психологических оснований, обеспечивающих эффективность процесса формирования сопротивляемости подростка асоциальным влияниям. Данные исследования могут быть включены в курсы психологии развития и педагогической психологии, в спецкурс «Психология девиантного поведения», а также использованы в работе практических психологов в работе с подростками со сниженным уровнем сопротивляемости.

Апробированный комплекс психодиагностических методик может служить для обнаружения уровня сопротивляемости подростка асоциальным влияниям.

Определены необходимые условия и способы формирования сопротивляемости подростка различного рода негативным влияниям извне. Разработано учебно-методическое пособие и тренинг, направленный на мобилизацию сил подростка в противостоянии асоциальным влияниям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сопротивляемость определяется в исследовании как интегральная характеристика личности, выступающая в виде совокупности психических ресурсов, которые позволяют подростку не только эффективно совладать с трудностями, нежелательными воздействиями и влияниями, но и дают возможность преобразовывать их в позитивные, которые осуществляется, несмотря на препятствующие факторы.

2. Психологическими детерминантами сопротивляемости подростков асоциальным влияниям выступают особенности самосознания подростков, их мотивационно-ценностной сферы и саморегуляции.

3. Самосознание подростка с выраженной тенденцией к сопротивляемости асоциальному влиянию является более интегрированным и структурированным, они демонстрируют в целом высокий уровень самооценки, их образ Я более глубокий, полный и непротиворечивый.

4. Для подростков с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию характерен интернальный локус контроля. Превалирование «внешнего» над «внутренним» в сфере самосознания подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию приводит к формированию общей экстернальной ориентации.

5. Подростки с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию обладают в целом более интегрированной и гармоничной мотивационно-ценностной сферой. Их характеризует направленность на будущее, на отдаленные цели.

6. Регуляторно-поведенческая сфера «сопротивляющихся» подростков характеризуется более высоким уровнем сформированности саморегуляции с выраженной опорой на собственные личностные ресурсы, выдвижение и

достижение цели у них в большой степени осознанно, эффективность сферы выражается в более частом использовании продуктивных копинг-стратегий в сравнении с подростками с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались: на Международных научных конференциях «Состояние качества образования и его перспективы» (Бишкек, 2010); «Психолого-педагогические аспекты духовно-нравственного развития современной молодежи» (Псков, 2011); «Новая наука: современное состояние и пути развития» (Стерлитамак, 2016) и межвузовских «Личность в становлении и развитии: тенденции и перспективы» (Бишкек, 2011); на методических семинарах для учителей школ (2010, 2012, 2013 гг.); в рамках работы районного и городского объединения, а также на заседаниях кафедры психологии КРСУ; в 11 публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, выводов, списка литературы. Текст диссертации изложен на 178 страницах, содержит 17 рисунков и 23 таблицы. Список литературы включает 181 наименование, из них 32 на иностранном языке (англ.).

ГЛАВА 1 СОПРОТИВЛЯЕМОСТЬ АСОЦИАЛЬНОМУ ВЛИЯНИЮ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

1.1 Система понятий в исследовании

Научный текст не может быть представлен без терминов и понятий. Л.С. Выготский говорит: «Выбор слова есть уже методологический процесс» [30]. Понимание проблемы, основанное на понятиях, приближается к действительности настолько, насколько позволяет объективное совпадение содержания понятия с отражаемыми в нем реальными отношениями.

Любое явление можно рассматривать под разным углом зрения: «Одному и тому же объекту может соответствовать несколько различных предметов. Это объясняется тем, что характер предмета знания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи» [140, с. 48].

По мнению Л.С. Выготского, понятие – это обобщение, включающее различные семантические признаки воспринимаемого объекта, связанное с другими понятиями множественной системой связей [30]. Поэтому при исследовании рассматриваемого понятия, возможно, выявятся связи с другими, с которыми оно образует систему.

Понятие «сопротивление» трактуется в словаре, как способность противодействовать натиску, воздействию кого-чего-нибудь, как противодействие изменению, а противодействие понимается «как действие, препятствующее другому действию». Другое действие, оказываемое «кем-чем-нибудь на кого-что-нибудь» рассматривается, как воздействие, как влияние [96]. Оксфордский толковый словарь определяет сопротивление как вообще любое действие, не только направленное против чего-то или какой-то

силы, но и противостоит ей, борется против нее [109].

Понятие «сопротивляемость» носит межпредметный характер и встречается в различных науках (электронике, механике, биологии, кибернетике, медицине, физиологии и др.), в том числе, и в психологии. В качестве основной характеристики при его определении выступает способность «противостоять», «противодействовать», быть устойчивым, не поддаваться влиянию.

Итак, уже в первом приближении возникают связи с такими понятиями как «противодействие», «воздействие», «влияние».

Если влияние понимается как процесс и результат изменения одним человеком поведения другого человека, а также его позиций, установок и прочее в ходе взаимодействия с ним, то сопротивляемость понимается, как способность отстаивать свои взгляды и убеждения, свои позиции, установки. «Реакции людей на попытки влияния (давления), – считают Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, – могут быть самыми разными, от упорного сопротивления, когда человек готов пострадать или умереть за свои убеждения, до податливости и легковерия, из-за которых некоторые люди подвергаются «риску» при любой попытке других изменить их намерения и поведение» [53, с. 224].

Чаще всего сопротивление (противодействие) в психологии рассматриваются с психоаналитических позиций. Сопротивление – это процесс, в результате которого происходит вытеснение. Однако при этом само вытеснение получает поддержку, возникают препятствия на пути перехода представлений из бессознательного в сознание. Противодействие – проявление противостояния энергии влечения (Оно) и «Я» [119; 107]. Содержательное рассмотрение процесса сопротивления было предпринято З. Фрейдом совместно с И. Брейером. Идеи о механизмах сопротивления получили дальнейшую разработку в исследованиях А. Фрейд, В. Райха, Ж. Лакана, Х. Хартмана, Э. Эриксона и др.

Однако в общепсихологическом плане это понятие мало изучено в российской психологии и упоминается чаще всего в связи с таким понятием

как «устойчивость». Известно, что фундаментальными свойствами психики является пластичность, динамичность, податливость изменениям. По мнению В.Э. Чудновского, «в феномене устойчивости личности выступает противоположное, но не менее значимое ее свойство – способность к сопротивлению внешним или внутренним воздействиям, определенная инертность» [139, с. 3]. Это не пассивная сопротивляемость внешним воздействиям, а результат активной самоорганизации. Как точно заметила Л.И. Анцыферова, именно диалектическое взаимодействие этих свойств придает психологической организации не только «гибкость», но и «упругость» [11]. Стоит отметить, что в исследованиях российских авторов при использовании понятия сопротивляемость подразумевается и устойчивость и, напротив, при рассмотрении понятия устойчивость имеется ввиду и сопротивляемость.

С точки зрения филогенеза и онтогенеза организма *устойчивость/сопротивляемость есть результат развития*, поскольку организм находится в непрерывном взаимодействии со средой (И.И. Павлов, 1951), и поэтому одной из важнейших и первичных характеристик биологической устойчивости является приобретение живым организмом способности избирательно относиться к воздействиям, идущим извне. и в соответствии с этим направленно действовать. Это не пассивное следование за условиями внешней среды, а активное взаимодействие и преодоление определенных факторов [75]. Открытие И.М. Сеченовым «центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды» объясняло... способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам, с тем, чтобы следовать собственной программе» [146, с. 376].

Таким образом, уже на уровне организации психики существует феномен сопротивляемости/устойчивости в своем диалектическом единстве.

Устойчивость/сопротивляемость, как отмечает ряд авторов (В.И. Кремянский, 1979; Б.С. Украинцев, 1972; У.Р. Эшби, 1959; И.И. Шмальгаузен,

1945), можно рассматривать как особенность целостного организма. Факторами устойчивости являются избирательная деятельность организма, определенная направленность ее мотивационных установок, иерархизация ее установок. Устойчивость – следствие усложняющихся связей между организмом и средой. В основе этой связи находится единство внутренне противоречивых тенденций приспособления к непосредственным воздействиям, ориентации поведения на *отдаленные факторы*, выходящие за рамки конкретной ситуации.

Устойчивость личности находится на качественно иной ступени развития нежели устойчивость организма. На уровне биологической устойчивости эмансипированность организма от окружающей среды представляет результат приспособления к ней, это в основном результат изменения его природы [41]. На уровне социального развития эмансипация человека от воздействия внешней среды носит совершенно иной, качественный характер: человек начинает господствовать над ситуацией, нейтрализуя и преобразуя непосредственно действующие факторы [138]. Человек способен изменять свое поведение, опираясь на цели, мотивы, что и создает его устойчивость. Он проявляет себя как целеустремленное существо, способное выдвигать цели, движущие его поведением, в том числе, и цели дальнейшего своего собственного развития [126]. Несмотря на то, что человек способен ставить такие цели, это не означает его рост изнутри. Среда, предметно-социальная и деятельность (активность), порождают его личность и, чем сложнее деятельность и более творческой характер она носит, тем большая роль отводится осознанному уровню регулирования деятельности [66]. Поэтому устойчивость личности имеет качественно иной характер и можно сказать, что это высший уровень становления устойчивости. То, что придает человеку устойчивость, с точки зрения психологии, ее психологическая сущность, связана с *ориентацией личности на отдаленные факторы*, способность не только выходить за рамки непосредственной ситуации, но и за пределы самого себя.

Для понимания соотношения таких понятий как «сопротивление» («противодействие») и «устойчивость» стоит вспомнить положение диалектики о всеобщей связи и взаимозависимости явлений, по которому при исследовании нельзя ограничиваться одной связью и одним отношением, поскольку это приводит к огрублению действительности. Источник движения, развития и саморазвития необходимо рассматривать через единство и борьбу противоположностей, как основного закона диалектики. Поэтому при рассмотрении понятий нашего исследования, опираясь на данный закон, стоит отметить, что на самом деле противоположностей не бывает без их единства, не может быть сопротивления/устойчивости, если на человека не оказывают влияния. Они постоянно взаимодействуют и взаимопроникают, переходят друг в друга.

Противоположности – суть дополнителности (по Н.Бору), поэтому каждое понятие «устойчивость/сопротивляемость» и «влияние» дополняют друг друга, и в итоге они составляют единство. И эта раздвоенность лишь результат того, что противоположности обретают относительную самостоятельность [44, с. 184]. Однако именно это позволяет рассматривать психические явления в их различных модификациях и целостности.

Действительно, основные принципы диалектики, составляющие ее стержень, – это всеобщая связь, становление и развитие, которые осмысливаются с помощью сложившейся системы категорий и законов. Поэтому мы будем рассматривать явления, выраженные этими понятиями как взаимосвязанные, в процессе становления и развития которых, проявляется их противоречивость, изменчивость, возможность перехода противоположностей друг в друга, т.е., рассматривая сопротивление личности, надо предполагать и ее устойчивость. Феномен устойчивости личности является убедительным аргументом против слишком прямолинейного понимания проблемы социальной обусловленности психического развития вообще и отдельных его феноменов, в частности. Эти взаимодействия более сложные и тонкие [56]. Устойчивость/сопротивляемость – единая характеристика личности.

Человек вписан в социальный мир и не может избежать различного рода воздействий окружающих, способных склонить его решения в ту или иную сторону. Он участвует в процессах «социального обмена», вплетен в социальный контекст, который наполняет смыслом его жизнь. Человек должен уметь распознавать попытки стороннего влияния, поскольку оно осуществляется везде и всегда, и решать в каждой конкретной ситуации, поддаться влиянию, сопротивляться ему или отвергнуть его. Характерно, что для большинства людей актуальным является не столько проблема влияния на других, она переживается менее остро, сколько способность противостоять их влиянию, поскольку ее отсутствие вызывает большее психологическое страдание, проявляющееся в чувстве безнадежности.

Эти проблемы и понятие «устойчивость/сопротивляемость» в том или ином виде рассматривались еще в античной философии. Сопротивление личности злу, насилию связывалось в философии с устойчивостью личности, основным критерием которой являлась нравственность. Выработывая на протяжении веков обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека, философы исследовали ценностное, нравственное и эстетическое отношение человека к миру. Это нашло отражение в таких нравственных представлениях человека, как добро, зло, справедливость, совесть, долг, смысл жизни, счастье, любовь, которые регулируют отношения людей (Демокрит, Пифагор, Сократ, Платон) [15]. Античные философы-идеалисты Плотин и Августин высказывали мысли, что в постоянно меняющемся, беспокойном мире сознание души человека проявляется как нечто устойчивое[93].

Опыт нравственного осмысления действительности составил отрасль философского знания, получившего название «этика», большую роль в становлении которой сыграл Аристотель, который подчеркивал значение в становлении нравственного поведения стремлений самого ребенка, поощрения попыток ребенка «быть хорошим», давая ему дополнительную мотивацию к подобным поступкам [86]. Мыслители античности создали ту

культурную основу, которая стала базой развития понимания добра, противостояния злу, нравственной устойчивости в последующие столетия.

В средние века становление личности у многих философов выступало, прежде всего, как осмысление процесса ее нравственно-религиозного самоопределения (Августин, Ф. Аквинский). Христианская этика восприняла многое из более ранних этических систем. Закладывались основы гуманизма, человеколюбие, бескорыстие, милосердие, проповедовалось непотворение злу насилем. Последнее предполагало сопротивление без нанесения вреда другому. В наше время существует прочная традиция рассматривать Десять заповедей Моисея как первый нравственный кодекс.

Философы Нового времени (У. Оккам, П. Абеляр) делают упор в нравственной жизни на ее внутренней стороне. Они обращают особое внимание на мотивы поступков, которые с нравственных позиций могут быть оценены по-разному.

Лучшие мыслители XVII века старались выработать систему этики независимую от предписаний религий. Дж. Локк утверждал, что людей формирует их социальное окружение, в особенности образование, рассматриваемое как процесс влияния педагога на личность обучающегося. Основным способом нравственного обучения философ считал процесс подражания модели поведения нравственно зрелых людей. Он первым обратился к психологии нравственных проблем. Великие гуманисты Жан-Жак Руссо, Шефтсбери, Гоббс не верили в сильное влияние окружающей среды, считая, что все хорошее в человеке заложено природой. Огромное значение их теорий заключается в пристальном внимании к детям, к их нравственному становлению.

Рассмотрение различных этических категорий, в том числе и нравственной устойчивости, было характерно и для классической немецкой философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Г. Гегель). И. Кант (1765) утверждал, что источником устойчивости индивида является нравственный императив, однако, по утверждению Г. Гегеля «устойчивый центр», сформулированный

Кантом, является, по сути дела, формальным, поскольку это принцип существует в «самом себе».

Этические традиции были характерны и для русской философской мысли (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.). Гуманистические традиции в подходе к человеку и его воспитанию можно найти в работах видных педагогов второй половины XIX – начала XX в. (П.Ф. Лесгафт, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, В.Н. Бехтерев, И.А. Сикорский, А.П. Нечаев, П.Ф. Каптерев и многие др.), провозгласивших высокие нравственные идеалы добра и справедливости, характерные для русской ментальности [67].

Вместе с выделением психологии в самостоятельную научную дисциплину более определенным характер приобрела и проблема нравственного развития личности, в том числе проблема ее устойчивости/сопротивляемости асоциальным влияниям. При этом *под асоциальным влиянием понимается влияние, направленное на индивида или группу с целью побуждения ее к выполнению социально-негативных действий, противоречащих общепринятым нормам.*

В основании почти всех российских теорий личности (Б.Г.Ананьев[3]; А.Г. Асмолов [14]; Л.И.Божович[21]; В.А. Петровский[99]; С.Л. Рубинштейн[114]; Д.И. Фельдштейн [131]; В.Э.Чудновский[139] и др.) лежит положение о том, что личность, являясь социально-психологическим феноменом. «Устойчивость личности характеризуется предсказуемостью ее поступков, что является важным условием внутренней стабильности и определяется социальными условиями. Проблемы в межличностном общении часто возникают по причине отсутствия личностной стабильности. Однако это не означает, что поведение человека не может быть вариативным»[8стр 4], поэтому и возникает вопрос: насколько и в чем личность и ее поведение действительно устойчивы?

Готовность человека сохранять в различных условиях свои нравственные ценности и нравственную устойчивость дает ему возможность

не только оказывать сопротивление негативному влиянию, но активно воздействовать на обстоятельства, преобразовывая как свой внутренний мир, так и внешний. Это умение человека осуществлять выбор поведения в соответствии с позитивными общечеловеческими ценностями. Личность выступает, по мнению Б.Г. Ананьева, как субъект поведения, реализуя при этом свою «потребность в определенных объектах и ситуациях» [4, с. 160]. Он связывал с Понятие «поведение» он понимал не столько как приспособление к отдельным ситуациям, сколько как достижение отдаленных целей, общих идей и принципов мировоззрения.

Устойчивость/сопротивляемость личности как научная проблема была сформулирована в докладе Л.И. Божович на XVIII Московском международном психологическом конгрессе в 1966 г. Фактически это было начало субъектного подхода к проблеме исследования личности. Устойчивость личности рассматривалась «как уровень становления личности, при котором достигается способность человека сохранять и реализовывать в различных ситуациях свои личностные позиции, обладать определенным иммунитетом к воздействиям, противоречащим его личностным установкам, взглядам и ценностям» [21, с. 4–5]. К сожалению, более обстоятельно данная проблема не была разработана.

Изучение устойчивости/сопротивляемости личности было попыткой выделить из общей проблемы психологии личности один из наиболее значимых аспектов ее становления и рассмотреть его теоретически и экспериментально, что и было осуществлено, хотя и недостаточно широко (Н.Н. Палагина, 1965; Б.А. Вербовицкий, 1973; В.Э. Чудновский, 1978, 1981; З.И. Гришанова, 1979; Р.М. Бескина, 1993).

В экспериментальных исследованиях В.Э. Чудновский выделил и охарактеризовал четыре уровня сформированности личности в отношении ее устойчивости, в основание которых положено отношение к *отдаленной цели*. Устойчивость В.Э. Чудновский понимает в ее единстве с сопротивляемостью личности и определяет, как меру нравственного развития субъекта –

«способность личности противостоять негативным воздействиям социума, сохранять свои позиции, установки, убеждения...» [139, с.176]. Здесь важно обратить внимание на то, что, отстаивая нравственные позиции, субъект может оказаться уязвимым по целому ряду признаков. В случае, когда человек не способен эффективно совладать с трудностями в условиях действия негативных факторов, говорят о том, что он – уязвим (*vulnerability*). Это понятие противопоставляется сопротивляемости, поэтому особенности сопротивления необходимо было раскрыть, поскольку по диалектическому принципу, несмотря на то, что устойчивость/сопротивляемость составляют диалектическое единство они не представляют собой тождество.

Устойчивости противопоставляется неустойчивость личности, проявляющаяся в пассивно-приспособительном поведении: подражании, внушении, конформном подчинении мнению большинства (И.С. Кон, 1967; В.Ф. Сафин, 1968; А.П. Сопиков, 1968; В.Э. Чудновский, 1972; Б.А.Шульгина, 1974).

Большое распространение исследования в области конформизма, связанные с неустойчивостью, податливостью личности, причинами проявления которой являлись различные социальные факторы получили в зарубежной психологии (Kleinke, 1977; Smith&others,1982; Willis&Hamm, 1980; Padgett, 1989; Cohen&Davis, 1981 и др.). Эти исследования, по мнению Д. Майерса, продемонстрировали силу социальных влияний [84].

Таким образом, сопротивляемость личности, начиная с античности, исследовалась в контексте нравственных проблем, связанных с устойчивыми позитивными характеристиками человека необходимыми для противостояния негативным влияниям социального окружения, но как самостоятельный феномен не рассматривалась. Это одно из направлений при рассмотрении проблемы сопротивляемости личности негативным влияниям. И это направление исследований, хотя и медленно, но продолжает развиваться. Современными исследователями (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь,

В.А. Петровский, Д.А. Леонтьев, В.И. Слободчиков, А.Б. Орлов и др.) психология личности начинает осмысливаться с позиций нравственности. Эта идея соотносима с идеями таких российских философов и социологов как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.А. Красавин, П. Флоренский, П.А. Сорокин и др., рассматривающих проблемы нравственности личности. Однако вопросы рассмотрения личности с нравственно-ценностной или смысловой стороны, лежащей в основе сопротивляемости личности асоциальным влияниям, остаются до настоящего времени наименее разработанными, поскольку сам феномен «сопротивляемость» слабо представлен в научных психологических исследованиях.

В связи с этим возникла необходимость выявить его характеристики с **общепсихологической** точки зрения (позиции) в работах других авторов, то есть представить его в виде качественной определенности, что в принципе представляет собой другое направление в исследовании сопротивляемости/устойчивости. Стоит еще раз подчеркнуть, что феномен сопротивляемости представляет собой сложную системную организацию, не сводимую к одному единственному пониманию. Основываясь на неклассическом подходе в психологии, рассмотрение любого явления определяется позицией автора, уровнем его понимания проблемы и методами, с помощью которых он исследует данное явление. В связи с этим не может быть единого понимания сущности явления, с иных позиций феномен откроется другими своими гранями, обнаружит другие свойства [57].

1.2 Теоретические анализ исследования проблемы психологической сопротивляемости

Другое направление в исследовании феномена «сопротивляемость» связано с рассмотрением его с общепсихологических позиций.

Существуют определенные трудности в нахождении дефиниции понятия «сопротивляемость» в психологии, что связано не только с различиями в парадигмальных установках, но и с проблемой нахождения общих теоретических положений, позволяющих выяснить, что представляет собой сопротивление человека, на понимание которого сложно перенести то, что известно о нем (сопротивлении) в других науках. Определение методологии исследования предполагает осознания, складывающихся отношений между исследователем и объектом (предметом) исследования, как акте познания. При рассмотрении данной проблемы мы опираемся на неклассическую рациональность в изучении психологических явлений.

В российской психологической науке приоритет работы в неклассической парадигме принадлежит Л.С. Выготскому, который ввел знаковое опосредование как конструкт связанный с построением психологического знания и психологической практики, отличающихся от классического типа. Отличительной особенностью данной парадигмы является действие принципа «осознанной субъективности»:исследователь понимает свою неустранимость, включенность в процесс познания, но сам процесс познания ограничен нашими познавательными возможностями. Пришло отчетливое осознание того, что все конструируемое нами не может быть определено независимо от контекста нашего понимания. Еще одной особенностью является то, что рассматриваемый объект в исследовании зависит от выбранного метода.

Неклассическую парадигму в российскую психологию эксплицировал Д.Б. Эльконин, опираясь на труды Л.С. Выготского. Однако, те отличия неклассического подхода от классического, которые описаны выше

характерны и для гуманитарной парадигмы, сложившейся задолго до появления исследований о трех типах рациональности. Гуманитарная парадигма подходит к исследованию самого человека с человековедческих позиций, в частности, Д.А. Леонтьев отмечает, что они похожи уже тем, что подход к исследованию человека рассматривает его не как жесткую систему, а как саморазвивающуюся систему, включенную в культурный контекст [77]. В трудах, в концепциях многих российских психологов (Б.С. Братусь, А.А.Брудный, А.В. Брушлинский, В.Ф. Петренко, Л.И. Бершедова, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, Д.А. Леонтьев, Л.М. Митина, Д.И. Фельдштейн, И.С. Якиманская и др.) разных школ и направлений она все чаще находит свое воплощение.

Основным способом познания человека является понимание как пристрастное, заинтересованное отношение исследователя к познаваемому, которое происходит в диалоге. И как отмечает А.Н. Поддьяков, здесь важен учет «взаимозависимости изучаемого объекта и исследователя, его деятельности» [101, с.138] и тот угол зрения, с позиций которого объект будет рассматриваться, поскольку именно от этого будут зависеть характеристики объекта и в целом результаты исследования.

Описанные положения гуманитарной или неклассической парадигмы [см: 77; 103], позволяют рассмотреть наш предмет в совокупности различных характеристик, а сам их подход включить в состав методологии нашего исследования.

Сопrotивляемость как категория психологии может быть рассмотрена на основе анализа современной отечественной и зарубежной литературы. Это позволяет провести краткий анализ истории исследований проблемы сопротивляемости, рассмотреть определения феномена, и основные содержательные элементы понятия, а также обобщить накопленный опыт теоретического исследования данной проблемы. Результатом подобной работы может стать более системное видение феномена сопротивляемости и прогресс в области преодоления недостаточной проработанности данной

проблемы в отечественной психологической науке. Важность этого связана с тем, что в российской науке проблема сопротивляемости не относится к числу приоритетных, что не может не оказывать негативного влияния на разработку ряда прикладных психологических задач, относящихся в целом к проблеме психологического сопровождения сохранного существования человека в природе и социальном взаимодействии.

Слабая разработанность проблематики отчасти может объясняться тем, что нет основательной методологической базы необходимой для проведения исследований изучаемого феномена, а также тем уровнем теоретической представленности проблемы в современной российской психологии. Однако анализ публикаций таких авторов, как Жуков [49]; Гороховатский [34], [35]; Лактионова, Махнач [72]; Сотниченко [121] и др.) выявил, что решение исследуемой проблемы в современных условиях.

Современный этап социально-экономического развития нашего общества неизбежно связан со значительным ростом факторов риска, имеющих психогенный характер. Осознание и актуализация данного факта приводит к росту интереса к проблеме психологической сопротивляемости, к увеличению количества мультидисциплинарных исследований и включение сопротивляемости в ряд психологических проблем, имеющих наибольшую практическую значимость. Различные аспекты психологической безопасности личности все чаще рассматриваются в исследованиях и отечественных (см: Апчел, Цыган, 1999; Баева, 2002, 2005; Гороховатский, 2009, 2011; Жуков, 2004; Нарушевич, 2007; Сотниченко, 2009; Чуева, 2012; Щербатых, 2002, 2006 и др.), и зарубежных исследователей (см: Brooks, 1994; Chan, 2003; Keyes, 2004; Winslow, Sandler, Wolchik, 2005). Большое число исследований как раз и обусловлено ростом психогенных факторов риска, отмечаемым в природных и социально-культурных условиях [65], проявляющихся в различных ситуациях, связанных со стрессом, и, негативно отражающихся на психическом здоровье личности. Они, чаще всего,

приводят к дистрессам влекущим развитие психосоциальной дезадаптации [32; 62], на основании чего снижается сопротивляемость человека.

Первое поверхностное упоминание категории «resilience» имело место у М. Сковиля (1942). В данной работе на примере детей родителей участников боевых действий рассматривает проблему совладания с опасными жизненными ситуациями [168]. «Вместе с тем, в данной работе не приводится подробного описания сущности понятия, и оно рассматривается скорее, как обыденное определение психики, а не как комплексная психологическая особенность личности» [35, с. 205].

Широкую представленность в зарубежной психологии термин «жизнестойкость» получил в 60-х годах XX века после работ Н. Гармези, который в рамках своего лонгитюдного исследования впервые отошел от акцентирования на том, что делает людей уязвимыми, и обратил внимание на то, что делает их сильными. В работах, основанных на результатах своих многолетних исследований и посвящённых факторам психологической профилактики, Н.Гармези впервые сформулировал предположение о том, что может быть обнаружен определенный комплекс психических свойств, который способен препятствовать формированию и развитию психических аномалий и нарушений психики.

Также в работах Н.Гармези и его учеников рассматривалась теоретическое обоснование термина сопротивляемость личности. В рамках указанных исследований понятие сопротивляемости рассматривалось в тесной связи с понятием риск. И если риск рассматривался как указание на наличие факторов, повышающих вероятность развития психопатологий, то сопротивляемость представляла собой обратный феномен, обеспечивающий возможность для совладания с факторами риска [158].

Значимое лонгитюдное исследование сопротивления у детей было начато в 1955 году на острове Кауаи (Гавайи) когнитивными психологами Э. Вернер и Р. Смит и длилось более 32 лет. В рамках исследования была изучена группа из 698 детей от рождения до тридцатилетия. Особое

внимание исследователи уделяли любым формам стресса и его последствиям. Дети, на которых неблагоприятные обстоятельства жизни не оказывали какого-либо ощутимого воздействия, в их исследованиях составили особую группу детей с «эластичной психикой». Таких детей они сравнили с «куклам-неваляшкам», поскольку они выросли нормальными, хотя жили в ужасающих условиях и в проблемных семьях. Люди с такой психикой во взрослой жизни стали успешными, жили в прочном браке и не имели психических нарушений. Авторами были выделены четыре фактора, которые, по их мнению, привели к тому, что одни дети из группы риска смогли адаптироваться, а другие – нет. Эти различия были связаны с тем, что дети из первой группы могли активно решать свои проблемы, были способны конструктивно воспринимать травмирующие обстоятельства, а также способны позитивно взаимодействовать с другими и видеть значимость событий через призму веры и принять их [176; 177].

Необходимо отметить вклад в изучение феномена сопротивляемости американского профессора Э.С.Мастен (Институт детского развития Минесотского Университета), известную своими исследованиями в области развития устойчивости и продвижения теории о позитивных результатах детей и семей (в том числе с наличием психопатологии), сталкивающихся с невзгодами [166].

Ученых и практиков еще в 70-е годы XX века привлекли внимание дети группы риска, оказавшиеся под неблагоприятными влияниями генетических или средовых факторов, по-разному проявляющих устойчивость. Психологи искали доказательства того, что следствия одних и тех же проблем могут быть различными. Исследования М. Раттера показали, что большинство детей не испытало на себе отрицательных последствий от воздействия болезненных событий [173] и это рассматривалось как чудо, свойственное этим детям. Считалось, что это уникальные дети и это их врожденное качество, выступающее как психологическая броня «неуязвимого ребенка» при встрече с негативными факторами, трудностями,

стрессом. Такой ребенок воспринимался наподобие «стальной куклы» [147; 148].

В современной психологической литературе зарубежных стран вопрос сопротивляемости рассматривается широко. Но единой теории и самого понятия «психическая сопротивляемость» нет, чаще оно рассматривается в как совладающее поведение. [162]

Так, сопротивляемость традиционно рассматривается в литературе в ключе концепции С.Мадди как *выносливость (или жизнестойкость)*, представляющая комплекс личностных особенностей, обеспечивающий способность человека трансформировать стрессогенные обстоятельства в возможности для роста, развития, усиления потенциала. Тем самым не только избегает развития психических нарушений и деструкций, но и приобретает определенные преимущества и возможности. Эта способность человека предполагает наличие у него субъективного ощущения контроля над ситуацией, выраженную глубину понимания элементов ситуации и взаимодействия с ними, а также занятие человеком так называемой «антивиктимной» позиции, при которой стрессогенные факторы воспринимаются субъектом как вызов и возможность, а не как угроза и неизбежность [165].

Американский социолог и академический исследователь А.Антоновский в своих новаторских работах рассматривал взаимосвязи между стрессом, здоровьем и благополучием. Подход А.Антоновского, впервые представленный в его новаторской книге «Здоровье, стресс и преодоление», это раскрытие психологических, социальных и культурных ресурсов, которые люди могут и успешно использовать в борьбе с болезнью. А.Антоновский показал, что «чувство связности, согласованности» или способ осмысления мира являются важными факторами в определении того, насколько хорошо человек справляется со стрессом и остается здоровым. Он указывает на нейрофизиологические, эндокринологические и иммунологические пути, через которые такой феномен как «когерентность»

влияет на результаты в отношении здоровья. Е.Н. Осин содержательно суть этого понятия раскрыл как общую ориентацию личности на динамическое и устойчивое чувство, проникающее во все сферы жизни, основанное на опыте, что имеются ресурсы, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым жизнью [97].

В.Е.О'Лири для анализа проблемы совладания и жизнестойкости использует понятие «добавленной ценности». Данное понятие описывает те приобретения, которые индивид получает в результате столкновения с факторами риска и преодоления их, проживания трудной ситуации. По мнению В.Е.О'Лири, способность преодолевать трудности и получать благодаря этому дополнительные ресурсы, является важным механизмом развития, который автор обозначает как разрастание или расширение [172].

Британский психоаналитик Э.Дж.Энтони получил свою известность благодаря исследованиям по устойчивости к факторам риска у детей, особенно тех детей, родители которых имели серьезные психические заболевания. Одной из ключевых категорий, которые использует в своих работах Э.Дж.Энтони, является категория психической неуязвимости. Данную категорию автор описывает с помощью метафоры о трех куклах из разных материалов.

Метафора «Три куклы» иллюстрирует различные типы реакции, которые мы можем наблюдать со стороны различных систем, при воздействии на них внешних раздражителей.

Метафора показывает, как различные типы систем (в данном случае человек также может быть рассмотрен как система) при воздействии на них раздражителей демонстрируют реакции принципиально различной природы. Первый тип систем характеризуется высокой уязвимостью и, как следствие, подобные системы разрушаются под воздействием раздражителей. А символом такой системы является фарфоровая кукла, разбивающаяся при падении на пол. Системы, которые могут быть отнесены к типу систем со средней уязвимостью, при воздействии раздражителей повреждаются, но

сохраняют свою функциональность. Символ такой системы – кукла из дерева, которая при падении деформируется, но не разрушается целиком. Третий тип систем - с низкой степенью уязвимости. При воздействии раздражителя такая система остается неповрежденной, а символ такой системы резиновая кукла, способная деформироваться только на время, а потом возвращаться в исходное состояние [148].

Большой вклад в разработку категории психологической сопротивляемости внес известный психотерапевт психоаналитического толка Б. Цирульник [155; 156], сам пережив в детском возрасте ужасы Второй мировой войны (оба его родителя были арестованы и убиты, ему самому чудом удалось избежать лагеря смерти), впоследствии посвящает свои научные изыскания психологическим вопросам выживания в сложных ситуациях и становится известен во Франции и во всем мире как исследователь и популяризатор концепции психологической устойчивости.

Следует отметить и работу французского исследователя С.Ионеску, который на базе крупнейшего медицинского вуза Франции совместно с группой исследователей из разных стран активно применял концепцию психологической сопротивляемости в практику психотерапевтической работы с психологической травмой.

Л.Ю. Гороховатский отмечает: «Процесс интенсивной концептуализации понятия сопротивляемости и эмпирико-экспериментального исследования феномена сопротивляемости привел к тому, что в зарубежной психологии терминология сопротивляемости присутствует практически везде» [35,с. 206]. Большой интерес к данному теоретическому конструкту привел еще и к выраженной многоаспектности исследований, и к огромному количеству дефиниций данного понятия в западной литературе. Во многом сам феномен стал зачастую рассматриваться как полисемантический [см. например: 154].

С.Ионеску, проведя тщательный анализ различных концепций и исследований психологической сопротивляемости, выделил три основных варианта трактовки данного феномена:

1. Сопротивляемость как способность к адаптации. В таком ключе сопротивляемость обеспечивает нормальное психологическое развитие даже под воздействием негативных факторов: психотравм, стресса, тяжелых жизненных условий.

2. Сопротивляемость как отсутствие каких-либо нарушений психологического толка после воздействия деструктивных факторов и ситуаций, которые способны вызвать нарушения.

3. Сопротивляемость как процесс, как взаимоотношения субъекта и среды, включая факторы протекции от рисков [161].

Учитывая сказанное выше, логично заключить, что можно говорить о существовании отдельного самостоятельного конструкта, внутри которого могут быть объединены все ключевые черты рассмотренных понятий. В роли такой интегративной категории может выступать категория психологической сопротивляемости личности. Данное понятие является результатом теоретического и эмпирико-экспериментального изучения проблемы противостояния личности различным негативным и асоциальным воздействиям.

По С. Keyes, в самом общем виде под сопротивляемостью следует понимать предотвращенное или нереализованное воздействие фактора риска [162]. А Б.Б. Величковский определяет психическую сопротивляемость как «общую способность личности противостоять трудностям», нежелательным воздействиям [175].

Итак, для современной зарубежной психологии понятие «резильентность» является актуальным и раскрывает способность личности устранять конфликтность во взаимоотношениях со средой, поддерживать относительно стабильное равновесие, оптимальный уровень существования в неблагоприятной ситуации, ситуации противостояния.

Проводя анализ работ современной зарубежной психологии, посвященных феномену сопротивляемости, А.А.Нарушевич отмечает, что в текущий момент «... не существует единой точки зрения на определение сопротивляемости, ее сущности и структуры...». Также по мнению автора следует рассматривать категорию психологической сопротивляемости как аналог широко представленного в зарубежных исследованиях понятия «resilience» [91].

В отечественной литературе также нет ни единой теории, ни единого понимания самого понятия «психическая сопротивляемость». При этом мы можем говорить о большей концептуализированности, формализованности и фрагментарности данной проблемы в работах российских исследователей, в сравнении с работами западных коллег. Попытка разработки универсальной категории предполагает сравнительный анализ конструктов, наиболее часто используемых отечественными исследователями. К их числу можно отнести понятия *адаптивности* (А.Г. Маклаков), *личностного потенциала* (Д.А. Леонтьев), *жизнеспособности* (А.В. Махнач, Е.А. Рыльская и др.).

А.Г. Маклаков одним из ключевых понятий, характеризующих взаимодействие человека со средой, называет понятие адаптивности. Трактует его при этом как способность индивида приспосабливаться к правилам, принципам и условиям той среды и/или ситуации, элементом которой он является и с которой строит взаимодействие. Понимая человека как целостную систему, он понимает адаптацию как свойство любой саморегулируемой системы, обеспечивающее ее устойчивость и сопротивляемость. А рассматривая ключевые для адаптивности личностные характеристики, А.Г.Маклаков выделяет следующие: психическую устойчивость, личностный и коммуникативный потенциал, моральную нормативность личности. Данные характеристики определяют субъекта, успешно функционирующего в различных жизненных ситуациях [85].

Понятие «личностный потенциал» в интерпретации Д.А.Леонтьева представляет собой психологический аналог жизненного стержня личности.

Личностный потенциал – «это интегральная характеристика уровня личностной зрелости ... мера преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление личностью самой себя» [76]. При этом ключевыми составляющими личностной зрелости могут быть названы саморегуляция и самодетерминация личности, так как именно они осуществляют управление другими уровнями регуляции. По сути, «Речь идет о совокупности психических ресурсов, которые накоплены личностью на протяжении жизненного пути и составляют основу для совладания с жизненными противоречиями – как эндогенного (средового), так и экзогенного (внутриличностного) характера» (35, с.203).

Термин «*resilience*» в российских научных исследованиях понимается не только как психологическая сопротивляемость, но и как *жизнеспособность* (А.И.Лактионова, А.В.Махнач; Е.А.Рыльская; Л.А.Александрова).

Стоит отметить, что данный термин используется и в зарубежной психологии, но достаточно редко, и рассматривается, либо как позитивный результат и тогда рассматривается как устойчивость, либо как следствие жизнестойкости. Смысл понятия «жизнеспособность», существующее в зарубежных исследованиях, рассматривается как подверженность неблагоприятным обстоятельствам и как последующая эффективная адаптация [179].

Еще один подход в российской психологической науке рассматривает проявления *жизнеспособности* не столько в возможности преодолевать стресс, трудности, сколько в возможности находить в них глубинный позитивный смысл и преобразовывать их в конструктивные последствия (Е.А. Рыльская [116]; А.В. Махнач, А.И.Лактионова [87]; А.И.Лактионова [73] и др.).

В российской психологической науке выполнены пока малочисленные исследования жизнеспособности на молодежной и подростковой выборках в рамках социальной и возрастной психологии (А.И. Лактионова, А.А.

Нестерова). Рассмотрение данной проблематики на людях периода зрелости отсутствует. И вообще, идея данного подхода основывается на небольшом количестве источников. В настоящее время исследователям этой проблемы приходится опираться на материал, накопленный в изучении таких понятий как адаптация, устойчивость личности, противодействие, самоорганизация, саморазвития, самоактуализация, совладающее поведения, т.е. сходных с ним по смысловому содержанию (В.Е. Клочко, 2005, 2007, 2009; О.А. Конопкин, 2004, 2008; Т.Л. Крюкова, 2006; Н.О. Логинова, 2010; В.И. Моросанова, 2002, 2006; В.А. Петровский, 2007; С.Т. Посохова, 2001; Р.Х. Шакуров, 2003; Е.Ф. Яценко, 2006 и др.). Сама категория «жизнеспособность» выступает пока как понятие, не имеющее строго научного и единого толкования. Однако это не означает ее возникновение на «пустом месте», жизнеспособность имеет небогатую историю, но богатую предысторию.

Категория жизненного самоосуществления выступает как близкая понятию «жизнеспособность». Она понимается как форма усложняющейся самоорганизации, определяющая возможность к взаимодействию с миром с целью реализации жизненных выборов [80; 81]. Таким же близким понятием является и понятие «жизнестойкость» [136]. Л.А. Регуш выделяет такие характеристики жизнестойкости:

- устойчивость позитивных психических изменений при длительных негативных воздействиях со стороны микро- и макросоциума;
- сохранение позитивных достижений в психическом развитии при длительных негативных воздействиях со стороны микро- и макросоциума;
- совокупность психических свойств, позволяющих позитивно развиваться и сохранять их при длительных негативных воздействиях [110].

Среди доступных отечественных публикаций последнего времени можно выделить ряд работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты проблемы психологической сопротивляемости/устойчивости (И.В. Андреев, [7]; В.В. Аршинова [13]; А.А.Нарушевич [91]; Д.М.Сотниченко [121]; Д.А.Циринг [136] и др.).

Понятие «психологическая устойчивость» как динамическое равновесие всех личностных структур, используется по мнению Е.П. Крупника, для описания сопротивляемости личности трудным ситуациям, а также для подчеркивания способности человека к самоорганизации и саморегуляции своего поведения. Ему принадлежит концепция психологической устойчивости индивидуального сознания, в основу которой заложен ряд «психокибернетических принципов». При этом рассматриваются в основном механизмы психологической устойчивости сознания, которые не только отражают действительность в целях саморегуляции, но и моделируют "Я" в контексте внешней (проблемной) ситуации[69].

Психологическую устойчивость как умение противостоять негативным воздействиям рассматривает Л.А. Гаязова. Она определяет ее как личностную особенность, определяющую «успешное преодоление неблагоприятных ситуаций без существенных потерь для здоровья, а также приобретение в результате полученного опыта позитивных личностных изменений» [33, с.45]. При рассмотрении психологической устойчивости ряд авторов (Л.В. Куликов, М. Тышкова) видят в ней совокупность личностных характеристик, предоставляющих личности возможность эффективного взаимодействия со средой. Она определяется и как психическое состояние, позволяющее сохранять психику в равновесии с помощью противодействия, нарушающим его внешним и внутренним факторам (Н.П. Крупник, Е.Н. Лебедева) и как процесс, направленный на реализацию определенной задачи. При возникновении препятствий происходит их осознание, как правило, возникает отрицательная эмоциональная реакция. Если уровень устойчивости оптимальный, то начинается поиск способа преодоления трудности, ведущий к уменьшению силы негативных эмоций и улучшению функционирования [33].

Проблема психологической сопротивляемости затронута в диссертационном исследовании И.В.Андреева. Рассматривая понятие психологической сопротивляемости, автор использует два разно полюсных

феномена: устойчивость и изменчивость личности. Вступая во взаимодействие и приходя к некоторому балансу, эти феномены обеспечивают субъекту то, что может быть названо «авторством собственной жизни», личной самодостаточностью и свободой от зависимостей [7].

Как сопротивление неблагоприятным факторам рассматривает *устойчивость* (семейную) Е.В.Куфтяк и считает устойчивость фундаментальной характеристикой человека, поэтому у таких людей профиль включает высокие данные по всем факторам личностной теории Bigfive (Goldberg, 1996) и эти качества помогают не только выстоять под влиянием трудных жизненных обстоятельств, но и ведет к изменению существования в целом [71, с. 44].

Таким образом, в российской психологии одни авторы рассматривают психическую сопротивляемость, а другие психическую устойчивость, проявления которых в большей степени схожи, нежели различны. Можно утверждать, что они в процессе взаимодействия человека с социальной средой выступают в диалектическом единстве.

Перечисленные выше конструкты, используемые как отечественными, так и зарубежными авторами, характеризуются теоретическими различиями, методами и методиками их исследования. Кроме того, с точки зрения практической психологии, важны различия в методиках и технологиях их сопровождения [2]. Вместе с тем, и это следует из ряда публикаций [16; 160 и др.], указанные конструкты могут быть объединены благодаря схожести основополагающих черт, все они «являются своего рода элементами или частными проявлениями некоторого родового общего концепта, или, другими словами, различными гранями одного и того же феномена» [35, с. 204].

Все они, так или иначе, связаны с ситуацией преодоления существенных противоречий, которые выступают в форме жизненных проблем или трудностей. Данные проблемы в любом из перечисленных подходов сопряжены с наличием некоторых стрессогенных воздействий,

которые могут быть как следствием, так и причиной противоречий. Вместе с тем, каждый из рассмотренных конструктов подразумевает наличие некоторого личностного качества, которое позволяет субъекту с той или иной степенью успешности противостоять, преодолевать возникающие трудности.

Метафорически суть этого родового конструкта Л.Ю. Гороховатский выразил следующим образом :«Психическая сопротивляемость – это "психический иммунитет", или, иначе, “проактивная психическая защита”. Содержательно феномен сопротивляемости предстает как комплексное личностное качество, представляющее собой совокупность индивидуальных защитных факторов, позволяющих личности на психическом уровне отражать негативное воздействия физической, социальной, педагогической и профессиональной сред» [36, с. 116]. Это становится актуальным для человека, когда он попадает в сложную стрессовую ситуацию [49;36]. В настоящее время как в отечественной (Баева [16]; Жуков [49]; Гороховатский [35]; Нарушевич [91]; Юдин [145]; Velichkovsky [175] и др.), так и в зарубежной [Brooks [153]; Chan [157]; Keyes [162] и др.) литературе довольно часто обсуждается вопрос психологической безопасности личности в среде и в образовании, где ее рассматривают как меру безопасности личности, находящейся в потенциально психотравмирующей ситуации. В качестве универсальной теоретической концепции выступает концепция психической сопротивляемости личности негативным социальным и средовым влияниям.

Таким образом, психическая сопротивляемость представляется в современных зарубежных и российских исследованиях как то, что позволяет человеку благополучно существовать под влиянием различных неблагоприятных факторов. Эти индивидуальные – психические и социальные – факторы в науке получили название защитных факторов (protective factors). Их можно отнести, по мнению Р.Б. Брукс, к таким категориям: 1) индивидуальные и личностные особенности (направленность личности, уровень и особенности развития когнитивной сферы, темперамент

и характер и др.); 2) позитивные семейные обстоятельства; 3) умение успешно взаимодействовать с различными жизненными средами, в том числе, социальной, образовательной, профессиональной [153 и др.]. Сбалансированность психической сопротивляемости и уязвимости личности зависит от степени развития указанных особенностей личности, и если их целенаправленно формировать, то можно развить и психическую сопротивляемость.

Б.Бобек (B. Bobek) выделяет критерии, позволяющие оценить степень сопротивляемости/уязвимости личности, и понимает их, как и Р.Б.Брукс, как конкретные защитные факторы: значимые отношения, значимые компетенции и навыки, чувство самостоятельности, чувство принятия и чувство юмора. По его мнению, они выполняют несколько функций:

- а) снижают вероятность возникновения риска как такового;
- б) снижают вероятность неблагоприятного развития событий после действия фактора риска;
- в) повышают самооценку посредством возможности устанавливать сохранные и поддерживающие отношения, повышают успех в осуществлении деятельности;
- г) открывают широкие возможности для успешной деятельности [150, р. 202–206.].

Исходя из рассмотренных компонентов психической сопротивляемости/устойчивости и защитных факторов, можно считать, что основными психическими детерминантами являются индивидуально-личностные особенности. Однако они представлены в большом диапазоне и требуют своей конкретизации.

Размытость, нечеткость понятийного поля, семантическое неравенство синонимичных русскоязычных и иноязычных концептов приводят к тому, что понятие «сопротивляемость» соотносится с различными родственными понятиями: чувство связности – the sense of coherence (A. Antonovsky, M. Bergstein, Z. Dilani, A. Weizman); разрастание – thriving (V. O'Leary & J.

Iscovics, M. Seligman); неуязвимость – invulnerability (A. Antony, N. Garmezy, D. Lasley & P. Hill, D. Clarke); жизнестойкость – hardiness (K. Allred & T. Smith; R. Brooks, D. Evan, D. Koshaba & S. Maddi); сопротивляемость – resilience (M. Bernard, D. Hellerstein, K. Keyes, J. Ionesky A. Masten & J. Powell, M. McCubbin & H. McCubbin, M. Neenan, F. Norris, J. Richman & M. Fraser, M. Ungar, E. Werner); самоэффективность – self-efficacy (A. Bandura); жизнеспособность (А.И. Локтионова, А.В. Махнач, Е.А. Рыльская); жизнестойкость (Л.А. Александрова, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, Д.М. Сотниченко, Д.А. Циринг); жизненное самоосуществление (Н.О. Логинова); психологическая сопротивляемость (Л.Ю. Гороховатский, А.М. Жуков, А.А. Нарушевич); психологическая устойчивость (И.В. Андреев, В.В. Аршинова, Е.П. Крупник, Е.В. Куфтяк, Р.А. Тагиров). Наблюдаемый плюрализм используемых концептуальных категорий и теоретических конструкторов снижает результативность проводимых исследований и не позволяет достичь синергетического эффекта при их практическом использовании. Опорой при рассмотрении сопротивляемости/устойчивости служит материал, накопленный современными исследователями в сфере изучения сходных по смысловому содержанию феноменов.

Итак, анализ семантического пространства категории «сопротивляемость» показал большую вариативность ее существенных признаков, множественность ее общенаучных и психологических определений и в целом ее междисциплинарный характер. Однако анализ выявил и некоторые тенденции в развитии представлений об этом феномене, а также общие его характеристики, которые и легли в основу понимания автором этого явления.

Сопротивляемость определяется нами как интегральная характеристика личности, выступающая в виде совокупности психических ресурсов, которые позволяют человеку не только эффективно совладать с трудностями, нежелательными воздействиями, но и дают возможность преобразовывать негативные факторы существования в позитивные,

проявляющиеся в форме позитивного взаимодействия с окружающей действительностью, которое осуществляется, несмотря на препятствующие существенные жизненные трудности.

Таким образом, теоретическое рассмотрение сопротивляемости личности возможно с различных позиций, с опорой на различные подходы, где данный феномен выступает либо как самостоятельный, либо как следствие другого психологического явления или свойства. В психологической литературе резильентность выступает в двух ипостасях: как качество личности и как психический процесс (включающий действия, ведущие к достижению цели), как динамичное и в то же время равновесное состояние психики, которое сохраняется путем противодействия внешним и внутренним факторам. Это системная характеристика человека (выражающая ее способность к самосохранению и развитию) включает разные эмпирические референты в процессе жизни человека, в которых она проявляется.

Нами сопротивляемость/устойчивость была рассмотрена с общепсихологических позиций. Однако в зарубежной и российской психологии есть исследования, хотя и немногочисленные, где сопротивляемость исследуется в социально-психологическом аспекте как противостояние социальному влиянию. Поскольку эта проблема представлена в основном в возрастном аспекте, то она будет рассмотрена ниже.

В заключение отметим, что представляется перспективной дальнейшая концептуализация понятия сопротивляемости в теоретико-методологических рамках российской и отечественной психологии и проведение эмпирических исследований данной проблемы, которые позволят в итоге построить целостную концепцию психологической сопротивляемости и, таким образом, внести вклад в развитие психологии сохранного существования человека в природе и социальном взаимодействии (в профессиональной сфере, образовании, семье, межличностном взаимодействии).

1.3 Особенности сопротивляемости асоциальным влияниям в подростковом возрасте

Социально-психологический аспект проблемы психологической сопротивляемости/устойчивости представлен в зарубежной психологии концепцией психологического реактивного сопротивления, объясняющей реакции людей, которые связаны с уменьшением степени личного контроля [151; 152]. Согласно теории Дж. Брем, всякий раз, когда что-то ограничивает выбор человека, потребность сохранить свободу заставляет его желать этого значительно сильнее, чем прежде. Психологическое реактивное сопротивление, по мнению Р.Чалдини, способствует возникновению у человека определенных мотиваций на протяжении всей жизни. Такое реактивное сопротивление ярко проявляется в онтогенезе у «кошмарных» двухлеток и у подростков [137]. Двухлетние дети видят себя как нечто своеобразное, а трехлетние уже четко выделяют себя из мира окружающих людей. Появление у них представления об автономии способствует и появлению представлений о том, что такое свобода [163]. И у двухлетнего ребенка, и у подростка обостряется чувство индивидуальности, что проявляется во внимание к вопросам, связанным с контролем, правами и свободами. Проявление у них негативизма А.А.Смирнов рассматривает как сопротивление влиянию. А у подростков – как особую форму охраны суверенитета своей личности. Подросток стремится к раскрытию своего «Я» [120]. У большинства же взрослых, как утверждают В.Р.Рубаски D. Juieng, реактивная энергия находится в латентном состоянии и выплескивается наружу при определенных обстоятельствах [171].

Ф. Зимбардо и М. Ляйппе считают, что существуют определенные люди, подверженные социальным влияниям сильнее других, и оказывающие

слишком слабое сопротивление. Чаще всего это происходит, когда установки находятся еще на стадии формирования, когда индивидуум помещен в новую отличающуюся от прежней социальную среду, и когда переживает «кризис веры»[53, с.247], т.е., по сути дела, это связано с социальной ситуацией развития в подростковом возрасте. У людей, легко поддающихся влиянию, как показали исследования W.J.McGuire, обычно заниженная и низкая оценка себя, связанная с ослабленной мотивацией защиты своих убеждений [167].

У каждого человека есть представление о том, какое поведение или стиль жизни является предпочтительным, есть и своя система ценностей, которая играет ведущую роль в самоопределении личности, по отношению к ней формируется установка, подкрепляющая эти ценности. Как считают В.Т. Johnson и А.Н. Eagly, трудно поддаются изменению установки, прочно связанные с ценностями, поскольку, по их мнению, это может создать угрозу для самооценки личности и человек сопротивляется [170].

Особую группу составляют исследования, где феномен сопротивляемость/устойчивость рассмотрен применительно к подростковому возрасту. Следует отметить, что в этом направлении не так много исследований, и они в основном принадлежат российским психологам. Почему исследуется именно подростковый возраст? Возможно потому, что это наиболее сензитивный возраст для формирования психологической сопротивляемости, хотя это совсем не означает, что такое формирование не происходит в более ранних возрастах. ««Настоящее, когда мы рассматриваем его глубоко, вырастает из прошлого, как и то, каким будет развитие взрослого человека, во многом обусловлено тем, как складывалось его развитие в утробе матери, в младенчестве, в преддошкольную и дошкольную пору детства, в начальной школе, в отрочестве и юности» [20, с. 254]», – считает А.А. Бодалев.

Подростковый возраст сопровождается «двойным кризисом» – возрастным и социальным, которые взаимодействуют, как бы накладываясь один на другой [27]. Именно в этом возрасте формируются те особенности,

качества личности, которые дадут подростку возможность тем или иным образом реагировать на социальные воздействия окружения, на трудности, стрессовые ситуации. Как отмечает С.Т. Посохова, среди стрессоров подросткового возраста наиболее важную роль в сохранении целостности личности играют стрессоры возрастного и индивидуально-личностного развития, стрессоры, связанные с социальными и личными обстоятельствами жизни подростка, а также стрессоры семейной ситуации[103].

Сенситивность подростка к социальным воздействиям определяется вступлением его на этап возрастного кризиса, критического периода его развития, основу которого составляет формирование самосознания, что, с одной стороны, создает уязвимость к влиянию асоциальных влияний, с другой – способствует развитию своих личностных ресурсов.

В этом возрасте в самосознании подростка возникает желание быть не хуже других, и он не хочет казаться «всего лишь ребенком» и это его первый «кризис идентичности» [143], а в связи с развитием познавательной сферы у него возникают представления об альтернативных стилях жизни[159]. Они экспериментируют, примеряя разные роли, и выбирают те, которые дают им самый удобный образ «Я» и приносят им социальное одобрение. Податливость влиянию сверстников в этот возрастной период достигает максимума [169].

Д.И. Фельдштейн считает, что взрослые не всегда понимают подростков. «Непонимание или недоучет взрослыми истинных мотивов поведения подростка, реагирование лишь на внешний результат или, что еще хуже, приписывание подростку несоответствующих действительности мотивов приводит к внутреннему сопротивлению подростка воспитательным воздействиям, к отрицательной реакции на них» [134, с. 397]. Это явление Л.И. Божович [23] и Л.С. Славина [118] трактуют как смысловой барьер, возникающий, когда требования взрослых не воспринимаются подростком, как не имеющие для него подлинного смысла, несмотря на то, что они могут быть абсолютно правильными.

Проблема сопротивление/устойчивости или резистентности (от лат. *resistentia*) рассматривается в российской психологии в рамках концепции психологической устойчивости подростков. Так, Г.С. Никифоров и Л.В. Куликов связывают сопротивление, с одной стороны с направленностью личности к самостоятельному выбору, свободе принятия решения, а с другой – с процессом адаптации личности.

Авторы исследования выдвинули предположение, что если внутри взаимодействующих диад формировать эффективные соотношения между особенностями личности, то резистентность к асоциальному влиянию у подростков можно развить до продуктивного уровня. В качестве таких диад могут выступать «самооценка – притязания», «рефлексия – антиципация», «экстра – интра направленность личности» с учетом таких факторов, как целеполагание, рефлексия, предвидение, повышение значения ценности личного успеха [70].

Совершенствование процесса антиципации у подростков происходит с развитием их самосознания, что сказывается на их способности самостоятельно и осознанно ставить цели и реализовывать их. В связи с этим у подростков изменяется и отношение к будущему, исчезает неадекватность отношения к будущему как «проекции желаний настоящего». Появляется источник внутреннего движущего противоречия, приводящего к реализации потенциала личности. В качестве такого источника выступает умение подростка разделять идеальные и реальные цели, что приводит к появлению несоответствия реального уровня самовыражения потенциальному.

Расширение саморегуляции психики возможно с помощью рефлексии, которая является результатом достижения подростком формально-операциональной стадии познавательного развития. Вместе с этим появляются и способности к критическому осмыслению и анализу ситуаций, способность находить различного рода связи (аналитические, причинно-следственные, структурные и т.д.) и обнаруживать не конгруэнтность между

словами и поступками не только у других людей, но и в собственном поведении.

Преобразования, происходящие в познавательной области подростка, выступают значимыми предпосылками развития нравственности, где важную роль начинают играть не только развитие самих понятий о моральных ценностях, но и следование им[64].

В зарубежной психологии также выделяют некоторые психологические детерминанты, направленные на повышение сопротивляемости влиянию.

Во-первых, необходимо поощрять в подростках преданность уже имеющимся убеждениям. Очень повышает сопротивляемость подростков присутствие других людей, особенно значимых Других, а также принятие определенной позиции, а кроме этого, если вербальные и поведенческие обязательства для личности связаны с личностными ценностями[164].

Во-вторых, давать человеку знания, что позволяет выдвигать контраргументы. Знания делают установку более четкой и сильной [178].

В-третьих, чужие аргументы нужно научиться оспаривать. В. Макгир предложил метод защиты с помощью прививки: мнение подвергается слабой критике, предлагаются контраргументы, обдумываются собственные аргументы как отразить эту критику.

В-четвертых, нужно научиться предупреждать готовящиеся атаки на стиль жизни и установки человека. Способность сопротивляться можно развить до высокого уровня, когда у человека «имеется мотивация, и он может обеспечить собственную защиту от влияния общения» [53, с.252–253].

Ряд исследователей применяют на практике приемы, направленные на повышение сопротивляемости отрицательному социальному влиянию и на обучение детей способам противостояния. В частности, методы прививок и самогенерируемой защиты применялись Feshbach (1980) и Roberts(1982) для повышения сопротивления детей недостоверным рекламным роликам; Evans (1984) и McAlister (1981) использовали для сопротивления учащихся

побуждению начать курить; Aronson (1990), чтобы научить подростков противостоять приглашениям заняться небезопасным сексом.

Эксперименты (Е.Л.Доценко, 1996; Е.В. Сидоренко, 1995; В.С. Трипольский, 1989, 1997; Е.Е. Jones, 1966; С.М. Steiner, 1974) доказали, что «поддержка» и «опровержение» являются защитными механизмами, которые увеличивают способность человека сопротивляться атакующему воздействию убеждением [180].

Эти механизмы как бы предупреждают о возможности атаки. Само участие в воображаемой дискуссии с заданием придумать аргументы в защиту своей позиции («поддержка») является предупреждением. В еще большей степени это относится к «опровержению»: нужно придумать аргументы за своего «противника», а потом разрушить, развенчать их. Дается как бы ослабленная атака. Атака ослаблена еще и потому что испытуемый сам ее организует: сам воображает своего оппонента и придумывает ему аргументы; проявляет инициативу, активно действует, напряженно размышляет, анализирует ситуацию. «Опровержение» не только предупреждает о возможной настоящей атаке, но и помогает мобилизовать свои силы, чтобы противостоять ей [125].

Е.А.Савченко рассматривает готовность учащихся старших классов противостоять аморальным влияниям как сложное образование личности. Структура этого образования включает несколько компонентов: мотивационно-ценностный, операционно-содержательный и эмоционально-волевой. По мнению автора, готовность противодействовать асоциальному влиянию предполагает достаточное развитие всех компонентов и их единство [117].

Подростки способны с разной степенью осознанности создавать и использовать собственные ресурсы сопротивления асоциальным влияниям, деструктивному поведению. По мнению С.Т. Посоховой, ресурсный личностный круг подростка образуют: 1) продуктивные стратегии – преодоления трудностей на пути к достижению цели, обеспечивающие

конструктивный путь адаптации; 2) самооценność – признание подростком собственной уникальности, неповторимости, своей необходимости окружающим, что повышает самооценку, самоуважение; 3) ответственность – осознание подростком собственного «Я» как причины изменений в своей жизни и жизни окружающих людей, осознание личного участия в проектировании и строительстве своей судьбы, в выборе необходимых стратегий адаптации; 4) личностная система самосохранения – поведение и действия подростков, позволяющие переносить психическую травму, ставящую под угрозу физическую безопасность и безопасность его «Я» [103].

Переоценка ценностей, происходящая под влиянием накопленного опыта и формирующихся интеллектуальных способностей, приводит к тому, что расшатываются усвоенные раньше моральные установки, а выработка новых далеко не завершена. Это самый «не защищенный» по отношению к конкурирующим влияниям возраст (по В.Э. Чудновскому). По сравнению с предыдущим периодом, периодом младших школьников, в нем более ярко выражены противоречивые тенденции, это более диалектичный возраст: стремление уйти от опеки взрослых, с одной стороны, с другой – заметно тяготение подростка к взрослому, которое, однако, становится избирательным, меняется его характер [106;94].

В отдельных работах выделены факторы, снижающие сопротивляемость подростков асоциальным влияниям. К ним можно отнести прожектерство, отказ от индивидуации, дефицит социального признания, что связано с такими особенностями как дисфункциональность и уязвимость, проявляющихся в саморегуляции личности подростков. Это связано с ростом неудовлетворенности в сфере социальных потребностей, «инфляция мечты» как неспособность к выстраиванию жизненной перспективы (И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Д.И. Фельдштейн, Г.Г.Бочкарева, Е.В. Змановская, В.В.Еременко, О.В. Киселева, Л.В. Куликов, Н.С. Никифоров и др.).

Итак, жизнеспособность подростка определяется сформированностью его психологической сопротивляемости/устойчивости. Сопротивляемость можно определить как способность противодействовать тому, что нарушает свободу поведения, способность к сопротивлению сохраняет за подростком право и обязанность свободного выбора образа жизни в целом. Сопротивляемость асоциальному влиянию проявляется в преодолении подростком различных трудностей, позволяет ему сохранять веру в себя и свои возможности. Важнейшей стороной сопротивляемости является индивидуальная и личностная самодостаточность, позволяющая быть свободным от зависимости любого характера. Итак, психологическая сопротивляемость/устойчивость как психологическое свойство личности подростка позволяет ему противостоять жизненным трудностям, стрессу, неблагоприятному давлению обстоятельств в различных сферах жизнедеятельности и сохранять свое психическое здоровье.

1.4 Современная ситуация развития подростка как социально-психологическая детерминанта его сопротивляемости.

В современной психологии общепризнанным является положение о значении социальной среды для психического развития личности. Исторически сложившиеся виды социальной деятельности индивид усваивает с помощью процесса интериоризации, лежащего в основе становления его внутреннего мира, что, однако не отрицает индивидуального развития его психических процессов и состояний. «Каждая новая ступень психического развития ребенка следует за предыдущей, и переход от одной ступени к другой обусловлен не только внешними, но и внутренними причинами», –подчеркивал А.В. Запорожец[51, с. 232]. Индивидуальное и социальное, таким образом, связаны между собой и в каждом возрасте имеют свои особенности. В связи с этим было введено понятие «социальная ситуация развития» для описания инкорпорирования индивидом социального

опыта, который становился содержанием его психической жизни. Данное понятие было признано Л.С. Выготским важнейшей характеристикой возраста, которое используется в процессе методологического анализа взаимодействий ребенка и его социального окружения[31].

На основе социокультурных факторов складывается определенное отношение лиц ближайшего окружения (а опосредованно и дальнего окружения) к конкретному человеку конкретного возраста, а субъект личностного развития определяет ситуацию для себя, одновременно определяя себя в этой ситуации.

Идея о неразрывном единстве личности и ее социокультурного контекста развития уже наверняка стала тривиальной, однако она имеет весьма нетривиальные варианты своего развития, когда мы хотя бы незначительно углубляемся в решение вопроса: каковы механизмы реализации этого единства. И ответ на него различен в зависимости от теоретической модели развития, установленной в различных школах и направлениях (бихевиоральная психология, гуманистическая, эпигенетический подход, концепция жизненного пути, модель экологических систем, культурно-исторический подход и т.д.). Именно учение о социальной ситуации развития позволяет органично вписать развитие личности в социально-исторический контекст.«Для того чтобы понять влияние среды на формирование возрастных особенностей ребенка, следует учитывать не только те изменения, которые произошли в среде... но и те изменения, которые произошли в самом ребенке и которые обуславливают характер влияния среды на его дальнейшее психическое развитие», – считает Л.И. Божович [22, с. 152]. То есть содержание понятия «социальная ситуация развития», согласно Л.И. Божович, можно определить, исходя из принципа «двойной экспозиции», по которому позиция ребенка внутри ситуации складывается из его объективного положения (обстоятельств, в которых он живет) и переживания им этого своего положения.

Эта идея прослеживается и у Д.И. Фельдштейна, рассматривающего процесс социализации, как постепенное приобретение индивидом социального опыта, расширение сферы его общения и деятельности, как развитие саморегуляции и становление процессов самосознания. Это четкое понимание того, что этот процесс вариативен и детерминируется как индивидуальными особенностями индивида, так и особенностями развития общества, а также системой воспитательных воздействий. Важная, существенная закономерность заключается в том, что личностное становление и развитие на каждом этапе онтогенеза начинается и определяется уровнем социального развития [130].

Категория «социальная ситуация развития» и ее содержание в различных возрастах были тщательно теоретически и экспериментально проанализированы в работах отечественных психологов Д.Б.Эльконина [141], В.В. Давыдова [37], М.И. Лисиной [79], Л.И. Божович [23], Д.И. Фельдштейн [134] и др.). В этих работах показано, что в нормативном возрастном пространстве все психическое развития ребенка, – его направление, содержание и характер –определенно обуславливаются особенностями социальной ситуации развития.

Тщательное исследование социальной ситуации развития подростков показало, что оно обусловлено своеобразием места ребенка этого возраста в обществе, сменой его позиции в отношениях с миром взрослых, их ценностями, что составляет новое содержание его сознания, формирует новые аспекты самосознания, понимания своей роли в обществе. Понимание этой роли невозможно без анализа процессов, происходящих в обществе в данный период времени, общего характера социального устройства, его функционирования, складывающегося из множества процессов и составляющих. В такой же мере этот процесс, по мнению Д.И. Фельдштейна, обусловлен социально-экономическими реформами, проводимыми в современной России вот уже более двух десятков лет, бесконечным экспериментом по реформированию общества и экономическим кризисом,

охватившим все мировое сообщество, «цивилизационным сломом» [135, с. 28–32]. В современной ситуации развития подростка происходит отдаление его от взрослых (Д.И. Фельдштейн), от школы, школы – от учителя, а учителя от характера своей деятельности (В. Чернова), отсутствуют нормативные образцы ценностей и поведения (Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко). Можно добавить к этому значительное усиление направленности информационного потока на подростка со стороны различных социальных институтов, в особенности со стороны СМИ, причем этот поток хаотичный, бессистемный, который мало вписывается в систему образования. Еще одной «болевым точкой» для молодежи, по мнению В.Э. Чудновского, является проблема религиозности, религиозного экстремизма, когда люди другого вероисповедания или атеисты рассматриваются как люди «второго сорта».

Надо учесть, что это неполный список современных реалий, описывающих социальную ситуацию нынешнего подростка. Резкие и масштабные изменения социальной среды, социального сознания общества, влекущие за собой масштабные изменения в структуре и функционировании социальных институтов, обусловлены их прямой взаимозависимостью. Они ставят традиционную систему воспитания в тупик, вызывают напряжение и неустойчивость.

Эти современные реалии отмечают не только российские психологи (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, И.С. Кон, Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко, Д.И. Фельдштейн, А.А. Реан, Н.Н. Толстых, В.Э. Чудновский, Г.Волович и др.), но и зарубежные (Кле, Сиск, Колберг, Кербер, Фишер и др.).

Анализ социальной ситуации развития подростка, проведенный Е.П. Белинской и Т.Г. Стефаненко показал: «...Социальные изменения и ценностно-нормативный кризис общества могут быть рассмотрены *на трех взаимосвязанных уровнях: на уровне общества в целом, на уровне социальной группы и на уровне личности*» (выделено в тексте – О.А) [18, с. 22].

На уровне *общественного сознания* произошел кризис «нормативных представлений о взаимоотношениях личности и общества» [18, с.23]. Два основных критерия – этническая принадлежность и материальная обеспеченность – лежат в основе возрастания социальной стратификации как основания для проявления социальной нестабильности в условиях современности.

Возрастает число социальных ситуаций, характеризующихся неопределенностью, которая связана с отсутствием нормативных предписаний о целях и результатах деятельности конкретной *социальной группы*, что приводит на уровне «группового сознания» к альтернативным проявлениям норм. Конкретная социальная группа вырабатывает нормы, не существовавшие ранее и имеющие специфические особенности, и кроме того одновременно может быть представлено множество различных социальных норм.

Ценностно-нормативный кризис происходит и на *личностном уровне*. Эти нарушения связаны с временной перспективой, с отношением к прошлому, настоящему, будущему, с повышением тревожности за настоящее и будущее.

Изменились требования общества к *личности*. От нее требуется умения нести личную ответственность и умения действовать в неопределенной ситуации. Такие ситуации требуют от личности демонстрации одновременно двух разнонаправленных индивидуально-психологических особенностей – социальной подвижности (лабильности), помогающей подростку адаптироваться к социальному миру, и сформированной персональной идентичности, создающей внутренний «стержень», служащий опорой для процесса самоопределения. Однако, по мнению Е.П. Белинской и Т.Г. Стефаненко, наличие в настоящее время множества различных ценностей ни одна из которых «не представляют собой четко структурированной нормативной модели, затрудняет для подростка ситуацию социального выбора и принятия социальных норм...», что связано с «ломкой

социокультурных стереотипов» [18, с. 7] и что может выражаться в неспособности части подростков справляться с асоциальными влияниями, к росту отклоняющихся форм поведения.

Трансформация моральных ценностей, транслируемых изначально семьей, а затем и другими социальными институтами (школа, СМИ) привела к тому, что единственной ценностью, усвоенной нынешним подростком, является экономическое благополучие – все подчинено этой цели. Она пропагандируется всем обществом в целом и любое взаимодействие в этом обществе прямое тому подтверждение – деньги решают все: в каком образовательном учреждении ты учишься, в каком районе проживаешь, какие заведения посещаешь, в какие секции и кружки ходишь. Воспитывать детей стало некогда и даже «немодно»: смена основных ценностей и ориентиров, культурных традиций, этических норм, незнание и, самое худшее, нежелание знать этикет, безразличие, эмоциональное «отупение» – вот те условия, которые характеризуют социальную ситуацию развития нынешних подростков. В настоящее время отмечается вакуум духовности, который заполняется, как считает Д.И. Фельдштейн по-разному, и в основном связан с отрицательными приобретениями (грубость, жестокость, агрессивность, негативизм, протестующий характер поведения, прагматизм, национализм).

«Именно эти новые отрицательные приобретения, ведущие к деформации мотивационно-потребностной сферы личности, вызывают сегодня беспокойство, так как здесь мы столкнулись с таким характером конфликтности поколений, в котором кроется опасность своего рода деструктивирования всей системы наследования культурно-исторического опыта» [132, с. 40].

Как уже упоминалось выше социальное и индивидуальное взаимосвязано. Рассмотрев социальную ситуацию развития личности подростка, обратимся к индивидуально-личностным его особенностям.

В развитии подростка в качестве основных личностных новообразований выступают следующие: *развитие чувства взрослости, мышление в понятиях, развитие сознания на уровне самосознания*, (Л.С. Выготский, 1982; Т.В. Драгунов, 1997; И.С. Кон, 1989, 1994; А.П. Новгородцева, 2008; А.И. Подольский, 2004; К.Н. Поливанова, 2000; А.А. Реан, 2003; Д.И. Фельдштейн, 1988, 2005, 2009; Д.Б. Эльконин, 1997 и др.). Центральным новообразованием личности подросткового возраста, по мнению таких авторов как Т.В. Драгунова, Д.Б. Эльконин и др, является «чувство взрослости», как стремление войти в мир взрослых, определяющее содержание социальной активности и ее направленность. Именно это «чувство взрослости» порождает кризисные переживания подростка и влияет на его развитие личности. Д.Б. Эльконин считает, что если в этот переходный период ничего не меняется в позициях взрослых по отношению к подростку, то это может привести к «взрыву», разнообразным трудностям [142, с.316].«Чувство взрослости» и, возникающие в связи с ним трудности, связаны и с индивидуальными особенностями подростков.

Между подростками одного и того же биологического возраста существуют различия в личностных характеристиках связанные с особенностями их жизненного пути, а также их внутренней позицией, понятием, введённым Л.И. Божович. Это было развитием теоретических положений Л.С. Выготского и связано с понятием «значащие переживания», которыми он пользовался, объясняя то, почему *одни воздействия социума влияют на личность, а другие его не оказывают*(выделено нами – О.А.).Под внутренней позицией Л.И. Божович понимала целостную систему отношений личности к миру и самому себе, включающую аффективную и рефлексивную составляющую индивида и реальные мотивы по отношению к чему-либо, возникающую на рубеже школьного возраста (6–7 лет). Данное понятие имеет важный смысловой аспект. Это выбор человеком своего места в жизни, определяемый не внешним окружением, а принятый самим человеком, внутренними его побуждениями.

Вообще стоит подчеркнуть высокую эвристичность теории Л.И. Божович о внутренней позиции. В современных российских исследованиях, посвященных развитию ребенка в онтогенезе, ряд работ затрагивают проблему внутренней позиции личности в подростковом возрасте. Это исследования Н.Н. Авдеевой [1], Л.Г. Бортниковой [24], А.Р. Кирпикова [61], М.Е. Кривец [68], Д.В. Лубовский [83], Т.А. Нежной [92], А.А. Реан, Я.Л. Коломинский [108] и др. В юношеском возрасте внутренняя позиция исследовалась в связи с самоопределением и профессиональным становлением Т.В. Ананьевой [5], Д.Н. Дубровиным [42; 43], В.С. Лукиным (2002, 2004) и др.

Л.И. Божович, определяя внутреннюю позицию как динамическое образование, показала общую схему качественных изменений ее в онтогенезе: от стремления к новому, «взрослому» положению в детстве, к положению в соответствии с требованиями – в зрелости, к сохранению прежнего положения – в старости [23].

Эмпирическое исследование внутренней позиции, проведенное Т.А. Нежной на готовности детей к школьному обучению, выявило три компонента: рефлексивный, мотивационный и эмоциональный компоненты [92]. В исследовании Л.Г. Бортниковой выявлено несколько типов внутренней позиции и раскрыта их неоднозначная связь с самооценкой школьников [24]. Для нашего исследования эти положения являются важными, поскольку рассматриваемый нами возраст – подростковый – характеризуется становлением такого новообразования как самосознание, где самооценка играет важную роль

Д.В. Лубовский выделяет основную функцию внутренней позиции подростка, связанную с принятием или отвержением воздействий социума, побуждением к поступкам или, наоборот, к сознательному отказу от действия, т.е. она направлена на регуляцию взаимодействия личности и социального окружения [83, с. 80–87].

Эвристической силой эта теория обладает и для нашего исследования, поскольку наличие внутренней позиции определенным образом сказывается и в поступках подростков, направленности их поведения и отношения к тем влияниям, которые оказывает на него социум. В связи с этим примечательно высказывание Л.И. Божович о том, что основные потребности подростков диктуют и мотивы его поведения, которые связаны с нравственными и моральными чувствами[23, с.170]. Можно сказать, что такой потребностью, в которой «кристаллизуются» намерения, цели и т.д. является потребность в признании *права*(выделено нами – *О.А.*) подростка быть взрослым.

«Возраст не определяет стандарта психического развития», – писал в свое время Л.С. Рубинштейн, отмечая что каждый ребенок проходит свой, только ему свойственный путь индивидуального развития и своими темпами [цит по: 60, с.105]. В действительности жизнь человека, его индивидуальная жизнь характеризуется различными этапами, которые неравнозначны с точки зрения того, что личность на них обретает. Индивидуальные различия как бы перевешивают возрастные. Эта идея лежит в основе понятия Я. Л. Коломинским «персогенная ситуация развития»[63]. Это особые «событийные точки» в развитии (что не упраздняет возрастные кризисы), связанные у человека с быстрыми и кардинальными изменениями социальной и личной жизни. Социальная ситуация развития выступает перед ребенком как система микросредовых, микрогрупповых ситуаций, в которых осуществляется межличностное взаимодействие со значимыми другими. К появлению персогенной ситуации приводят значимые события в межличностных отношениях, которые порождают мотивацию изменения, при условии, что у человека есть все необходимое для появления новообразования. Персогенное событие разрушает систему отношений человека к другим, к самому себе, к миру в целом, преобразует ее. Событие является, с одной стороны препятствием, сопротивлением на пути развития личности, с другой стороны, переходной формой к ее новым возможностям. Такая ситуация как бы усиливает внутреннюю предрасположенность

личности, она подготовлена изменением объективных условий (социальной среды), выступающих фактором непосредственных личностных изменений [48]. Л.С. Выготский очень точно описал феноменологию таких изменений. «Ребенок в очень короткий срок меняется весь в целом, в основных чертах личности. Развитие принимает бурный, стремительный, иногда катастрофический характер, оно напоминает революционное течение событий, как по темпу происходящих изменений, так и по смыслу совершающихся перемен. Это поворотные пункты в детском развитии» [31, с. 249].

Сказанное можно резюмировать следующим образом. Подростковый возраст – это этап критического (кризисного) периода психического развития: переход от детства к взрослости, имеющий исключительную сложность и противоречивость, связанную с особенностями современной социальной ситуации развития подростка, характеризующуюся ослаблением влияния всех институтов социализации. Для продуктивного развития личности подростка в таких условиях важным является то, насколько он способен противостоять трудностям, сопротивляться негативным воздействиям, т.е. насколько сформирована и какова его внутренняя позиция, развиты его положительные приобретения, сопровождающие протекание данного возрастного периода (возрастает самостоятельность, расширяется сфера его деятельности и качественно изменяется, расширяются взаимодействия со сверстниками и т.д.).

Выводы по первой главе

1. Понятие «сопротивляемость» носит межпредметный характер, в качестве основной характеристики которого выступает способность «противостоять», «противодействовать», быть устойчивым, не поддаваться влиянию. Понятия сопротивление и устойчивость выступают в диалектическом единстве.

2. В современной англоязычной психологии «практически везде» в исследованиях присутствует проблематика сопротивляемости, что говорит о

действенности и продуктивности данного подхода. Несмотря на это, нет ни единой теории, ни единого понимания самого понятия «психическая сопротивляемость», поскольку в исследованиях оно начинает «обрастать» родственными понятиями с похожими референтами и ориентировано на рассмотрение этого феномена, в основном, в контексте совладающего поведения.

В отечественной литературе также нет ни единой теории, ни единого понимания самого понятия «психическая сопротивляемость». И в работах российских авторов проблема сопротивляемости концептуализирована и формализована более фрагментарно, чем в зарубежной.

В настоящий момент отсутствует дефиниция сопротивляемости, не определены ее структурные компоненты. Рассмотрение сопротивляемости личности происходит с различных позиций, с опорой на различные подходы, где данный феномен выступает либо как самостоятельный, либо как следствие другого психологического явления или свойства.

3. Психическая сопротивляемость представляется в современных зарубежных и российских исследованиях как совокупность ряда индивидуально-психических и социальных конструктов, позволяющих человеку продуктивно функционировать под влиянием различных неблагоприятных факторов. Сопротивляемость представлена в различных ракурсах: как личностное свойство, как психическая функция, включающая последовательно выполняемые действия, ведущие к реализации цели, как подвижное равновесное состояние психики, которое сохраняется путем противодействия внешним и внутренним факторам.

4. Сопротивляемость определяется нами как интегральная характеристика личности, выступающая в виде совокупности психических ресурсов, которые позволяют человеку не только продуктивно справляться с трудностями, нежелательными воздействиями, но и дают возможность преобразовывать негативные факторы существования в позитивные, проявляющиеся в форме позитивного взаимодействия с окружающей

действительностью, которое осуществляется, несмотря на препятствующие воздействия.

5. В подростковом возрасте новообразования тесно связаны с происходящими социальными изменениями в обществе, которые оказывают влияние на протекание процесса социализации. Ситуация, в которой находится взрослеющий человек, требует от него постоянного выбора – способа действия, способа достижения своих целей, самих этих целей (отдаленные цели) и внутренней позиции, что, в свою очередь, оказывает определенное влияние на становление, развитие психологической сопротивляемости негативным воздействиям.

6. Подростковый возраст характеризуется «двойным кризисом» – возрастным и социальным, которые взаимодействуют, как бы накладываясь один на другой/Именно в этом возрасте формируются те особенности, качества личности, которые дадут подростку возможность тем или иным образом реагировать на социальные воздействия окружения, на трудности, стрессовые ситуации. Чувствительность подростка к социальным влияниям обуславливается неустойчивым характером развития его личности, базу которого составляет развитие самосознания, что, с одной стороны, делает его уязвимым к влиянию асоциальных факторов, с другой – дает возможность развить свой потенциал.

7. В феномене сопротивляемости могут быть выделены психологические детерминанты, выступающие в виде ресурса развития, что позволит расширить представление о сопротивляемости как психологическом феномене, а также будет способствовать построению эффективных программ развития психологической сопротивляемости.

ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ ПОДРОСТКА АСОЦИАЛЬНЫМ ВЛИЯНИЯМ

2.1 Принципы и подходы к исследованию

В свое время С.Л.Рубинштейн отмечал важность методологии для исследования вне зависимости от того осознает ли это исследователь или нет. В действительности любое научное исследование, используя те или иные методы, реализует определенную методологию. По мнению С.Л. Рубинштейна, для психологии необходимо, чтобы каждый исследователь использовал ее не механически, накладывая на конкретное содержание науки, а она была осознана и раскрывалась внутри в закономерностях содержания науки [115, с.38].

Роль методологии заключается в регуляции и контроле за организацией и реализацией исследования. В.А. Лекторский и В.С. Швырев первыми высказали мысль о том, что методология неоднородна, а включает в себя несколько различных уровней методологического анализа [74]. Однако именно Э.Г. Юдину принадлежит заслуга выделение четкой концепции конкретных уровней методологии, включающих *философскую методологию, обще научную методологию, конкретно-научную методологию и методiku, и технику исследования* и образующих иерархическую систему, где для любого методологического знания философский уровень выступает как содержательное основание [144]. Это дает возможность использовать в качестве методологического обеспечения указанных в исследовании принципов и подходов.

Данное исследования в качестве основного принципа использует принцип *системности*, имеющего в психологии различные версии: С. Л. Рубинштейн (1957), Б.Г.Ананьев (1960), Б.Ф.Ломов (1975), В.П.Кузьмин

(1980) и др. Системный подход разрабатывался постепенно и был использован первоначально в исследовательской практике и только потом получил теоретическое оформление. Данный подход давал возможность обнаружить новые качественные характеристики, прийти к важным открытиям.

Полисистемный подход Б.Ф. Ломова, объединяющий наработки многих психологов при изучении психических явлений, послужил тем принципом, который дает возможность рассматривать сопротивляемость как интегративную систему как целенаправленное и социально обусловленное образование. Б.Ф. Ломов считает, что поведение человека, включаясь в различные системы отношений, обнаруживает качества, отсутствующие в других системах [82].

Этот принцип позволяет исследователю свести в единую теоретическую картину и ценность, и целостность самого объекта, и многообразные связи, обнаруженные в нем. С этих позиций поведение подростка выступает как целостная система, при анализе которой обнаруживаются межличностные ситуации, в которых проявляются многочисленные связи и отношения подростка и с окружающей действительностью, и с другими подростками, и со взрослыми.

Понятия, использованные в исследовании – влияние, устойчивость, сопротивление, противостояние – также представляют определенную систему и рассматриваются только в соотношении друг с другом. Значение имеет и то, понимает ли подросток смысл данных понятий и насколько хорошо, так как владение понятиями обеспечивает включение содержания мышления во внутренний план, становится достоянием его внутреннего мира [9]. Л.С. Выготский считает, что содержание мышления, входя во внутренний мир личности подростка, становится «достоянием личности, начинает участвовать в общей системе движения этой личности» [31, с.71]. Он подчеркивает важность овладения подростком понятиями, системой понятий и их значения для развития личности. «Только с образованием

понятий наступает интенсивное развитие самовосприятия, самонаблюдения, интенсивное познание внутренней действительности, мира собственных переживаний» [31, с.65].

В педагогической психологии *принцип развития* рассматривается и как общенаучный, и как собственно психологический. В этом большую роль сыграл деятельностный подход, главная заслуга которого в том, что методология историзма совместно с принципом развития были введены в их философских грамотных интерпретациях [52].

С.Л. Рубинштейн отмечал, что развитие психики является «общим принципом или методом исследования всех проблем психологии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» [115, с. 91].

Принцип *развития* означает, что психическое может быть правильно понято и адекватно объяснено, при условии его представления как продукта формирования и результата деятельности. Это принцип реализуется в работах многих российских ученых (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и др.). Раскрытие того, каким образом изменяются явления в результате действия производящих их причин – это прерогатива принципа развития, вместе с тем он включает положение о том, что эти явления видоизменяются в связи с инкорпорированностью в целостную систему [111].

Способ функционирования такого психологического образования как устойчивость/сопротивляемость, рассматриваемое в исследовании, нельзя понимать только как изменение именно этого образования, – и в этом характерность логики развития. Это стоит понимать и как продукт формирования другого образования – влияния, поэтому в онтогенезе начало и конец становления и изменения устойчивости/сопротивляемости не идентичны ни по материалу, ни по структуре, ни по способу

функционирования. То, что появилось, – не соответствует тому, из чего оно появилось; в генетической логике – это правило понимания «развития».

Проблему психического развития детей большинство российских психологов (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, И.В. Дубровина, В.В. Давыдов, М.И. Лисина, В.А. Петровский, Д.И. Фельдштейн и др.) рассматривают в единстве со становлением их как личности. Личность подростка, как и любого человека понимается как социально-детерминированная и ребенок становится личностью тогда, когда у него появляются социальные качества, которые определяют его как члена общества, как активного, деятельного субъекта [134].

2.2 Соотношение «внешнего» и «внутреннего» в исследовании сопротивляемости подростка асоциальным влияниям

В современной социальной ситуации развития подростки оказались в сложном положении, которое отрицательно сказывается в их личностном развитии. Д.И. Фельдштейн так характеризует эти проявления: «Отмечается интенсивная примитивизация сознания детей, рост цинизма, грубости, жестокости, агрессивности. А за этими внешними проявлениями кроются внутренние глубинные переживания ребенка: неуверенность, одиночество, страх, и в то же время – инфантилизм, эгоизм, духовная опустошенность, т.е. те современные приобретения Детства, которые являются тяжелой потерей для него» [135, с.30]. Это не может не волновать общественность и это побуждает искать пути для исправления данного положения.

Большое внимание в российской психологической науке в настоящее время уделяется проблеме здоровьесберегающей образовательной среды, включая и проблему психологической безопасности (Т.С. Кабаченко, 2000; И.А. Баева, 2002, 2005; И.А. Баева, Л.А. Гаязова, 2012; Е.В. Цирихова, 2011 и др.). Образовательная среда должна быть свободной от психологического насилия, от

воздействий асоциального влияния. Психологически безопасная среда нужна для развития личности ребенка, для его самореализации и самосохранения. Если безопасность среды нарушается, у ребенка возникает оборонительная тенденция и это порождает сопротивление, которое может быть, как внешним, так и внутренним.

Понятия «внешнее и внутреннее» выступают как философские категории, где внешнее обнаруживается непосредственно, а внутреннее скрыто и может быть обнаружено благодаря идеальной деятельности, благодаря теоретическим исследованиям. Сами эти понятия относительны и многозначны. И внешнее, и внутреннее имеют свою логику становления, развития и функционирования, они находятся в диалектическом единстве и разорвать их связь невозможно. За внешним всегда скрывается внутреннее, а внутреннее раскрывается через внешнее. Как отмечает С.Л. Рубинштейн: «Однако это отношение не зеркально; их единство – не автоматическое совпадение; оно не всегда адекватно. Если бы это отношение между внутренней психологической природой акта и его внешним протеканием вовсе не существовало, объективное психологическое познание было бы невозможно; если бы оно всегда было адекватно, зеркально, так что каждый совершенный акт не требовал бы никакого истолкования для квалификации его внутренней природы, психологическое познание было бы излишне» [115, с. 31–32].

Имея философский статус, дихотомия «внешнее – внутреннее» выступает в психологии (в том числе, и в дифференциальной психологии) как важная координата, примыкающая к основной – «биологическое – социальное», где основным выступает соотношение биологического, психологического и социального в развитии индивида, личности, как центральной проблемы в психологии: «источники развития находятся в самом процессе развития, выступая как его внутренние причины, а в качестве внешних причин следует рассматривать условия, обстоятельства» [112, с. 290].

Природные, биологические предпосылки совершенно необходимы для психического развития. Они являются важными, но лишь предпосылками, а не

движущими силами психического развития. Биологическое проявляется через социальное, и в разных социальных условиях по-разному.

В качестве принципиального положения С.Л. Рубинштейна выступает его мысль о том, что личность включает в себя (в снятом виде) биологическое начало, поскольку сохраняет типологические особенности нервной деятельности организма, однако приоритет принадлежит культурно-исторической детерминации. «Центральное положение заключается в том, что по самой своей природе психические явления включаются в причинную взаимосвязь бытия одновременно и как обусловленные, и как обуславливающие. Они обусловлены объективным действием условий жизни, но осуществляют регуляторную функцию по отношению к движениям, действиям и поступкам. Сознание не отделяет, а связывает человека с миром. Практика и действия обеспечивают бесконечность процесса проникновения человека в мир, приобщения к нему и вместе с тем его изменения» [112, с. 360].

Влияние среды – ближайшего социального окружения – является существенным фактором развития подростка. Как известно, основным новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости, которое вызвано не только биологическим развитием (рост физических возможностей, мышечная сила, половое созревание), однако это и главная причина конфликтности с окружающими.

В отношениях с товарищами подросток реально стремится выстраивать такие отношения, какие существуют у взрослых – доверие, признание равенства, верность другу, взаимопомощь, правдивость и т.д. – соответствующие высокой морали взрослых и противоположны морали послушания, требуемой взрослыми. Размышление о себе становится самостоятельным внутренним процессом и под влиянием товарищей и обучения у подростков формируется система жизненных ценностей. Однако они подражают в первую очередь внешним проявлениям взрослости: курение, алкоголь, взрослая одежда и мода, украшения, косметика, виды отдыха и т.д. По данным Д.И. Фельдштейна, желание все попробовать лично и значимость мнения группы сверстников делает подростка крайне

уязвимым, подверженным асоциальному влиянию, влиянию «улицы». Самооценка подростка не только неадекватна, но и непостоянна, она то неоправданно повышается, то резко снижается. Завышенная самооценка подталкивает к неоправданным поступкам и обещаниям, желание показать себя взрослым может выступить мотивом правонарушений.

Меняется внутренний мир подростка, а отношение к нему остается прежним. Внутренняя деятельность подростка, его переживания, так или иначе проявляются во вне, в его действиях и поступках, актуальных и наблюдаемых. По мнению В.Э. Чудновского, в подростковом возрасте внутреннее преобладает над внешним, что приводит к рассогласованию «внешнего» и «внутреннего», а это, в свою очередь, к кризисному развитию подростка [139, с. 708].

Для выстраивания взаимоотношений с подростком, соответствующих его внутренним состояниям, связанным с качественно новым отношением к окружающему миру, необходимо понять в чем заключается это его новое отношение к внешнему миру [39; 102].

Выше уже упоминалось о том, что развитие мышления и самосознания подростка обуславливают развитие нового отношения подростка к окружающему миру и себе, а также способность замечать, обобщать и давать оценки поступкам других. Они начинают понимать несостоятельность взрослых – родителей, учителей – во многих вопросах, видят их слабости, Вхождение подростков во взрослую жизнь происходит однобоко. Эти отношения подростков связаны с осмыслением своего критического отношения к взрослым, Неуважительная позиция ко взрослым, исчезновение наивной веры в авторитет родителей и учителей, неконгруэнтность между их словами и делами, недостатки, ошибки – и между взрослыми и подростками возникает барьер, возникают и углубляются критические точки в отношениях, вызывающие глубокие переживания подростков, проявляющиеся в различных срывах в психики и их поведении. «Изменение внутреннего отношения к миру неизбежно сопряжено с изменением внешнего поведения, которое отражает особенность реакции взрослых на новый взгляд подростков на мир.

Изменившееся внутреннее отношение подростков к миру взрослых, которое называют "чувством взрослости", по своему внутреннему содержанию есть разочарование в совершенстве взрослого мира и осознание своего критического отношения к близким взрослым. Развитие подростка в условиях непринятия его критического отношения проявляется негативизмом, который провоцируется самим взрослым»[56, с.109–110]. Т.В. Драгунова также подчеркивает изменившиеся отношения подростка к миру взрослых как к посредникам, открывающим детям будущее [39,с.102]. Стоит заметить, что и со стороны взрослых четко наблюдается отстранение от мира детей. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, в настоящее время дети вышли из постоянного контакта со взрослыми [135, с. 29].

Парадокс заключается в том, что подросток противостоит тому, к чему стремится сам. Несмотря на негативное отношение ко многим сторонам жизни взрослого, протестующий характер поведения по отношению к ним, подросток в тоже время дорожит мнением и отношением к себе взрослых и чаще всего чужим взрослым.

Взаимодействие «внешнего» и «внутреннего» проблема не только теоретическая, но и практическая, связанная с реальными процессами развития и воспитания детей. В.Э. Чудновский прав, когда говорит: «Мы длительное время исходили из тезиса о всемогуществе воспитания, в котором фактически выступала позиция абсолютного господства «внешнего» над «внутренним». Однако становится все более ясно, что этот тезис – миф. Да, воспитание может многое, но при условии, что оно не теряет чувства реальности, не уродует природу человека, а исходит из ее закономерностей» [139, с. 33].

Зоной ближайшего развития подростка (по Л.С. Выготскому) является преодоление отчуждения подростка от взрослого, одиночества, агрессивного поведения детей, сохранения уровня социальной активности подростка; необходимо дать подростку возможность стать субъектом собственного развития и управлять им.

Соотношение «внешнего» и «внутреннего» в рамках нашего исследования выступает как методологический подход к пониманию устойчивости/сопротивляемости подростка асоциальным влияниям. Устойчивость понимается как сопротивление внешним разрушающим воздействиям (активно, а не пассивно противодействующим) и выступает как результат психики в целом.

Как показано в теоретической части исследования проблематика сопротивляемости в англоязычной психологии представлена достаточно широко в отличие от российской психологической науки, хотя и здесь появляется достаточно много исследований, рассматривающих психологическую сопротивляемость/устойчивость с различных позиций и в различных ракурсах, что свидетельствует об актуальности данной тематики, ее востребованности в современных условиях. Но это порождает необходимость создания единой теории, концепции тех методологических принципов, которые могут выполнять роль руководящей идеи при исследовании данной проблематики. Одним из таких методологических подходов может выступить анализ соотношения «внешнего и внутреннего». «Общая задача всех методов объективного психологического исследования заключается в том, чтобы адекватно выявить это отношение и, таким образом, по внешнему протеканию акта определить его внутреннюю психологическую природу» [114, с. 46].

Единство и соотношение «внешнего и внутреннего» как методологический подход может рассматриваться и более широко, включая и принцип детерминизма, с точки зрения причинной обусловленности и, по мнению С.Л. Рубинштейна, он подчеркивает не только подчиненность «внешнему». «В практическом плане этот подход дает возможность выявить, каков будет тот «вклад» в структуру личности подростка, который даст ему силы для сопротивления и сделает его устойчивым к асоциальным влияниям» [56, с.109].

Человек в своей жизнедеятельности создает среду – «внешнее», – которая может способствовать возникновению как позитивных тенденций личностного

развития, так и негативных, приводящих к деформации личности – к «внутреннему». И здесь возникает уже другая проблема – проблема нравственности, хотя на самом деле она не другая, а основная.

2.3 Личность подростка как феномен субъектности.

Выявление соотношения «внешнего» и «внутреннего» позволяет остановиться на собственной внутренней активности субъекта, которая характеризует его как субъекта деятельности.

Подчеркивание и акцентирование в исследованиях целостности психических явлений связано с использованием субъектного анализа при исследовании психики, по которому и деятельность, и психические процессы изучаются в соотнесенности к тому, кому они принадлежат (С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский) [8]. Если проанализировать исследования, можно увидеть, что в нем самый простой психический акт включен в общий контекст развития субъекта, поскольку он и принадлежит именно ему. Здесь в роли, объединяющего различные проявления психики, выступает субъект, выполняя роль стержня, позволяющего выявлять механизмы образования и развития целостностей, следовательно, системный подход находится в действии. Системный подход позволяет рассматривать субъекта как целостность, как систему [58, с.34]. Подросток взаимодействуя с действительностью изменяет ее и себя. Один и тот же подросток в различных жизненных ситуациях, реализуя разные отношения, становится субъектом многочисленных проявлений. Это могут быть эмоциональные переживания, проявления памяти, мышления, связанные с общением и деятельностью и в соответствии с этим, реализует свои функциональные возможности (свойства, качества, роли и т.д.).

Выступая как субъект, человек может распоряжаться своими ресурсами, что и дает ему возможность строить отношения с действительностью.

Использование принципа субъектности осуществляется в основном в российских исследованиях, поскольку человек рассматривается в них как активное, деятельное существо. Субъектность, проявляющееся в деятельности, позволяет человеку воспроизводить себя, свое собственное бытие в мире. «Активность – характеристика субъекта жизни» по мнению таких авторов, как Абульханова, Брушлинский, Воловикова.

Понятие субъект в психологии используют, когда нужно подчеркнуть активность человека и отметить его как деятельное существо. Активность – это сущностная характеристика всех живых существ, а на высшем уровне, она проявляется у человека в творческой деятельности, в игре, в риске, в над ситуативной активности. Субъектность человека проявляется в его деятельности, которую В.А. Петровский понимает в широком ее значении, как витальность или жизнедеятельность, как предметную деятельность (чаще всего это деятельность в узком значении), как общение (когда оно понимается как деятельность) и «деятельность cogito» (человек как субъект самосознания) [100, с. 8]. Во всем этом проявляется целостная активность человека.

Сущностные характеристики субъектности подростка проявляются в его активности, самостоятельности личности, позволяют ей сознательно и свободно осуществлять выбор, нести за него ответственность. Уникальность выступает как еще одна важная характеристики субъектности [29; 115].

В одной из современных философских работ, посвященной проблеме субъекта [174], перечисляются субъективные качества как его внутренняя установка. Другой автор, считает, что «человек, осуществляя выбор между вариантами своего дальнейшего поведения, склонен оценивать эти варианты как равнозначные, а сам выбор – как проявление своей свободной воли.» [122 с 45]. Но близкие люди могут без труда предсказать его поведение, его

выбор. В этом примере отчетливо проявляется как внутренняя субъектность так и внешняя.

В связи с этим стоит рассмотреть и такую особенность субъектности подростка как предпосылки ее становления, в качестве которых, по мнению Е.Н. Волковой и других исследователей выступает интегративное свойство личности осуществлять взаимно обусловленные изменения в мире и человеке [29]. В основе развития этого свойства находится отношение подростка к себе как деятелю.

Но субъектность, как *интегративное* (выделено нами. –О.А.) личностное образование в этом возрасте еще не существует», – считает Н.В. Зотикова, исследовавшая становление субъектности у подростков 10-11 лет.«На этой стадии можно говорить только о существовании личностных предпосылок развития субъектности. ...Основу развивающейся субъектности младших подростков составляют следующие характеристики самосознания: позитивное самоотношение, осознание своей уникальности, а также стремление реализовать свою уникальность в сфере достижений и межличностном взаимодействии на основе субъект-субъектного общения» [55, с. 25–26].

Реальная возможность оценить себя как человека деятельного, влияющего на происходящее в своей жизни, умеющего в разумных границах полагаться на себя, с одной стороны, а с другой – доверять естественному ходу событий, является важным моментом в развитии личности младшего подростка [88].

Необходимо отметить, что в настоящем исследовании речь идет о среднем подростке, но как в свое время отмечал Д.И. Фельдштейн (2005), границы возраста не жестки, подвержены изменениям и не имеют абсолютного значения. Поэтому некоторые характеристики младшего подростка встречаются и в более старшем возрасте.

Основное базовое противоречие возникает, между тем как подросток представляет свою потенциальную значимость как члена общества и той

воспринимаемой оценкой его со стороны окружающих. В настоящее время это проявляется в том, что самостоятельность, общественная ценность подростка взрослыми не фиксируется и не подчеркивается, т.е. общественное мнение о его взрослении, реальных достижениях, ответственности – не соответствует реальному развитию личности в переходном периоде [130; 133]. Необходимо помочь подростку, помочь найти свое личностное лицо, обрести свое Я.[58, с.62].

По мнению Д.И. Фельдштейна, последовательная включенность подростка в сферу деятельности общества, в которой создаются возможности для развития, представляет собой настоящий путь взросления подростка, путь его становления как личности. Реальная деятельность, в которую включается подросток представляет собой синтез составляющих его жизненного мира: социальные, природные, предметные, которые связаны с наличием особых условий, обеспечивающей посильную реализацию возможностей ребенка [129].

С позиции принципа активности, мы рассматриваем поведение детей, как процесс, где подросток не только объект, находящийся под влиянием условий его развития, но и субъект, активно участвующий, воспринимающий и дифференцирующий оказываемые на него влияния, что подразумевает активную роль его сознания, специфические формы внутренней детерминации и развития через целеполагание, выбор и принятие решений, производство новой информации. Л.И. Анцыферова в качестве основной характеристики субъекта выделяет способность человека переживать себя как автономное начало активности, способного намеренно осуществлять поступательное движение себя самого и мира действительности в определенных границах [12, с. 18]. С точки зрения данного принципа, активность субъекта очерчивает направление его становления (формирования), воздействует и изменяет действительность, влияет на другие объекты, общество. В целом его активность задает тон и тенденции развития как личности, определяет степень адаптации в обществе.

Подросток выступает как субъект, наделенный активностью, как субъект деятельности, в процессе которой он осваивает ее структурные элементы, такие как смысл, цели, он осваивает также и способы изменения объективного мира [26]. Однако индивид не только преобразовывает мир, но и свою жизнедеятельность подвергает практическому преобразованию, в чем конкретно и проявляется его субъектность.

Таким образом, принцип активности предполагает избирательность, инициативу в усвоении подростком любого рода опыта, а также сознательность его отношений как субъекта жизнедеятельности, где его активность выступает основой, определяющей ход общего и общественного развития его как личности. Активность подростка – та движущая сила, которая позволяет изменять ситуацию, обстоятельства и т.п., в соответствии с его собственными потребностями, установками, ценностями, мировоззрением, исследование которых позволяет получить информацию об особенностях его поведения. Положение об устойчивости воздействия стрессовых периодов на ценности подростков сегодня начинает завоевывать определенные позиции среди психологов. В одной из работ отмечается: «Переходный период – это особое “временное” состояние общества. В силу своей жесткости, даже беспощадности, немалой длительности и неустойчивости (вплоть до “динамического хаоса”), оно закладывает основы и частично формирует очень долговременные, стратегические жизненные установки и ценностные ориентации» [38, с.42]. А установки могут иметь жестокие, далекое от человечности и сотрудничества виды, что может формировать различные типы деструктивного поведения подрастающего поколения, а в дальнейшем осложнить экономическую, социально-политическую, экологическую стабильность общества, ослабить его потенциал.

2.4 Методы и методики исследования

Теоретический метод. Это метод, когда субъект взаимодействует с мысленной моделью предмета исследования. Он был применен нами при проведении теоретического анализа, литературы в которой имелись данные по теме нашего исследования. Анализ исследуемого явления (предмета) требует выделение его из другой системы, в которую он входит как составной элемент. В нашем случае это выделение сопротивляемости как психического феномена из целостной системы взаимозависимых таких явлений, как устойчивость, влияние, кроме того данное понятие включено в семантическое пространство такого понятия как «результативность». Уточнение ключевого понятия исследования – сопротивляемости, – его характеристик и проявление в подростковом возрасте легло в основу написания теоретической и методологической глав диссертационной работы.

Авторская анкета для подростков. Данная анкета включала 20 вопросов закрытого типа и направлена на изучение мнения школьников в отношении такого социального явления как асоциальное поведение, то есть на выявление общей направленности и конкретных установок социального/асоциального характера. Основная задача анкеты – формирование контрольной и экспериментальной группы. Также с помощью анкеты были получены дополнительные данные, характеризующие особенности подростков с разным уровнем сопротивляемости.

Карта экспертной оценки (для родителей и учителей) наряду с полуструктурированным интервью и методом наблюдения была основным инструментом формирования экспериментальной и контрольной группы.

Процедура исследования представляла собой сбор экспертных оценок, полученных от родителей и учителей школы. Основным критерием отбора экспертов-учителей было следующее условие – знание экспертом

оцениваемого ребенка не менее года, чтобы исключить оценку эпизодического поведения. Оценочный лист включал вопросы, отражающие 9 тенденций в поведении школьников. От экспертов требовалось оценить ребенка по степени выраженности поведенческих реакций в условных баллах от 0 до 10 (оценка «0» означала полное отсутствие данного поведения, оценка «10» – его максимальный уровень), для чего им нужно было заполнить карту.

Результаты, полученные от взаимодействия с экспертами, обрабатывались при помощи метода контент-анализа и использовались для уточнения и наполнения понятия сопротивляемость применительно к подросткам, испытывающим асоциальное влияние.

Кроме этого использовались и дополнительные методы, в качестве которых выступили нарративное интервью, наблюдение за поведением испытуемых и анализа жизненного пути подростков.

Методика исследования самооценки личности С.А.Будасси, базирующейся на методе ранжирования и отбора. Она имеет два существенно отличающихся по процедуре варианта определения самооценки личности, каждый из которых состоит из двух серий. Уровень самооценки выражает степень реальных (Я-реальное) и желаемых (Я-идеальное) представлений о себе. Методика определяет и адекватность самооценки. Совпадение результатов по двум вариантам свидетельствует об их надежности [104, с. 162–169].

Методика Дембо-Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан) использовалась для выявления отдельных компонентов самоотношения. На вертикальных линиях обследуемые знаками отмечают степень становления определенных особенностей личности, включенных автором в методику. Для работы с тестом имеется бланк методики, содержащий инструкцию и задание [19].

Методика построена проективно, что означает практическое отсутствие вербального материала, что дает возможность получить качественные

данные. Ее построение, кроме того, уменьшает возможность ответов социальной желательности, искажения ответов под влиянием установок сознания об измеряемых особенностях: самооценки и уровне притязаний. Однако полученные данные не защищены полностью.

Был проведен корреляционный анализ, подтверждающий взаимодействие с другими методиками.

Функционально-поведенческий компонент самосознания (саморегуляция) представлен методикой «**Диагностика уровня субъективного контроля (УСК)**» Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, 1984).

Опросник УСК построен иерархически и состоит из обобщенных данных индивидуального уровня УСК, двух показателей среднего уровня общности и отдельные специфические значения. В итоге, все показатели сгруппированы в семь шкал, определяющих интернальность в различных ситуациях жизнедеятельности личности [17, с. 288–297].

Эта методика дала возможность определить показатели саморегуляционной стороны самосознания.

Методика диагностики системы ценностных ориентаций личности Е.Б. Фанталовой в модификации Л.С. Колмогоровой, Д.В. Каширского. Методика направлена на получение данных о ценностных ориентациях, а также внутренних конфликтов участников исследования.

В основу Данная методика предполагает процедуру многомерного шкалирования, включающего парное сравнение. Обследуемому предоставляется инструкция, список жизненных сфер, и для ответов бланк.

Методика позволила выявить у испытуемых базовые общечеловеческие ценности, а также соответствие ценностей по величине «Ценности» (Ц) и «Доступности» (Д). В результате использования методики удается обнаружить различные психологические параметры такие как рассогласование, дезинтеграция в мотивационно-ценностной сфере личности, внутренняя

конфликтность, изоляция от базовых потребностей, а также уровень самореализации, интегрированности, гармонии [123].

Метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена(1980) (в адаптации Д.А. Леонтьева, 1995), в основе которой лежит техника изучения временной перспективы будущего, является в исследовании основной, а все другие направлены на уточнение и объективацию полученных данных.

Метод включает 40 незаконченных предложений– мотивационных индукторов – и может быть рассмотрен как проективный, позволяющий испытуемым спонтанно адресовать индуктор к самому себе, поскольку точка отправления предложения даны в первом лице единственного числа и, завершая индуктор, создают объекты, которые их мотивируют.

Выявляя динамику мотивации тенденции к проявлению или подавлению импульсов, появляется возможность установить не только мотивационные конфликты, но и осознаваемую и неосознаваемую части мотивационного конфликта. Ж. Нюттен считал, что на явное или скрытое поведение определенное влияние производят цели, проекты и намерения, поэтому ММИ выявляет мотивационные состояния, когнитивно переработанные в целевые объекты, намерения, стремления и желания.

ММИ обладает высокой валидностью и надежностью, чувствителен к экспериментально провоцируемым мотивационным различиям между группами (McClelland D.C. et al., 1953), хорошо отражает нереализованные желания и устремления (Lefebre L., 1969) и позволяет собрать разнообразные данные о мотивационной сфере испытуемых [95].

Опросник «Способы преодоления критических ситуаций» Э.Хайма, который дал возможность определить особенности регуляторной деятельности испытуемых в части, касающейся саморегуляции. Также косвенно методика показывает степень ответственности и осознанности в поступках испытуемых. Основная направленность опросника - определение индивидуального стиля совладания со стрессом. В диагностических целях методика Э.Хейма помогает

в выявлении деструктивных паттернов поведения и обнаружении доступных личности ресурсов.

Обработка и анализ полученных с помощью методики данных проводятся главным образом в качественно-содержательном ключе. Выбор испытуемым в опроснике утверждения, связанного с определенной стратегией, указывает на типичность данного копинга для данного индивида. Копинг-стратегии в данной методике имеют три градации продуктивности: продуктивная, относительно продуктивная и непродуктивная стратегия, а также делятся на три подгруппы: когнитивные, эмоциональные, поведенческие [50].

Методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (1988). Методика предназначена для диагностики процесса индивидуальной саморегуляции, определения ее индивидуального профиля, который включает психологические механизмы регуляторных шкал, а также регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности [89]. Общий уровень саморегуляции человека показывает насколько он способен регулировать свое поведение и деятельность. Саморегуляция позволяет выработать гармоничное поведение и на этой основе управлять собой в соответствии с поставленной целью или требованиями жизни.

Данная методика была использована для выявления общих параметров саморегуляции, сформированности различных регуляторных шкал и сравнения их показателей в двух группах: у подростков, сопротивляющихся асоциальным влияниям и слабо им сопротивляющихся.

Количественный подсчет выявленных данных включал методы статистического анализа: выборочная средняя величина, выборочная мода, процентное выражение эмпирических данных (параметрический критерий t-критерий Стьюдента) [6].

2.5. Обоснование выборки

Экспериментальная выборка была отобрана из 982 подростково-школьников (шг № 70 и сш 65) и составила 220 мальчиков и девочек. Возраст участвующих в эксперименте 14–15 лет.

Выбор респондентов подросткового возраста определялся следующими причинами. В этом возрасте переплетаются противоречивые тенденции социального развития, особую остроту приобретают негативные проявления, дисгармоничность в строении личности [130]. Кроме этого, свертываются интересы ребенка, установившиеся ранее, по отношению к взрослым проявляется поведение, носящий протестующий характер. И в то же самое время появляются позитивные изменения: более многочисленны и содержательны его связи и отношения с другими, возрастает самостоятельность подростка, изменяется сфера его деятельности. Более ярко проявляется зависимость подростка от мнения товарищей и в меньшей степени от мнения и авторитета взрослых (Н.Н.Палагина [98]; Д.И.Фельдштейн [130]; В.Э.Чудновский [138]). Мораль послушания заменяется на мораль равенства, на первое место выходит кодекса товарищеской чести. Мнение группы для подростка становится настолько значимым, что делает его зависимым, проблемы с пониманием своей истиной самооценки затрудняет общения со взрослыми в семье и школе приводят к развитию отклоняющегося поведения.

2.6 Этапы исследования

1 этап – теоретический (2009–2010) – выявление проблемы исследования, нахождение в проблеме «белого пятна», требующего разработки и формулирование темы исследования. Рассмотрение объекта в

контексте научной литературы различной направленности: культурологической, социально-философской, психологической, педагогической. Теоретический анализ и синтез материала по изучаемой проблеме, определение цели задач и рабочей гипотезы.

II этап (2011) – разработка программы и плана исследования, подбор адекватного для исследования психологического инструментария, определение выборки и проведение пилотажного исследования.

III этап (2012–2013)– проведение психодиагностического исследования, сбор эмпирических данных.

IV этап (2014–2016) – обработка результатов, анализ, синтез и сравнение полученных данных, качественный анализ и интерпретация полученных данных, уточнение гипотез, разработка практических советов, предоставляющих в образовательную педагогическую практику полученные результаты.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ СОПРОТИВЛЯЕМОСТИ АСОЦИАЛЬНОМУ ВЛИЯНИЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

3.1 Программа исследования

Модель исследования была построена на методологических принципах и подходах, описанных во второй главе, на требованиях к организации сравнительного психологического исследования, а также на особенностях возрастного периода исследуемой группы.

В эмпирическом обследовании проверялись и уточнялись гипотезы и результаты теоретического рассмотрения вопроса наличия психологических детерминант сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте.

Цель экспериментального исследования: сравнительное выявление психологического своеобразия подростков в зависимости от параметров сопротивляемости асоциальному влиянию.

Экспериментальная часть исследовательской работы состояла из трех основных этапов: подготовительного, диагностического и аналитического.

Подготовительный этап

Проводилась теоретическая подготовка базы для эмпирического исследования, выдвигались рабочие экспериментальные гипотезы, разрабатывалась методика, дизайн эксперимента с учетом логической последовательности проведения исследования. Результатом явилась программа эмпирического исследования психологических детерминант сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте.

Диагностический этап

Включал сбор первичных данных при помощи основного инструментария исследования – анкетирования, психодиагностических методик, метода экспертных оценок. Использовались на этом этапе и качественные методы, служившие дополнительным источником получения информации.

На диагностическом этапе исследовательская работа развивалась в двух основных взаимосвязанных направлениях:

1. Формирование экспериментальных групп.
2. Исследование основных характерных психологических черт испытуемых двух экспериментальных групп.

По полученным данным этого этапа проводилось соотнесение их со степенью выраженности у испытуемых сопротивляемости асоциальному влиянию.

Аналитический этап исследования

Осуществлялся анализ и синтез, полученных данных, которые сопоставлялись с гипотезой и известными в науке фактами. Основным результатом на данном этапе исследования явилось выделение из массива первичных данных тех психологических характеристик, которые могут быть рассмотрены как детерминанты сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте.

3.2 Процедура и результаты формирования основных экспериментальных групп в зависимости от степени выраженности тенденции к сопротивляемости асоциальному влиянию

Проведение исследования проходило в два этапа. На первом проведен комплекс исследовательских мероприятий, целью которого было формирование экспериментальных групп в зависимости от степени выраженности тенденции к сопротивляемости асоциальному влиянию.

Согласно замыслу эксперимента, было необходимо сформировать две экспериментальные группы, которые были бы полярны по выраженности тенденции к сопротивляемости асоциальному влиянию. Такая организация исследуемой совокупности была необходима для убедительного сравнительного анализа основных психологических качеств подростков с разной выраженностью сопротивляемости асоциальному влиянию. В первую экспериментальную группу (ЭГ-1n=112) вошли подростки с выраженной тенденцией к сопротивляемости асоциальному влиянию, во вторую (ЭГ-2n=108) – подростки с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию.

За большой период проведения эксперимента (7 лет), были сформированы экспериментальные группы, основанием служили результаты нарративного анализа качественных данных (наблюдение, интервью, беседы и т.д). Так же основным инструментом служили оценки педагогов, родителей, анкетирование.

Экспертная оценка проводилась при помощи специально разработанного оценочного листа, состоящий из следующих параметров: усиление тенденции к совершению асоциальных поступков; повышение частоты общения с асоциальными сверстниками или группировками; употребление (и отношение к употреблению) психоактивных веществ (табак и производные, алкоголь, наркотики); рост проявлений агрессии к ученикам; рост проявлений агрессии к взрослым, повышение частоты нарушений школьных/домашних правил; тенденция игнорирования обязанностей в школе или дома; усиление подражания асоциальным лидерам. Форма оценочного листа для экспертов приведена в Приложении I.

Анкетирование подростков помогало определить поведенческие стереотипы и отношение школьников к различным проявлениям асоциального поведения в среде сверстников. К таким проявлениям были отнесены мелкие кражи, употребление психоактивных веществ, игнорирование школьных и домашних правил, агрессивное и протестное поведение. Форма анкеты дана в Приложении II.

В плане отбора участников экспериментальных групп особый интерес представляли подростки, которые в следствие перехода из одного образовательного учреждения в другое, из одного класса в другой, в следствие изменения социального статуса или жизненного/поведенческого стереотипа, попадали в «сферу влияния» сформировавшихся групп с устойчивыми асоциальными ценностями и поведением. Именно попавшие под воздействие таких групп подростки имели возможность наглядно продемонстрировать либо тенденцию проявлять сопротивляемость асоциальному влиянию, либо неспособность такому влиянию противостоять.

В дальнейшем психологическое своеобразие подростков из обеих экспериментальных групп были исследованы при помощи системы методик, сформированных на основании результатов предварительного изучения проблемы и в соответствии с выдвинутыми гипотезами. Система методик подробно описана во второй главе настоящей работы.

Полученные данные подверглись сравнительному анализу с использованием качественных и математических методов. Результаты сравнительного анализа в свою очередь выступили основой для формулирования выводов исследования и рекомендаций по развитию сопротивляемости асоциальному влиянию в рамках психолого-педагогической деятельности.

3.3 Сопоставительный анализ результатов исследования

психологических характеристик подростков, демонстрирующих сопротивляемость асоциальному влиянию.

3.3.1 Блок характеристик, связанных с самосознанием подростков

Методика исследования самооценки (С.А.Будасси)

Методика основана на методе ранжирования и отбора качеств. Она выявляет количественную выраженность степени самооценки испытуемых.

Методика представлена двумя значительно отличающимися вариантами по технологии проведения и оценке результатов. Первый вариант позволяет установить величину показателя самооценки индивида через показатели CO^+ (данный показатель выражает отношение количества указанных испытуемым идеальных качеств к количеству качеств реальных) и CO^- (данный показатель выражает соотношение качеств анти-идеала к реальным качествам). Вторым вариантом оценивается количественный уровень самооценки через показатель ранговой корреляции (r_6) между качествами, приписываемыми идеалу и качествами, относимыми к реальному образу Я.

Основные показатели, полученные по методике С.А.Будасси даны в таблице 3.1

Таблица 3.1 – Данные, полученные по двум вариантам методики С.А.Будасси для двух экспериментальных групп

Показатель	ЭГ-1(n=112)			ЭГ-2(n=108)		
	CO^+	CO^-	r_6	CO^+	CO^-	r_6
М	0,53	0,32	0,45	0,55	0,40	0,47
$\pm \sigma$	0,167	0,234	0,403	0,234	0,212	0,358

Как видно из таблицы полученные данные не обнаруживают каких-либо существенных различий между ЭГ-1 и ЭГ-2. Учитывая данный факт, был проведен дальнейший анализ данных отдельно по каждому варианту методики и с учетом характеристик распределения данных.

Первый вариант методики С.А. Будасси предполагает нахождение отношения между количеством качеств, относимых к идеалу/анти-идеалу, и количеством качеств, рассматриваемых как актуально присущие субъекту, по положительному (желаемые качества – CO^+) и отрицательному (негативные, отвергаемые качества – CO^-) множеству. Согласно замыслу методики, самооценка может принимать пять основных значений – адекватная самооценка (А), адекватная с тенденцией к завышению (АЗ в), неадекватная

завышенная (НЗ в), адекватная с тенденцией к занижению (АЗ н), неадекватная заниженная (НЗ н).

Показатели CO^+ и CO^- по своим внутренним психологическим характеристикам являются противоположными и предположительно должны в каждом конкретном случае находиться в обратно пропорциональной зависимости, т.е. высокое CO^+ должно сочетаться с низким CO^- и наоборот. Такое расположение данных свидетельствует о наличии единой тенденции самооценивания. Однако в исследованиях [46] было показано, что испытуемые подросткового возраста (в том числе с тенденцией к деструктивному поведению) зачастую демонстрируют несогласованность данных показателей. Данная тенденция трактуется как специфическая характеристика самооценочной деятельности, связанная с общей слабостью самосознания и неустойчивость образа Я. В ходе анализа полученных в нашем исследовании данных, было обнаружено, что часть показателей CO^+ и CO^- представителей и ЭГ-1, и ЭГ-2 также не являются согласованными. Так у подростков с тенденцией к завышению самооценки, показатель CO^- может указывать на неадекватно завышенный уровень самооценки. Различия в показателях иногда оказывались значительно выражены, вплоть до противоположных тенденций.

Обнаруженная тенденция была выделена В.В. Еременко [45] в отдельный показатель – «неадекватная биполярная самооценка», характерный для обеих экспериментальных групп. Более характерна эта тенденция для ЭГ-2, здесь она является центральной: 26,9% подростков, подверженных асоциальному влиянию, показали именно этот результат (тогда как в ЭГ-1 только 8,0% испытуемых имеют подобный показатель). Кроме того, если в ЭГ-1 неравенство между CO^+ и CO^- незначительно, а величины самооценки, являются схожими (например, адекватная с тенденцией к завышению и неадекватно высокая самооценка), в ЭГ-2 различия CO^+ и CO^- как правило выражены, вплоть до полярных (например, неадекватная завышенная и неадекватная заниженная самооценка). Следует также отметить, «что в

категорию «неадекватная биполярная самооценка» включались только те рассогласования смежных типов самооценки, которые не могли быть сведены к единому показателю (то есть различия между полюсами показателя были значительными)» [45, с. 69].

Не согласованная самооценочная деятельности личности показательна для характеристики самосознания и связана с наличием тенденции к сопротивляемости асоциальному влиянию.

Наиболее вероятной причиной, этого явления, может выступать «признание» испытуемым за собой либо одинаково большого, либо одинаково малого числа как положительных, так и отрицательных качеств.

Обе тенденции, как представляется, непосредственно связаны с процессом самопознания и самосознанием в целом. В первом случае можно говорить о нарушенной связи между знанием о себе и самоотношением (подросток признает за собой наличие негативных качеств, но это не корректирует его эмоциональное самоотношение, которое выражается в безусловном принятии себя и положительном отношении к себе), что подтверждается и данными по другим методикам (см., например, данные по специфике совладающего поведения по методике Э.Хайма, данные по особенностям регуляторных процессов по методике ССП В.И.Моросановой). Во втором случае, когда подросток отмечает как присущие ему небольшое количество качеств и по положительному и по отрицательному множеству, можно, говорить о слабой (недостаточной) осознанности своего Я, о слабых процессах самопонимания.

Итак, данные факты можно трактовать как проявления слабой интегрированности самосознания подростков, не проявляющих сопротивляемость асоциальным влияниям, в сравнении с теми, у кого она выражена достаточно.

В таблицу 3.2. включены основные результаты по методике С.А. Будасси, связанные с накоплением частот по отдельным показателям самооценки, выявлены значимые различия по отдельным параметрам.

Таблица 3.2 – Накопленные по отдельным уровням самооценки частоты в обеих экспериментальных группах (методика С.А.Будасси)

Показатель самооценки	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		t
	abs.	%	abs.	%	
Самооценка высокая неадекватная	7	6,3	15	13,9	$\rho > 0,05$
Самооценка высокая адекватная	38	33,9	10	9,3	$\rho < 0,05$
Самооценка средняя адекватная	30	26,8	13	12,0	$\rho < 0,05$
Самооценка низкая адекватная	20	17,9	21	19,4	$\rho > 0,05$
Самооценка низкая неадекватная	8	7,1	22	18,5	$\rho < 0,05$
Неадекватная биполярная самооценка	9	8,0	27	26,9	$\rho < 0,05$
Всего:	112	100	108	100	

Наглядно распределение испытуемых по уровням самооценки внутри ЭГ-1 и ЭГ-2 представлено на рис. 1.

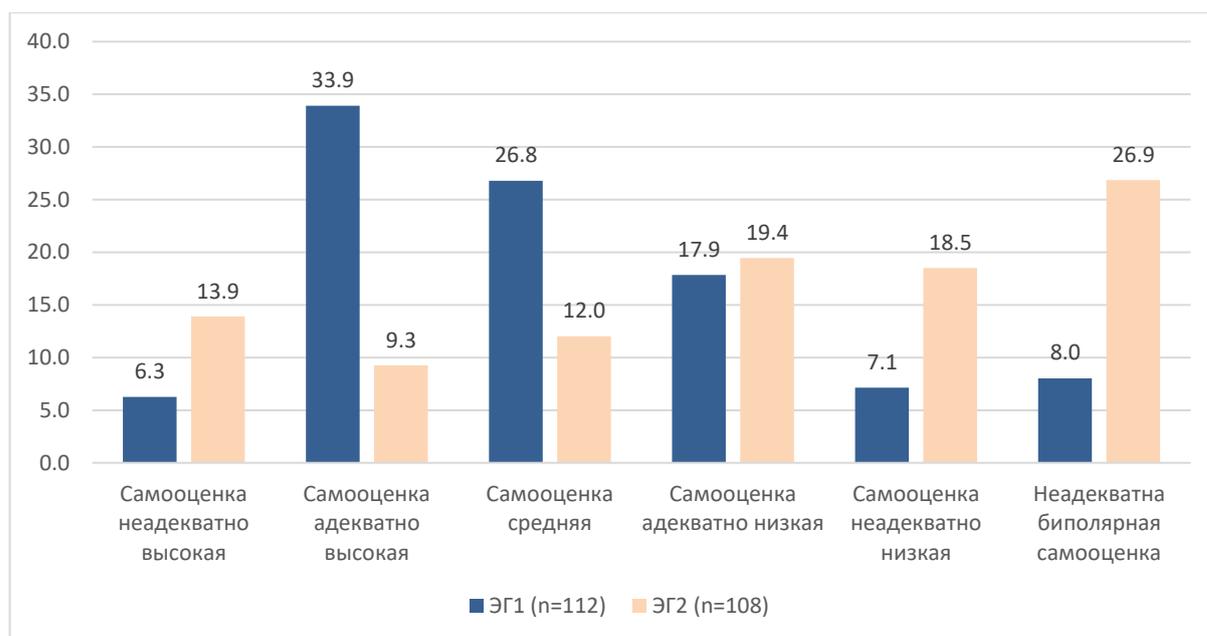

Рис. 1. Сравнительные данные по видам самооценки в ЭГ-1 и ЭГ-2.

Отдельные показатели самооценки в ЭГ-1 и ЭГ-2 значительно различаются ($\rho < 0,05$). Исключение составляют показатели высокой неадекватной самооценки (6,3% и 13,9% соответственно) и адекватной заниженной самооценки (17,9% и 19,4% соответственно), здесь различия не достигли уровня статистической значимости ($\rho > 0,05$).

В группе ЭГ-1 ведущими показателями являются адекватно высокая самооценка (33,9%) и адекватная самооценка среднего уровня (26,8%). В целом в данной группе значительно выражена тенденция преобладаний адекватной самооценки – 78,6%, а также тенденция преобладания самооценки с уровнем выше среднего – 40,2%.

В ЭГ-2 наибольшее число испытуемых имеет «неадекватную биполярную» (26,9%) и низкую самооценку (адекватно низкую – 19,4, неадекватно заниженную – 18,5%). Таким образом, отмечается преобладание неадекватной самооценки – 59,3% и тенденция к сниженной самооценке – 37,9%. Также достаточно выражена неадекватная завышенная самооценка (13,9%), что с одной стороны выбивается из общей тенденции к сниженной оценке себя, а с другой укладывается в общую картину деструктивности, неадекватности самооценки. На наш взгляд, неадекватно завышенная самооценка может приводить к снижению способности сопротивляться асоциальным влияниям за счет колебаний, которым неизбежно подвержены крайние показатели, а также вследствие необходимости поддержания завышенной неадекватной (то есть без основательной) самооценки, которая может реализовываться за счет реакции группирования и ориентации на наиболее доступные авторитеты и ценности.

Таким образом, результаты анализа данных по методике С.А.Будасси говорят о значительных различиях в данных самооценки у подростков, демонстрирующих сопротивляемость асоциальному влиянию и подростков такому влиянию подверженных. Основным различием является преобладание в ЭГ-2 неадекватной самооценки, при этом неадекватность самооценки подростков, подверженных асоциальному влиянию, состоит не только в завышенных или заниженных показателях, но и в разнонаправленности, несогласованности оценочных параметров, что может свидетельствовать в том числе и о незрелости процессов самосознания в целом [47].

Подростки с выраженной тенденцией к сопротивляемости асоциальному влиянию, напротив, демонстрируют в целом более высокий уровень

самооценки и преобладание показателей адекватной самооценки. Самооценка и самосознание в целом этих подростков могут быть охарактеризованы как более интегрированные. Образ Я участников с высоким показателем «сопротивляемости», таким образом, может быть охарактеризован как более глубокий, полный и непротиворечивый.

Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан

Методика позволяет испытуемым оценивать по 100-балльной шкале ряда личных качеств, таких как здоровье, способности, характер и т.д.

Особенности методики Дембо-Рубинштейн позволяет получить данные о самооценке и уровне притязаний, которые показываются спонтанно, не контролируются сознанием и не связаны со стремлением к одобрению, хотя все же данные нельзя считать полностью защищенными.

Полученные эмпирические данные позволили выявить **показатель самооценки** испытуемым областей его жизни, выступающий в виде четырех основных градаций: неадекватный низкий уровень самооценки (от 0 до 51 балла), адекватный сниженный уровень (от 52 до 65 баллов), адекватный повышенный уровень (от 66 до 79 баллов) и неадекватный высокий уровень самооценки (от 80 до 100 баллов).

Обобщенные эмпирические данные самооценки испытуемых групп ЭГ-1 и ЭГ-2 в разрезе шкал можно увидеть в таблице 3.3.

Самые высокие баллы в ЭГ-1 выявлены по параметрам «Здоровье» (76,1), «Ум, способности» (75,25). Наименьший уровень самооценки получен по шкале «Умение многое делать своими руками» (67,5).

Таблица 3.3 – Средние значения показателей самооценки по шкалам методики Дембо-Рубинштейн

Наименование шкалы	Самооценка				t
	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		
	М	$\pm \sigma$	М	$\pm \sigma$	
здоровье	76,1	9,517	70,29	14,158	$\rho > 0,05$.
ум, способности	75,25	14,729	63,29	21,403	$\rho < 0,05$
характер	67,69	17,82	79,06	27,903	$\rho < 0,01$
авторитет у сверстников	68,3	12,143	76,71	25,934	$\rho < 0,05$
умелые руки	67,5	10,663	59,59	16,251	$\rho > 0,05$
внешность	67,75	10,503	63,35	14,662	$\rho > 0,05$
уверенность в себе	68,5	15,271	70,53	25,406	$\rho > 0,05$
Ср.значение	70,16	12,95	68,97	20,82	$\rho > 0,05$

В ЭГ-2 высокие значения получены по шкалам «Здоровье» (70,29), «Характер» (79,06), «Авторитет у сверстников» (76,71), «Уверенность в себе» (70,53). Самый низкий показатель самооценки получен в ЭГ-2 также по шкале «Умение многое делать своими руками» (59,59). Низкие показатели по данной шкале в обеих экспериментальных группах могут быть связаны как с реально низким уровнем развития практических навыков делать что-то «своими руками», так и низкой значимостью (ценностью) данной сферы для современных подростков (это подтверждается также низкими показателями уровня притязаний по данной шкале – см. табл. 3.7).

По средним показателям различия между представителями двух групп минимальные. Средние значения для всей методики практически идентичны – 70,16 для ЭГ-1 и 68,97 для ЭГ-2. Были использованы показатели стандартного отклонения ($\pm \sigma$) и t-критерия Стьюдента (см. таблица 3.3) для уточнения полученных данных и проведена оценки особенностей распределения данных внутри каждой группы и степени взаимосвязи данных двух групп.

Имеются достоверные различия между ЭГ-1 и ЭГ-2 по шкалам «Характер» ($p < 0,01$), «Ум, способности» ($p < 0,05$) и «Авторитет у сверстников» ($p < 0,05$). По остальным шкалам статистически значимых различий не установлено ($p > 0,05$).

По шкале «Характер» есть значимые различия ($p < 0,01$) различия (таблица 3.3) между экспериментальными группами (67,69 и 79,06 баллов соответственно), что говорит о более позитивной оценке своего характера, чем у испытуемых ЭГ-1.

Во второй экспериментальной группе присутствует расщепление данных ($\pm\sigma=27,903$) – значительно выражены два разнонаправленных показателя: неадекватный высокий уровень самооценки и неадекватный низкий уровень самооценки (34,3% и 24,1% испытуемых ЭГ-2 соответственно). Адекватно завышенная самооценка. Тогда как для ЭГ-1 наиболее характерным показателем является адекватная завышенная самооценка – 59,8%, группы ЭГ-1 является характерным показателем, а показатели неадекватно низкой и неадекватно высокой самооценки выражены незначительно (1,8% и 9,8% соответственно). На наш взгляд объективные различия в характере представителей различных экспериментальных групп, связаны не с особенностями их самоотношения, а с уровнем осознанности/критичности при оценке своих психологических особенностей. Подростки с более высоким уровнем сопротивляемости (ЭГ-1) оценивают особенности своего характера умеренно высоко, а подростки с низким уровнем сопротивляемости (ЭГ-2) – либо крайне высоко, либо крайне низко. Отчасти подобные результаты подтверждают полученные по методике С.А.Будасси данные о значительно выраженной в ЭГ-2 тенденции к амбивалентной самооценке.

По шкале «Ум, способности» обнаружены различия на 5-процентном уровне достоверности. Средний балл в ЭГ-1 составил 75,25, а в ЭГ-2 – 63,29 балла. На наш взгляд на самооценивание по данному параметру влияли удачи

и неудачи в обучении и мнение значимых взрослых и личная значимость этого параметра.

Вариативность данных по шкале также выше в ЭГ-2 – показатель стандартного отклонения составил 21,403 против 14,729 в ЭГ-1.

Интересным на наш взгляд являются различия между группами, полученные по шкале «Авторитет у сверстников» ($p < 0,05$). Так в ЭГ-1 средний балл составил 68,3 балла, а в ЭГ-2 – 76,71 балл, стандартное отклонение выше в ЭГ-2 – 25,934 против 12,143 в ЭГ-1. Наибольший частотный показатель для ЭГ-1 – показатель адекватный повышенной самооценки (62,5%), для ЭГ-2 – показатель неадекватной высокой самооценки (41,7%). В нашем исследовании мы рассматривали показатель авторитета испытуемых в среде сверстников, как проявления самосознания и системы отношений к окружающим и сделали заключения, что значительно большей важности собственного авторитета и взаимоотношений со сверстниками для подростков из ЭГ-2. Это влияет на поведение и на момент сопротивления асоциальному влиянию.

Показатели стандартного отклонения убедительно показывают различия в характере распределения данных внутри экспериментальных групп. Если распределение показателей испытуемых ЭГ-1 является достаточно однородным (плотным), то для ЭГ-2 напротив характерны высокие показатели стандартного отклонения, что характеризует разнородность результатов внутри выборки (группы). Так средний вычисленный показатель стандартного отклонения для ЭГ-1 составляет 12,95, а для ЭГ-2 20,82 (коэффициент вариации составляет 30,2%, что является пограничным показателем однородности исследуемой совокупности). Наиболее неоднородными в ЭГ-2 являются результаты по шкалам «Ум, способности» (коэффициент вариации составляет 33,8% – выборка неоднородна), «Характер» (коэффициент вариации составляет 35,3% – выборка неоднородна), «Авторитет у сверстников» (коэффициент вариации

– 33,8% – выборка неоднородна) и «Уверенность в себе» (коэффициент вариации – 36,0% – выборка неоднородна).

В таблице 3.4 наглядно представлено частотное распределение данных по шкалам и группам.

Таблица 3.4 – Частотное распределение показателей самооценки по шкалам методики Дембо-Рубинштейн в двух экспериментальных группах

Наименование шкалы	Количество человек, %				Всего, %
	Неадекватный низкий	Адекватный сниженный	Адекватный повышенный	Неадекватный высокий	
	0-51	52-65	66-79	80-100	
ЭГ-1 (n=112)					
здоровье	0,0	16,0	65,2	18,8	100
ум, способности	0,0	18,8	61,6	19,6	100
характер	1,8	28,6	59,8	9,8	100
авторитет у сверстн.	0,0	17,0	62,5	20,5	100
умелые руки	4,5	41,1	42,9	11,5	100
внешность	1,8	22,3	67,0	8,9	100
уверенность в себе	3,6	34,8	57,1	4,5	100
ЭГ-2 (n=108)					
здоровье	1,9	19,4	48,1	30,6	100
ум, способности	10,2	28,7	39,8	21,3	100
характер	24,1	18,5	23,1	34,3	100
авторитет у сверстн.	20,4	17,6	20,4	41,6	100
умелые руки	32,4	17,6	38,0	12,0	100
внешность	13,0	25,0	51,8	10,2	100
уверенность в себе	1,9	19,4	48,1	30,6	100

Перечисленные выше показатели свидетельствуют о том, что, несмотря на схожесть средних показателей по шкалам методики Дембо-Рубинштейн, экспериментальные группы имеют выраженные различия по показателям самооценки, которые проявляются в степени однородности показателей в группах, в уровне согласованности центральных тенденций внутри каждой исследуемой совокупности. Группа ЭГ 1 показывают достаточно идентичные

показатели самооценки. Подростки из ЭГ-2 демонстрируют разные уровни самооценки, часто отмечаются полярные показатели.

Данные по частотному анализу уровней самооценки в экспериментальных группах приведены в таблице 3.5 и на рис. 2.

Таблица 3.5 – Данные по частотному анализу уровней самооценки в экспериментальных группах

Группа	Неадекватный низкий, %	Адекватный сниженный, %	Адекватный повышенный, %	Неадекватный высокий, %	Всего, %
ЭГ-1	2,7	29,5	54,5	13,3	100,0
ЭГ-2	25,0	19,4	21,3	34,3	100,0
	$\rho < 0,01$	$\rho > 0,05$	$\rho < 0,05$	$\rho < 0,05$	

Как видно из представленных на рис. 2 графических показателей уровней самооценки в ЭГ-1 и ЭГ-2, существуют значительные различия в частотной представленности этих уровней в экспериментальных группах. Наиболее выражены эти различия ($\rho < 0,01$) для неадекватно низкого уровня самооценки (2,7% в ЭГ-1 и 25,0% в ЭГ-2), наименее выражены для адекватного сниженного уровня (29,5 и 19,4% в первой и второй экспериментальных группах соответственно).

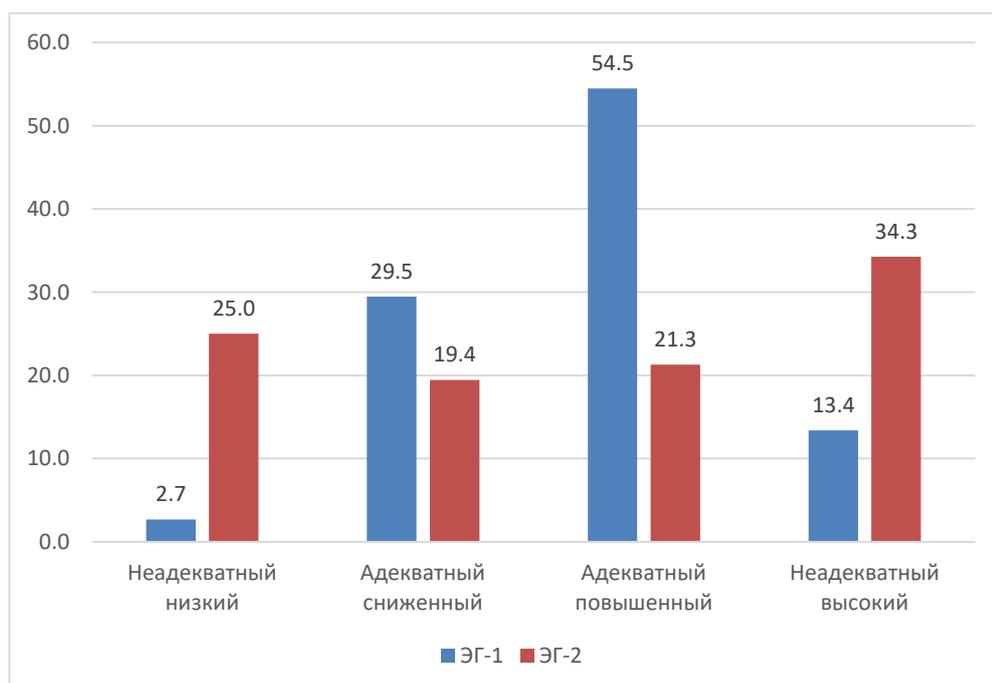

Рис. 2. Данные по частотному анализу уровней самооценки в двух экспериментальных группах

Обнаруживается определенная тенденция к преобладанию в ЭГ-1 уровней адекватной самооценки, а в ЭГ-2 – уровней неадекватной самооценки (см. таблица 3.6 и рис.3).

Таблица 3.6 – Частотные данные уровней самооценки по методике Дембо-Рубинштейн

Группа	Количество испытуемых, %		Всего, %
	Неадекватная самооценка	Адекватная самооценка	
ЭГ-1	16,07	83,93	100,0
ЭГ-2	59,26	40,74	100,0
	$p < 0,01$	$p < 0,01$	

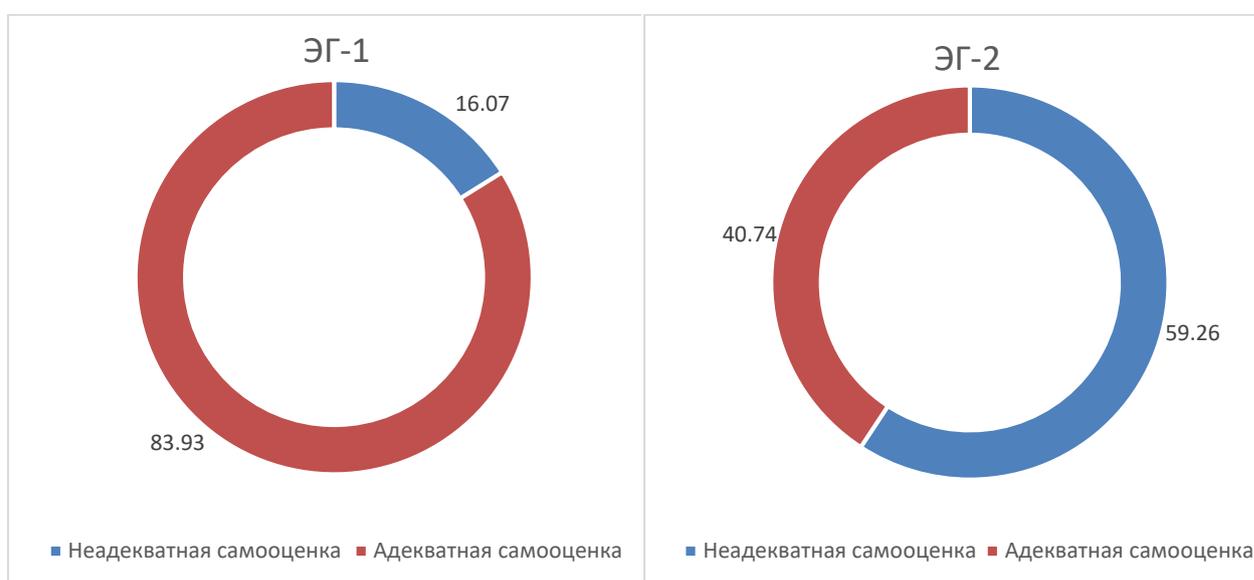

Рис. 3. Сравнительные частотные данные уровней самооценки по методике Дембо-Рубинштейн

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о том, что в целом подростки с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию отличаются от подростков из ЭГ-2 более выраженной тенденцией к

адекватной самооценке. При этом любые неадекватные показатели самооценки у подростков из ЭГ-1 выражены слабо (16,07%), тогда как у подростков с низкой сопротивляемостью данные показатели являются ведущими (59,26%). Важной характеристикой ЭГ-1 является однородность показателей внутри группы, подростки же с низкой сопротивляемостью низкую интегрированность эмпирических данных.

Параметры **притязаний** участников в пространстве их жизненных интересов были получены при помощи методике Дембо-Рубинштейн, где также существуют четыре основных градаций: неадекватный низкий уровень притязаний (от 0 до 66 балла), адекватный сниженный уровень (от 67 до 79 баллов), адекватный повышенный уровень (от 80 до 92 баллов) и неадекватный высокий уровень притязаний (от 93 до 100 баллов). Сгруппированные данные, полученные в исследовании величин притязаний по основным шкалам методики в группах с различным уровнем сопротивляемости асоциальным влияниям указаны в таблице 3.7.

Таблица 3.7 – Средние значения показателей уровня притязаний по шкалам методики Дембо-Рубинштейн

Наименование шкалы	Уровень притязаний				t
	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		
	М	± σ	М	± σ	
здоровье	90,71	13,11	93,13	19,511	$\rho > 0,05$
ум, способности	89,50	11,56	90,39	27,93	$\rho > 0,05$
характер	81,06	19,23	89,26	21,82	$\rho > 0,05$
авторитет у сверстников	80,44	10,39	96,35	16,167	$\rho < 0,05$
умелые руки	80,12	11,936	78,53	28,431	$\rho > 0,05$
внешность	73,25	18,443	79,04	28,703	$\rho > 0,05$
уверенность в себе	83,38	15,546	95,31	21,651	$\rho < 0,05$
Ср.значение	82,64	14,32	88,86	23,46	$\rho > 0,05$

Полученные в двух экспериментальных группах данные по основным шкалам методики Дембо-Рубинштейн в целом относятся к разряду высокого уровня. Самые высокие баллы в ЭГ-1 получены по шкалам «Здоровье»

(90,71), «Ум, способности» (89,5). Самый низкий количественный уровень притязаний пришелся на шкалу «Внешность» (73,25).

Подростки из группы ЭГ-2 показали высокие значения по шкалам «Здоровье» (93,13), «Ум, способности» (90,39), «Авторитет у сверстников» (96,35) и «Уверенность в себе» (95,31). Наиболее низкий показатель уровня притязаний получен в данной группе по шкале «Умелые руки» (78,53).

В целом в группе ЭГ-2 показатели выше, чем в группе ЭГ-1 (средние значения – 88,86 и 82,64 соответственно). По результатам методики, указанным в таблице 3.7, видно, что в основном количественные данные в ЭГ-2 по всем шкалам (кроме «Умелые руки») несколько выше аналогичных в ЭГ-1. Достоверное превышение показателей обнаружено по шкалам «Авторитет у сверстников» ($p < 0,05$) и «Уверенность в себе» ($p < 0,05$). По остальным шкалам статистически значимых различий не установлено ($p > 0,05$). Следует отметить, что в ЭГ-1 средние значения по всем шкалам методики располагаются в диапазоне адекватного повышенного уровня притязаний (за исключением шкалы «Внешность», где средний показатель несколько снижен), тогда как в ЭГ-2 по трем шкалам («Здоровье», «Авторитет у сверстников», «Уверенность в себе») средний показатель превысил уровень в 93 баллов и может расцениваться как соответствующий неадекватному высокому уровню притязаний.

Для того, чтобы получить более полную картину разделение величин внутри группы, кроме средней степени концентрации признака, нами было использовано частотное распределение. Показатели накопленных в ЭГ-1 и ЭГ-2 частот по шкалам методики Дембо-Рубинштейн приведены в таблице 3.8.

Частотное распределение результатов по шкалам методики Дембо-Рубинштейн показывает отличия в ведущем показателе уровня притязаний. В целом картина схожа с различиями, описанными для показателей самооценки в двух группах. Однако выраженность различий меньше.

Таблица 3.8 – Средние значения показателей уровня притязаний по шкалам методики Дембо-Рубинштейн

Наименование шкалы	Количество человек, %				Всего, %
	Неадекватный низкий	Адекватный сниженный	Адекватный повышенный	Неадекватный высокий	
	0-66	67-79	80-92	93-100	
ЭГ-1 (n=112)					
здоровье	0,00	4,46	81,25	14,29	100
ум, способности	0,00	1,79	75,89	22,32	100
характер	0,89	3,57	82,14	13,39	100
авторитет у сверстн.	0,00	8,04	83,93	8,03	100
умелые руки	0,00	15,18	79,46	5,36	100
внешность	0,89	21,43	72,32	5,36	100
уверенность в себе	0,00	16,96	60,72	22,32	100
ЭГ-2 (n=108)					
здоровье	4,63	12,96	53,71	28,70	100
ум, способности	8,33	14,81	61,12	15,74	100
характер	1,86	20,37	53,70	24,07	100
авторитет у сверстн.	0,00	9,26	56,48	34,26	100
умелые руки	12,96	23,15	54,63	9,26	100
внешность	12,04	25,00	51,85	11,11	100
уверенность в себе	3,70	22,22	48,15	25,93	100

Тем не менее в ЭГ-1 наиболее выраженным показателем является показатель адекватного повышенного уровня притязаний (для разных шкал частота данного показателя варьируется от 60 до 83%). В ЭГ-2 данный показатель также является ведущим, но преобладание не такое значимое – в группе подростков со слабым уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию значительно больше выражены частоты показателей неадекватно высокого и неадекватно низкого уровня притязаний. Так частоты показателя неадекватно высокого уровня притязаний, накопленные по шкале «Здоровье» составили для ЭГ-1 и ЭГ-2 14,29% и 28,70% соответственно, «Характер» – 13,39% и 24,07%, по шкале «Внешность» – 5,36% и 11,11% соответственно. Наибольшие различия в накопленных частотах показателя неадекватно высокого уровня притязаний получены по шкале «Авторитет у сверстников» – 8,04% и 34,26% в ЭГ-1 и ЭГ-2 соответственно. По шкале «Ум,

способности» наблюдается обратная тенденция – здесь частоты показателя неадекватно высокого уровня притязаний выше в ЭГ-1 – 22,32%, при 15,74% в ЭГ-2. Данный факт, по нашему мнению, может объясняться как низкой значимостью данного критерия для подростков из второй группы, так и наличием процессов вытеснения информации, связанной с мало достижимой ценностью.

Таблица 3.9 – Данные по частотному анализу показателей уровня притязаний в двух экспериментальных группах

Группа	Неадекватный низкий, %	Адекватный сниженный, %	Адекватный повышенный, %	Неадекватный высокий, %	Всего, %
ЭГ-1	0,00	24,11	59,82	16,07	100,0
ЭГ-2	4,63	21,30	47,22	26,85	100,0
ρ			$\rho < 0,05$	$\rho < 0,05$	

Сгруппированные по высоте и уровню адекватности, частотные данные для двух групп приведены в таблице 3.9 и на рис.4.

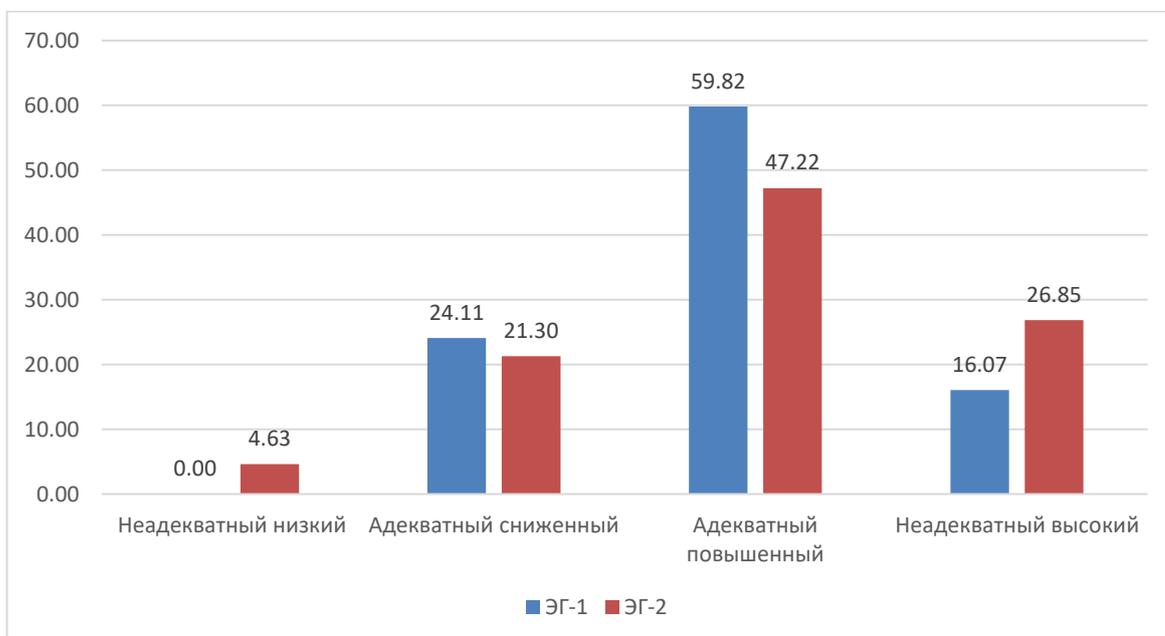

Рис. 4. Данные по частотному анализу показателей уровня притязаний в двух экспериментальных группах

Таким образом, как видно из таблицы 3.9 и рис. 4, между подростками двух экспериментальных групп существуют различия в частоте появления различных показателей уровня притязаний. И хотя, данные различия менее выражены, чем различия по показателям самооценки, в целом картина схожа. В ходе исследования выявлены некоторые различия по параметру неадекватно высокого уровня притязаний (16,07% и 26,85% в ЭГ-1 и в ЭГ-2 соответственно) и параметру адекватного повышенного уровня притязаний (59,82% и 47,22% в ЭГ-1 и в ЭГ-2 соответственно).

Были выявлены тенденции, свидетельствующей о преобладании в ЭГ-2 показателей, связанных с неадекватностью выраженности. Тогда как в ЭГ-1 наиболее представлены показатели адекватного уровня притязаний. Наглядно данные тенденции приведены в таблице 3.10 и рис.5.

Таблица 3.10 – Частотные данные распределения показателей уровня притязаний по методике Дембо-Рубинштейн

Группа	Количество испытуемых, %		Всего, %
	Неадекватный уровень притязаний	Адекватный уровень притязаний	
ЭГ-1(n=112)	16,07	83,93	100,0
ЭГ-2 (n=108)	31,48	68,52	100,0
	$p < 0,05$	$p < 0,05$	

Стоит отметить, что неадекватная выраженность притязаний зависит от установки испытуемого и может приводить к проблемам в поведении, неэффективности какой-либо деятельности, к неумению выстраивать межличностные отношения. Подростки с таким уровнем притязаний часто испытывают трудности с реализацией собственных жизненных планов.

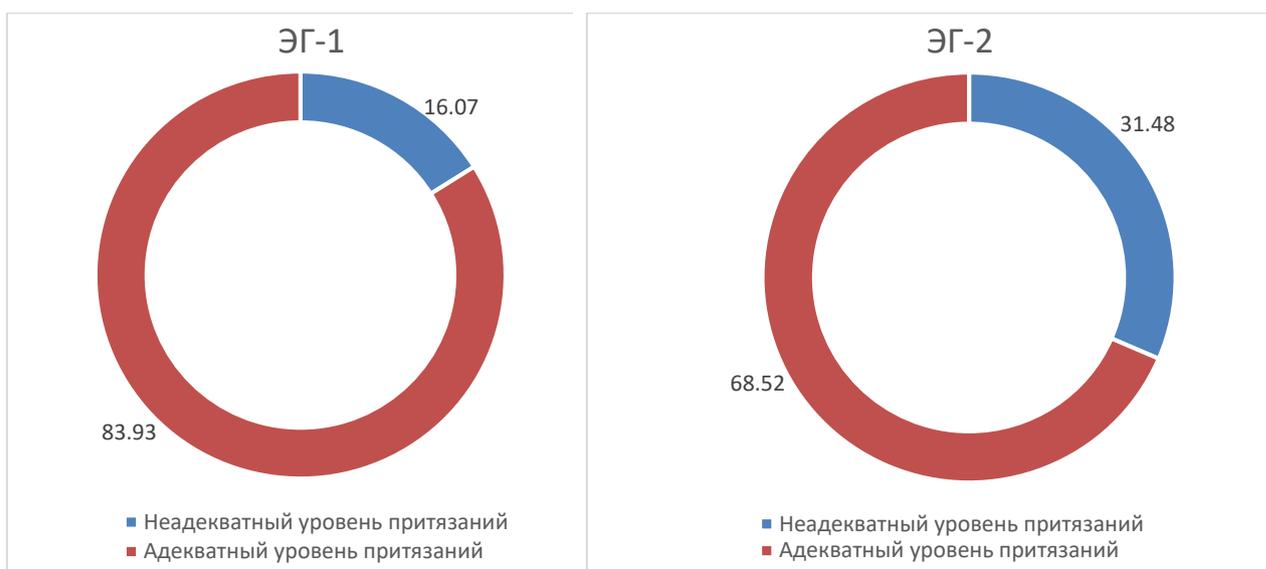

Рис. 5. Сравнительные частотные показатели уровня притязаний по методике Дембо-Рубинштейн

Основываясь на полученной оценке, можно сделать заключение о том, что в целом для подростков с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию характерна тенденция к повышенному и нереалистично высокому уровню притязаний. Можно предположить, что у подростков данной группы идет рассогласование между оценкой своих возможностей и ожидаемых достижений. Выявленные особенности безусловно могут выступать в роли деструктивных факторов, которые приводят к проблемам в социальном взаимодействии.

Методика «Диагностика уровня субъективного контроля» (УСК)

Методика «Диагностика уровня субъективного контроля» использовалась нами в варианте, разработанном Е.Ф.Бажиным, Е.А.Голынкиной, А.М.Эткиндром (1984). Методика дала возможность выявить параметры субъективного контроля (УСК), сущность которого связана с приписыванием ответственности собственным способностям и усилиям, определяемого как внутренний, интернальный локус контроля. Он выступает

в виде интегральной атрибут самосознания, связывающий воедино чувство ответственности, готовности к активности и переживание «Я». Локус контроля, свойственный человеку универсален к любым типам ситуаций и событий, с которыми он сталкивается.

Данные полученные в ходе работы по методике позволили определить уровень интернальности в разных сферах жизни человека. В таблице показаны сводные результаты экспериментального исследования основных параметров локуса контроля в двух группах представлены в таблице 3.11.

Таблица 3.11 – Средние значения показателей шкал УСК в двух экспериментальных группах

№ п/п	Наименование шкалы	Группы				t
		ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		
		М	± σ	М	± σ	
1.	Общая интернальность (Ио)	5,9	1,436	4,75	1,158	$p < 0,05$
2.	Интерн. в сфере достижений (Ид)	6,32	1,721	6,88	2,403	$p > 0,05$
3.	Интерн. в сфере неудач (Ин)	5,12	1,312	3,17	0,993	$p < 0,01$
4.	Интерн. в семейных отнош. (Ис)	6,1	2,030	5,22	1,549	$p < 0,05$
5.	Интерн. производств. отнош. (Ип)	4,73	1,579	4,16	1,251	$p > 0,05$
6.	Интерн. межличн. отнош. (Им)	6,25	1,934	4,98	1,153	$p < 0,01$
7.	Интерн. в отношении здоровья (Из)	5,48	2,216	5,04	1,251	$p > 0,05$
	Ср.знач.:	5,7	1,75	4,97	1,39	

Из полученных результатов видно, что имеются достоверные неравенства между ЭГ-1 и ЭГ-2 по общей интернальности ($p < 0,05$). Подростки из группы ЭГ-1, стабильны в эмоциональном плане, более активны решительны, имеют цель, общительны, могут контролировать свое поведение.

Интернальность в области неудач ($p < 0,01$), в семейных отношениях ($p < 0,05$) и в области межличностных отношений ($p < 0,01$) выше в группе ЭГ-1, это означает означает, что большинство событий их жизни было результатом их собственных действий. По остальным шкалам в количественном отношении отличий не выявлено ($p > 0,05$).

Самые высокие баллы в ЭГ-1 получены по шкалам «Общая интернальность» (5,9), «Интернальность в сфере достижений» (6,32), «Интернальность в семейных отношениях» (6,1), «Интернальность в межличностных отношениях» (6,25). Самые низкие параметры субъективного контроля получены по шкале «Интернальность в сфере производственных отношений» (4,73).

В группе ЭГ-2 высокие показатели получены по шкале «Интернальность в сфере достижений» (6,88) и по шкале «Интернальность в семейных отношениях» (5,22). Наиболее низкий показатель уровня субъективного контроля получен по шкале «Интернальность в сфере неудач» (3,17).

Сравнительный анализ показывает абсолютное и относительное снижение показателей интернальности у подростков из ЭГ-2 по двум шкалам, связанным с взаимодействием с другими людьми. Так по шкале «Интернальность в семейных отношениях» полученные показатели составили 6,1 и 5,22 в ЭГ-1 и ЭГ-2 соответственно ($p < 0,05$). А по шкале «Интернальность в межличностных отношениях» – 6,25 и 4,98 в ЭГ-1 и ЭГ-2 соответственно ($p < 0,01$).

Сниженная интернальность в семейных отношениях у представителей ЭГ-2 может свидетельствовать о том, что подростки не ощущают достаточной персональной вовлеченности в семейные дела (в плане ответственности и способности активно влиять на происходящее), считают своих родителей и сиблингов причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье.

Реакция со стороны значимых взрослых – родителей, учителей, тренеров способна формировать самоуважения, снятия чувства сверх ответственности и снижения чувства вины [47].

В области межличностных отношений со значимыми другими у подростков со сложностью сопротивления асоциальным влияниям также

отмечается низкая интернальность (4,98), что может указывать на то, что подростки ЭГ-2 склонны перекладывать ответственность за сферу межличностного взаимодействия на внешние обстоятельства, приписывать более важное, ведущее значение в этом процессе окружающим.

Кроме этого, необходимо указать на то, что сниженная способность к сопротивлению может быть результатом попытки выделиться из «серой массы», подчеркнуть свою индивидуальность или независимость, противопоставить себя кому-либо или чему-либо, что и формирует выраженную потребность во включенности в какую-либо, часто имеющую асоциальный характер, группу. А, следовательно, формируется и повышенная восприимчивость к влиянию со стороны членов таких групп.

Согласно полученным данным, у испытуемых из ЭГ-2 снижена интернальность в области неудач (3,17 против 5,12 в ЭГ-1). При подобных показателях подросток возлагает вину за собственные неудачи на других или на обстоятельства, в качестве объяснений используется противодействие окружающих, невезение, негативные условия. Это может свидетельствовать также и о проявлении механизмов защиты, неэффективных или малоэффективных стратегий совладающего поведения (похожие тенденции обнаружены при анализе результатов методики определения индивидуальных копинг-стратегий Э.Хайма). Подобные характеристики интернальности приводят к тому, что подростки не видят взаимосвязь между своими действиями и значимыми для них событиями, поэтому причины неудач они видят в невезении, в случайном стечении обстоятельств, а не в отсутствии собственной социальной некомпетентности. Такие подростки даже не пытаются что-то изменить в своем поведении, это дает им возможность что то менять в собственном поведении. «Накапливающийся опыт неудач в разрешении сложных жизненных проблем формирует убежденность в том, что эффективно справиться с жизненными трудностями невозможно. Это усиливает ожидания негативного ответа со стороны среды и увеличивает чувствительность к стрессу. Новые неудачи еще более

нарушают отношения со средой, снижают контроль над ней, приводят к новым конфликтам» [78, с. 42].

Данные показатели рассогласование ЭГ-2 интернальности в области неудач и в области достижений очень важные. Интернальность в сфере достижений у подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию значительно повышена (6,88 – это самый высокий показатель интернальности в данной группе), в то время как средний показатель интернальности в области неудач, напротив, низкий (3,17).

Данные показатели дают возможность предположить, что подростки принимают с радостью на себя ответственность за удачи и достижения, а ответственность за неудачи перекладывают на плечи других людей и ситуация. Подобная тенденция обнаружена и в ЭГ-1, однако у представителей этой группы дисбаланс между

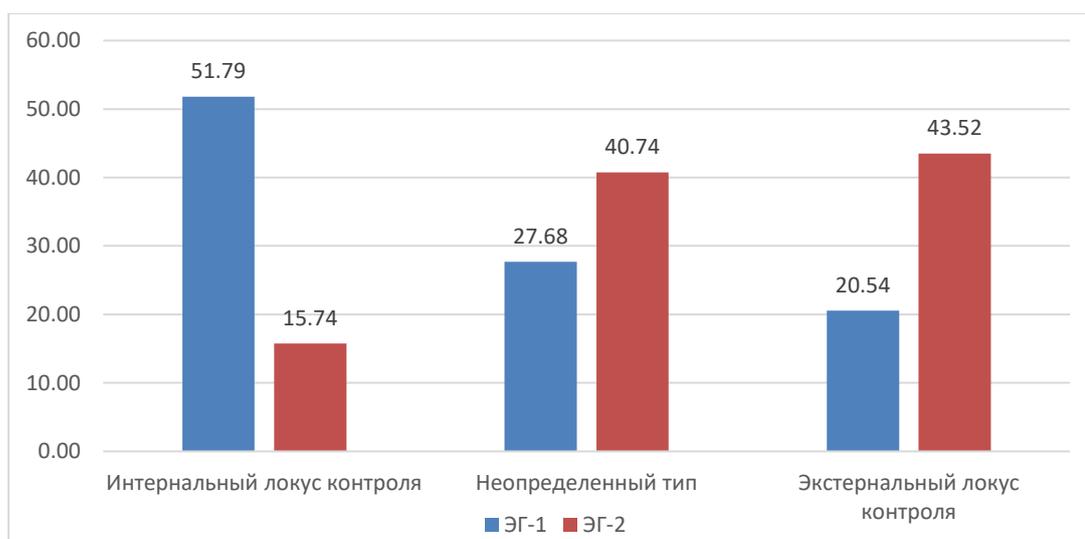

Рис. 6. Частотное распределение испытуемых по типу локуса контроля в двух группах (%)

двумя рассматриваемыми показателями значительно менее выражен (интернальность в сфере достижений – 6,32, показатель интернальности в области неудач – 5,12). В соответствии с итоговой оценкой, представителям ЭГ-2 свойственна общая экстернальная локализованность контроля. Для

данной группы процент испытуемых с экстернальным локусом контроля более чем в два раза больше, чем в ЭГ-1 (43,52% и 20,54% соответственно). Тогда как процент респондентов с интернальным локусом контроля, напротив, значительно (более, чем в три раза) выше в ЭГ-1 (51,79% и 15,74% соответственно) (см. рис. 6).

Достаточно высокая в целом интернальность подростков, демонстрирующая сопротивляемость асоциальному влиянию (см. таблица 3.11), обуславливает их эмоциональную стабильность, психологическую устойчивость, самостоятельность решения проблем, целеустремленность, они умеют анализировать ситуацию, адекватно ее оценивают и в зависимости от этого используют поведенческие стратегии. Общительны, легко устанавливают социальные контакты, в наблюдаемом поведении производят впечатление уверенных в себе людей. Обладают самоконтролем, ответственны за то, как складывается их жизнь и происходящие в ней события.

Выраженная экстернальность подростков из ЭГ-2 формирует целый ряд сложностей, связанных с процессами самооценивания и самоотношением, некоторыми эмоциональными реакциями и поведенческими паттернами. В целом, это может выражаться в возникновении «комплекса зависимости» в первую очередь от референтной группы и окружающих в целом [10]. При этом непосредственно могут возникать сложности как в саморегуляционных аспектах поведения (что в дальнейшем будет показано на примере результатов по методике ССПМ В.И. Моросановой), так и в сфере взаимодействия с другими людьми. Одним из результатов данных процессов может являться также повышенная стрессовая нагрузка с элементами невротизации [105].

В целом, опираясь на полученные в исследовании данные, можно резюмировать отличия между ЭГ-1 и ЭГ-2 как по общей выраженности интернальности, так и по отдельным характеристикам субъективного контроля. Слабая способность оказывать сопротивление асоциальному

влиянию положительно коррелирует с формированием общей экстернальной ориентации, а также с преобладанием экстернального локуса контроля в определенных сферах деятельности – сфере неудач, межличностных и семейных взаимоотношений. В целом, это указывает на то, что подростки со слабой сопротивляемостью имеют сниженный контроль над собственным поведением и социальными ситуациями.

3.3.2 Ценностно-мотивационной блок характеристик подростков

Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова)

Рассмотреть уровень значимости для испытуемого базовых общечеловеческих ценностей (12–17) и выявить выраженность психологических форматов «Ценность» (Ц) и «Доступность» (Д) для каждой из них позволила методика Е.Б. Фанталовой. Кроме этого, можно выявить уровень расхождения, дезинтеграции в мотивационно-ценностной сфере подростка, выраженность внутренней конфликтности, наличие неудовлетворенности базовых потребностей, что косвенно может свидетельствовать о мере самореализации, личностной интегрированности и гармонии [127].

В основе методики лежит предположение о том, что значимой детерминантой мотивационной составляющей личности выступает соотношение между двумя плоскостями сознания: одна включает ценности и жизненные смыслы, стратегические жизненные цели, вторая плоскость является вмещением того, что находится в обозримом пространстве, что легко достижимо и доступно, включая и легкодостижимые конкретные цели. Пропорция этих двух плоскостей относительно конкретного жизненного пространства подобно соотношению основных понятий методики как «ценность» (Ц) и «доступность» (Д) [128].

В нашем исследовании «Ценность» и «Доступность» определялись для 12 базовых общечеловеческих ценностей, связанных с физическими,

психическими и духовными параметрами, взятые вместе эти параметры образуют контекст на фоне которого протекает жизнедеятельность личности.

Второй и наиболее важной психометрической характеристикой данного диагностического инструмента является разность двух показателей: «Ценность-Доступность» (Ц-Д). Это соотношение отражает величину расхождения, дезинтеграции в мотивационно-личностной области. Данный показатель позволяет обнаружить зоны внутреннего конфликта (ВК), внутреннего вакуума (ВВ) и нейтральные зоны (НЗ) – зоны, характеризующиеся отсутствием конфликтов, расогласованности и напряженности.

В соответствии с внутренней логикой методики в первую очередь были получены и проанализированы данные, позволяющие определить «Ценность» и «Доступность» основных ценностей для испытуемых с разным уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию. Обобщенные данные эмпирического исследования *по параметру «Ценность»* в двух группах представлены в таблице 3.12.

Таблица 3.12 – Средние значения показателей шкал методики Е.Б. Фанталовой по параметру «Ценность» в двух экспериментальных группах

Шкала	Ценность				t
	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		
	М	± σ	М	± σ	
Активная, деятельная жизнь	5,67	0,251	5,30	0,277	$\rho < 0,05$
Здоровье	7,50	0,113	8,10	0,152	$\rho > 0,05$
Интересная работа	4,40	0,297	5,20	0,417	$\rho > 0,05$
Красота природы и искусства	3,40	0,301	1,09	0,181	$\rho < 0,01$
Любовь	7,40	0,290	8,33	0,320	$\rho > 0,05$
Мат. обеспеченная жизнь	4,30	0,358	7,12	0,129	$\rho < 0,01$
Наличие друзей	6,75	0,193	7,00	0,186	$\rho > 0,05$
Уверенность в себе	6,35	0,220	5,84	0,456	$\rho > 0,05$
Познание	3,95	0,285	1,26	0,200	$\rho < 0,01$
Свобода	5,10	0,231	5,90	0,490	$\rho > 0,05$
Счастливая семейная жизнь	7,08	0,198	9,36	0,236	$\rho < 0,05$
Творчество	4,10	0,274	1,50	0,199	$\rho < 0,01$

Согласно выявленным величинам в группе ЭГ-1 наибольшие балы по показателю «Ценность» получили следующие шкалы: «здоровье (физическое и психическое)» – 7,50; «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» – 7,40; «наличие хороших и верных друзей» – 6,75; «счастливая семейная жизнь» – 7,08. Наименьшие средние показатели получены для шкал «красота природы и искусства» – 3,40 и «познание» – 3,95.

В группе ЭГ-2 наибольшие балы по показателю «Ценность» получены по шкалам «здоровье (физическое и психическое)» – 8,10; «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» – 8,33; «материально обеспеченная жизнь» – 7,12; «наличие хороших и верных друзей» – 7,0; «счастливая семейная жизнь» – 9,36. Наименьшие средние показатели получены для шкал «красота природы и искусства» – 1,09; «познание» – 1,26 и «творчество» – 1,50.

Уже на данном этапе анализа можно говорить о том, что, несмотря на то, что в целом строение ценностей у испытуемых двух экспериментальных групп схожа, имеют место расхождения в мере представленности как высоких, так и низких показателей «Ценности» (см. рис. 7). Схожесть «профиля» может объясняться общими для представителей двух групп факторами – особенности возраста, этнические, культурные и социальные параметры. Данные факторы формируют общность оценок по параметру «Ценность». В тоже время, данные экспериментальной группы с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию имеют больший разброс. Данная тенденция наглядно проявляется на приведенном рисунке как более выраженная «острота» и акцентированность профиля ЭГ-2, что может указывать на наличие дисбаланса и конфликтности в ценностно-мотивационной сфере, и, как следствие, на более яркое протекание подросткового «кризиса».

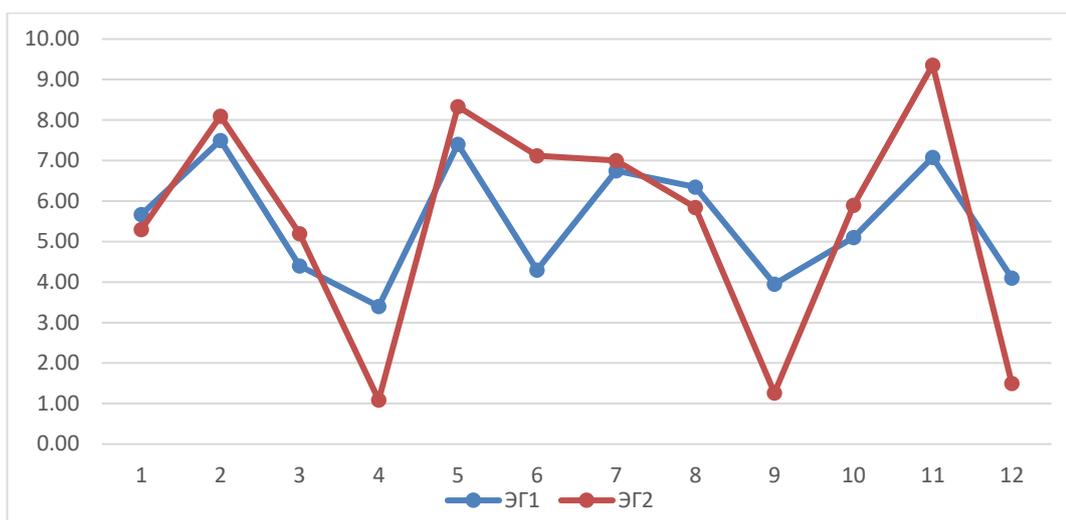

Рис. 7. Графическое отображения ценностного «профиля» по средним показателям «Ценности» в двух экспериментальных группах

Дополнительно к сказанному выше, необходимо добавить, что даже по тем шкалам, по которым представители ЭГ-2 в среднем набрали умеренные баллы, существует неоднородность выборки, свидетельствующая о присутствии в массиве данных разнородных (высоких и низких) показателей. Значения стандартного отклонения по шкалам «интересная работа» (0,297 и 0,417 в ЭГ-1 и ЭГ-2 соответственно), «материально-обеспеченная жизнь» (0,358 и 0,129 в ЭГ-1 и ЭГ-2 соответственно), «уверенность в себе» (0,220 и 0,456 соответственно), «свобода как независимость в поступках и действиях» (0,231 и 0,490 соответственно) показывают различия в характере распределения данных внутри экспериментальных групп. По большинству указанных шкал (кроме шкалы «материально-обеспеченная жизнь») распределение показателей испытуемых ЭГ-1 является более однородным (плотным), а для ЭГ-2 напротив характерны высокие значения стандартного отклонения, что указывает на разнородные показатели внутри группы. Только для шкалы «материально-обеспеченная жизнь» имеет место обратная тенденция – здесь результаты в ЭГ-2 более согласованы, а показатели, полученные в ЭГ-1 имеют тенденцию к разнонаправленности (т.е. мнение испытуемых о значимости «материально-обеспеченной жизни»

менее единодушное и свидетельствует скорее о наличии различных тенденций, а не одной общей).

В целом указанные особенности экспериментальных данных также указывают на большую рассогласованность и акцентированность показателей в ЭГ-2, в то время как подростки, демонстрирующие большую сопротивляемость асоциальному влиянию, имеют более согласованный и гармоничный профиль мотивационно-ценностной сферы.

Таблица 3.13 – Средние значения показателей шкал методики Е.Б.Фанталовой по параметру «Доступность» в двух экспериментальных группах

шкала	Ценность				t
	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		
	М	± σ	М	± σ	
Активная, деятельная жизнь	5,90	0,225	5,14	0,348	$p>0,05$
Здоровье	7,87	0,285	8,55	0,186	$p>0,05$
Интересная работа	3,01	0,140	4,72	0,329	$p<0,05$
Красота природы и искусства	3,96	0,179	1,93	0,142	$p<0,05$
Любовь	7,13	0,398	7,46	0,368	$p>0,05$
Мат. обеспеченная жизнь	5,03	0,411	6,81	0,299	$p<0,05$
Наличие друзей	6,86	0,325	6,75	0,497	$p>0,05$
Уверенность в себе	6,21	0,302	5,70	0,433	$p>0,05$
Познание	4,33	0,157	2,03	0,308	$p<0,01$
Свобода	4,45	0,238	6,22	0,401	$p<0,05$
Счастливая семейная жизнь	6,58	0,341	8,85	0,365	$p<0,05$
Творчество	4,67	0,240	1,84	0,152	$p<0,01$

Благодаря методике Е.Б. Фанталовой были выявлены и **показатели «Доступности»** в отношении изучаемых мотивационно-ценностных компонентов. Средние показатели «Доступности» по основным шкалам методики представлены в таблице 3.13.

В группе ЭГ-1 согласно полученным данным наибольшие балы по показателю «Доступность» получили следующие ценности: «здоровье (физическое и психическое)» – 7,87; «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» – 7,13; «наличие хороших и верных

друзей» – 6,86; «уверенность в себе» – 6,21; «счастливая семейная жизнь» – 6,58. Наименьшие средние показатели получены для шкал «интересная работа» – 3,01 и «красота природы и искусства» – 3,96.

Для группы ЭГ-2 наибольшие балы по показателю «Доступность» получены по шкалам «здоровье (физическое и психическое)» – 8,55; «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» – 7,46; «материально обеспеченная жизнь» – 6,81; «наличие хороших и верных друзей» – 6,75; «счастливая семейная жизнь» – 8,85. Наименьшие средние показатели получены для шкал «красота природы и искусства» – 1,93; «познание» – 2,03 и «творчество» – 1,84.

Сравнительная картина в двух экспериментальных группах по параметру «Доступность» в целом похожа на выявленные профили, отмеченные для параметра «Ценность». Профили в двух группах схожи, однако профиль испытуемых ЭГ-1 более «сглаженный» и гармоничный, а профиль испытуемых ЭГ-2 более заостренный, с выраженными перепадами (см. рис. 8).

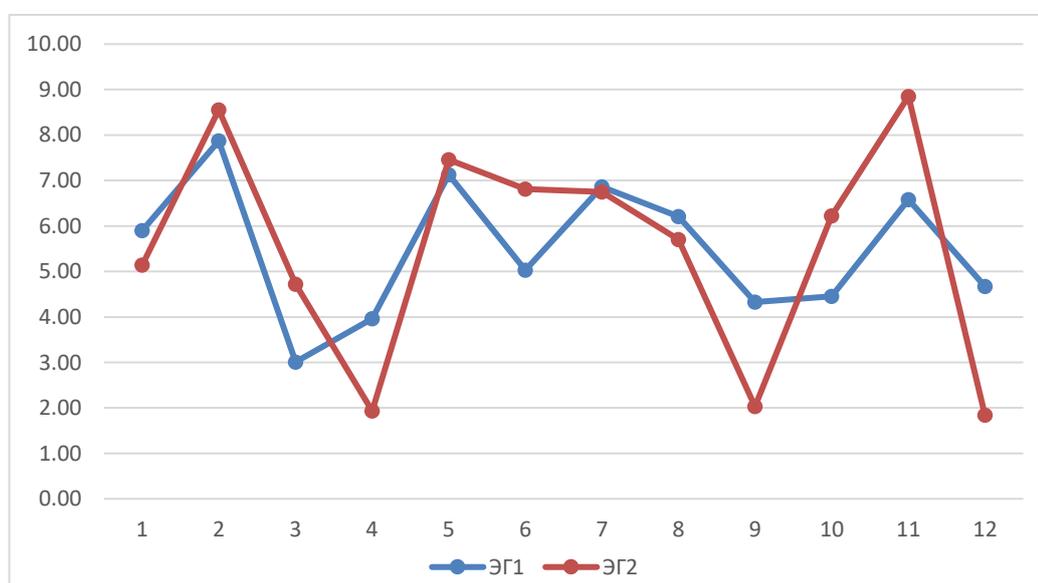

Рис. 8. Графическое отображения ценностного «профиля» по средним показателям «Доступности» в двух экспериментальных группах

Также следует отметить, что согласно средним данным по каждой из двух выборок значительных различий между параметрами «Ценность» и «Доступность» не выявлено. Однако наличие высоких показателей стандартного отклонения указывает на разнородность внутригрупповых данных, а, следовательно, картина средних показателей может быть недостаточно информативной. Это находит подтверждение и в результатах, полученных по параметру «Ц-Д», при определении наличия внутренних конфликтов (ВК), внутренних вакуумов (ВВ) и нейтральных зон (НЗ). Основные показатели по данным параметрам приведены в таблицах 3.14;3.15; 3.16.

Следует подчеркнуть, что, согласно замыслу автора, «Ценность» и «Доступность» не должны рассматриваться как абсолютно полярные характеристики мотивационно-личностной сферы. Напротив, они являются взаимодополняющими, создающими общее поле сферы мотивов и побуждений. Характер взаимосвязи Ц и Д обуславливает и меру воздействия побудительных мотивов и появление внутренних конфликтов в различных жизненных сферах. Это показывает значительную ценность данной методики для достижения целей данного исследования. Для различных жизненных областей могут быть выделены типичные версии связи Ц и Д:

- Ц и Д идентичны;
- Ц и Д в большей мере совпадают;
- Ц и Д в своих параметрах различаются, и это различие выступает в двух видах: Ц больше Д ($C > D$) либо Д превышает Ц ($D > C$);
- Ц и Д полностью расходятся [181].

Согласно полученным данным в группе ЭГ-1 наибольшие средние балы по показателю «Ц-Д» получили следующие ценности: «интересная работа» – 4,07; «материально обеспеченная жизнь» – 4,11; «уверенность в себе» – 4,10. Наименьшие средние показатели получены для шкал «активная, деятельная жизнь» – 3,16 и «красота природы и искусства» – 3,22.

Таблица 3.14 – Сводная таблица средних показателей шкал методики Е.Б.Фанталовой по параметрам «Ценность», «Доступность» и индексу расхождения «Ц – Д» в двух экспериментальных группах

Шкала	ЭГ1 (n=112)				ЭГ2 (n=108)			
	Ц	Д	Ц-Д		Ц	Д	Ц-Д	
			М	± σ			М	± σ
Активная, деятельная жизнь	5,67	5,90	3,16	0,203	5,30	5,14	3,75	0,146
Здоровье	7,50	7,87	3,48	0,137	8,10	8,55	3,86	0,264
Интересная работа	4,40	3,01	4,07	0,489	5,20	4,72	4,25	0,278
Красота природы и искусства	3,40	3,96	3,22	0,356	1,09	1,93	3,77	0,364
Любовь	7,40	7,13	3,52	0,227	8,33	7,46	4,28	0,378
Мат. обеспеченная жизнь	4,30	5,03	4,11	0,396	7,12	6,81	4,06	0,231
Наличие друзей	6,75	6,86	3,51	0,141	7,00	6,75	3,21	0,195
Уверенность в себе	6,35	6,21	4,10	0,154	5,84	5,70	3,08	0,134
Познание	3,95	4,33	3,81	0,238	1,26	2,03	4,2	0,357
Свобода	5,10	4,45	3,69	0,416	5,90	6,22	4,07	0,239
Счастливая семейная жизнь	7,08	6,58	3,90	0,375	9,36	8,85	3,73	0,321
Творчество	4,10	4,67	3,54	0,397	1,50	1,84	3,96	0,236
Ср.:			3,68				3,85	

Для группы ЭГ-2 наибольшие средние балы по показателю «Ц–Д» получены по шкалам «интересная работа» – 4,25; «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» – 4,28; «материально обеспеченная жизнь» – 4,06; «познание» – 4,2; «свобода» – 4,07. Наименьшие средние показатели получены для шкал «наличие хороших и верных друзей» – 3,21; «уверенность в себе» – 3,08.

Сравнительная картина в двух экспериментальных группах по параметру «Ц–Д» может быть дополнена несколько более высокими показателями разнородности данных в ЭГ-1 в сравнении с ЭГ-2. В группе ЭГ-1 по шести шкалам данные характеризуются как разнородные (средний показатель квадратичного отклонения - 0,294), в ЭГ-2 – лишь по трем (средний показатель квадратичного отклонения - 0,262).

Учитывая невысокую информативность усредненных показателей, далее приводятся расчетные данные по интегральному показателю методики УСЦД– Индекс расхождения (R), а также частотное распределение

выраженности индекса расхождения параметров «Ценность» и «Доступность» («Ц – Д») в двух экспериментальных группах.

Интегральный показатель методики УСЦД – Индекс расхождения (R) рассчитывается как сумма расхождений по модулю для всех 12-ти понятий-ценностей:

$$R = \sum_{i=1}^n |Ц_i - Д_i|,$$

Результаты по вычисленному Индексу расхождения (R) в двух экспериментальных группах представлены в таблице 3.15.

Согласно полученным результатам вычисленный Индекс расхождения (R) в двух группах различается – для ЭГ-1 его средний показатель равен 44,95, а для ЭГ-2 – 51,14. Данные по Индексу расхождения являются более плотными для ЭГ-2 и менее однородными в группе ЭГ-1. Это свидетельствует о наличии более четко выраженной центральной тенденции в группе подростков с высокими показателями сопротивляемости.

Таблица 3.15 – Средние значения выраженности расхождения параметров «Ценность» и «Доступность» (индекс «Ц – Д») в двух экспериментальных группах

Индекс	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)	
	М	± σ	М	± σ
R	44,95	18,161	51,14	10,778

Эта тенденция наглядно видна при определении частотного распределения уровней Индекса расхождения (R), представленного ниже.

Исходя из содержания методики и теоретико-методологического значения ее базовых категорий, Индекс расхождения “Ц–Д” (R) может рассматриваться как показатель неравенства, дезинтеграции в мотивационно-личностном пространстве. Выраженность индекса напрямую связана со степенью недовольства данной жизненной ситуацией, невозможности

реализации базовых потребностей, наличия внутреннего дискомфорта, внутренней конфликтности. Индекс расхождения «Ц–Д» (R) может также свидетельствовать об уровне самореализации, внутренней идентичности, согласованности различных составляющих личности.

При разработке методики выделены следующие нормативные параметры Индекса расхождения «Ц–Д» (R) ($M \pm m$): мужчины $33,07 \pm 1,7$, женщины $37,02 \pm 1,6$. В практике, однако, чаще исследуются смешанные группы без учета пола. И поскольку разница между группами мужчин и женщин по индексу Rц-д имеет только тенденцию ($t=1,67; 0,05 < p < 0,1$), то в качестве нормы авторы рекомендуют опираться на средний показатель для всей выборки, вне зависимости от пола ($M \pm m$): $35,05 \pm 1,7$.

По величине Индекса расхождения «Ц–Д» выделяется три основных уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере:

При показателях в диапазоне от 0 до «нормы» ($35,05 \pm 1,7$) может быть определен низкий уровень дезинтеграции.

При показателях от 35,05 до 50 можно говорить о ее среднем уровне.

При показателях в диапазоне от 50 до 72 мы имеем дело с высоким уровнем дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере.

Частотное распределение выраженности Индекса расхождения («Ц – Д») в нашем исследовании в сравнительном аспекте представлено в таблице 3.16 и на рис. 9.

Таблица 3.16 – Частотное распределение выраженности индекса расхождения параметров «Ценность» и «Доступность» («Ц – Д») в двух экспериментальных группах

Индекс	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)	
	abs	%	abs	%
Высокий	57	50,9	65	60,2
Средний	51	45,5	43	39,8
Низкий	4	3,6	0	0,0
Сумма:	112	100	108	100

И в ЭГ-1 и в ЭГ-2 ведущим по частоте является показатель высокого уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. Однако в ЭГ-2 данный показатель выше чем в ЭГ-1 (60,2% против 50,9% соответственно). Кроме того, в группе с низкой сопротивляемостью показатель высокого уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере является ведущим – практически две трети испытуемых (60,2%), тогда как в ЭГ-1 показатели высокого и среднего уровня различаются незначительно (50,9% и 45,5% соответственно), что говорит о доминировании обоих показателей и о преобладании в целом средне-высоких значений в данной группе.

В группе ЭГ-2 вообще отсутствуют показатели низкого уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, тогда как в ЭГ-1 этот показатель у 3,6% испытуемых. Подобные значения указывают на дисбаланс мотивационно-ценностной сферы как маркер кризисного периода, который у подростков из группы ЭГ-2 проявляется более остро.

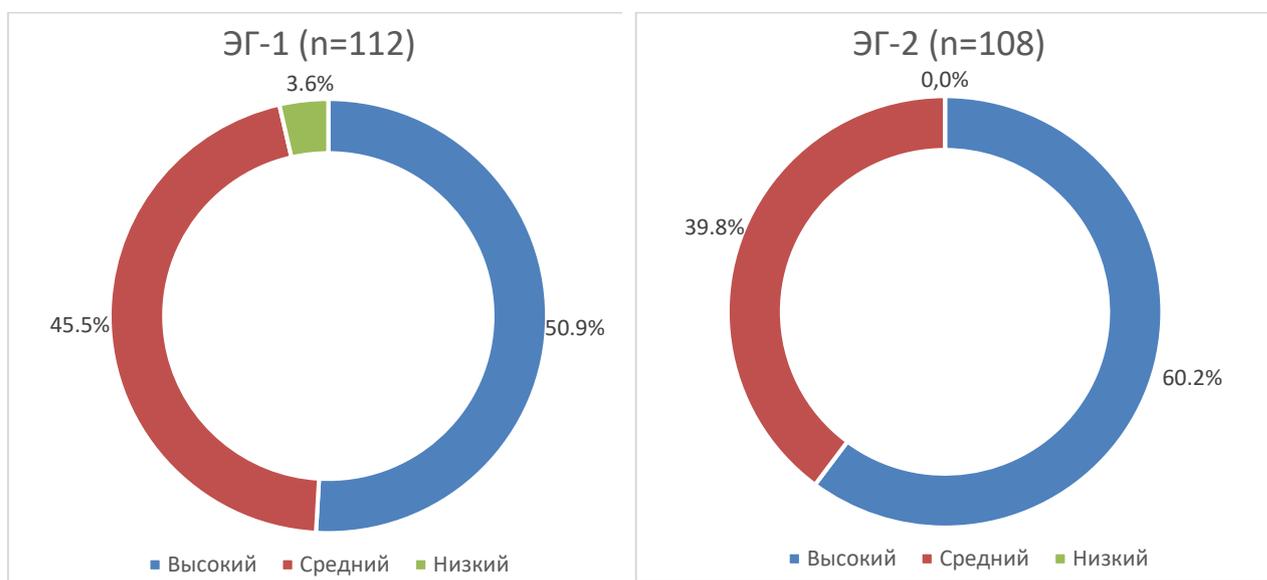

Рис. 9. Сравнительные частотные данные выраженности индекса расхождения параметров «Ценность» и «Доступность» («Ц – Д») в двух экспериментальных группах

В целом на основании полученных данных можно говорить о наличии в группе подростков с низкой сопротивляемостью тенденции к высокому

уровню дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере в сравнении с подростками из группы с более высоким уровнем сопротивляемости к асоциальному влиянию (см. рис.9).

Содержательные характеристики данной тенденции обнаруживаются при анализе специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов, формирующих данную тенденцию. В рамках методики УСЦД эмпирическим путем выявлены такие показатели, как «внутренний конфликт» (ВК), «внутренний вакуум» (ВВ) и «нейтральная зона» (НЗ). При этом внутренний конфликт свидетельствует о том, что сознание и бытие не конгруэнтно, в системе «сознание – бытие» наблюдается «разрыв» [28], а именно между потребностью в достижении значимых ценностей и возможностью такого достижения в реальности [127]. Согласно методике УСЦД, если Ц больше, чем на 4 единицы превышает Д, то это свидетельствует о существовании внутреннего конфликта в каком-то жизненном пространстве. Напротив, если Д превышает над Ц, то можно говорить о внутреннем вакууме, то есть на «избыточность» присутствия чего-либо при отсутствии (или снижении) интереса к этому в жизни, в конкретной ситуации. «Нейтральная зона» (НЗ) указывает на ситуацию, когда Ц и Д в достаточной мере схожи ($-3 < Ц - Д < +3$), при этом можно говорить о наличии гармонии в соответствующих сферах.

Интегральный показатель методики УСЦД, индекс расхождения «Ц–Д», в целом может выступать как показатель блокады в мотивационно-личностной сфере, ценностно-смысловых образований наличие внутренних конфликтов, указывая на степень расхождения между тем, что есть, и тем, что должно быть, между хочу и имею, а также между хочу и могу [181].

Наличие ценностно-ориентированных личностных конструктов – «внутренних конфликтов», «внутренних вакуумов» и «нейтральной зоны» – дает понятие характере дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере.

Данные по частоте проявления специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов в обеих группах приведены в таблице 3.17.

Центральной тенденцией в группе ЭГ-1, как видно из приведенных в таблице 3.17 данных, является показатель НЗ. Данный показатель в ЭГ-1 является ведущим по частоте для всех шкал методики. При этом его преобладание является весьма значительным – от 50,9% (по шкале «Любовь») до 85,7% (по шкале «Познание»). Средний показатель НЗ по всем шкалам составил 69,5%.

Таблица 3.17 – Частотное распределение проявления специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов в двух экспериментальных группах

Шкала	ЭГ-1 (n=112)						ЭГ-2 (n=108)					
	НЗ		ВК		ВВ		НЗ		ВК		ВВ	
	abs	%	abs	%	abs	%	abs	%	abs	%	abs	%
Активная, деятельная жизнь	76	67,9	16	14,3	20	17,9	64	59,3	21	19,4	23	21,3
Здоровье	79	70,5	14	12,5	19	17,0	59	54,6	14	13,0	35	32,4
Интересная работа	83	74,1	22	19,6	7	6,3	67	62,0	17	15,7	24	22,2
Красота природы и искус-а	91	81,3	5	4,5	16	14,3	63	58,3	0	0,0	45	41,7
Любовь	57	50,9	43	38,4	12	10,7	38	35,2	41	38,0	29	26,9
Мат. обеспеченная жизнь	72	64,3	31	27,7	9	8,0	39	36,1	45	41,7	24	22,2
Наличие друзей	70	62,5	23	20,5	19	17,0	40	37,0	37	34,3	31	28,7
Уверенность в себе	68	60,7	35	31,3	9	8,0	31	28,7	44	40,7	33	30,6
Познание	96	85,7	7	6,3	9	8,0	85	78,7	1	0,9	22	20,4
Свобода	79	70,5	23	20,5	10	8,9	29	26,9	50	46,3	29	26,9
Счастливая семейная жизнь	77	68,8	26	23,2	9	8,0	57	52,8	38	35,2	13	12,0
Творчество	86	76,8	14	12,5	12	10,7	53	49,1	35	32,4	20	18,5
Ср.:	78	69,5	22	19,3	13	11,2	52	48,2	29	26,5	27	25,3

Для группы ЭГ-2 показатель НЗ также является ведущим, однако, его преобладание не так выражено. Максимальный показатель – 62,0% (по шкале

«Интересная работа»). Средний показатель НЗ по всем шкалам составил 48,2% (против 69,5% в ЭГ-1). Кроме того, по 4 шкалам – «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)», «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе» и «свобода» – ведущим является показатель ВК, что свидетельствует о наличии в данных сферах внутреннего конфликта.

Наглядно ключевые тенденции частотного распределения проявления у представителей двух групп специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов показаны на рис.10.

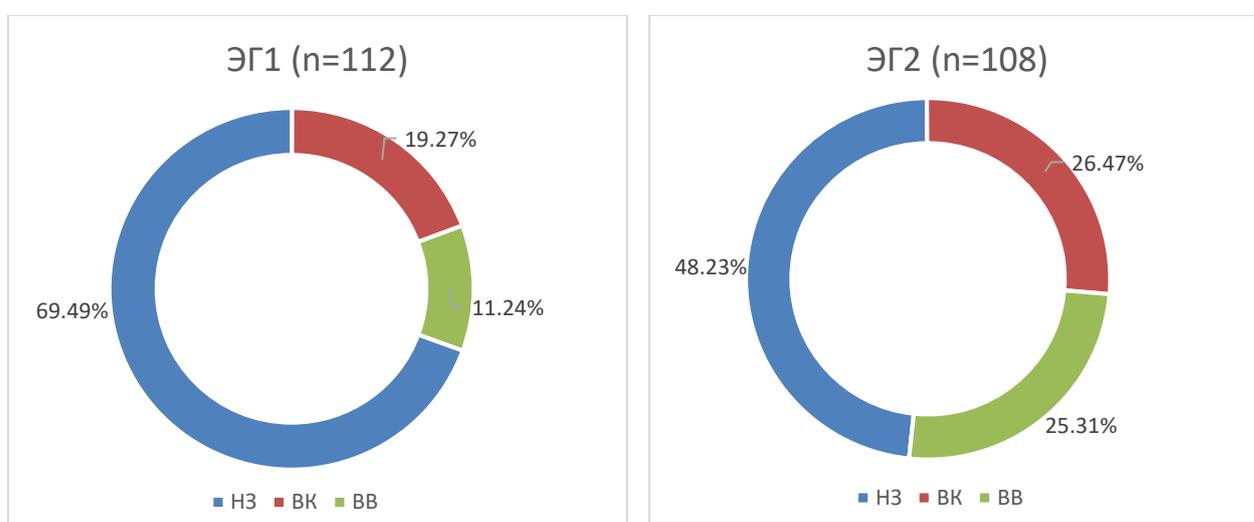

Рис. 10. Сравнительные частотные данные проявления специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов в двух экспериментальных группах

Анализ представленного в таблице 3.17 и на рис. 10 частотного распределения проявления у представителей двух групп специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов показывает значимые различия между ЭГ-1 и ЭГ-2. В целом обнаруженная тенденция заключается в преобладании в группе школьников с низкой сопротивляемостью специфических ценностно-ориентированных личностных конструктов, обладающих конфликтным смыслом (ВК и ВВ) (26,47% и 25,31% против 19,27% и 11,24% в ЭГ-1 соответственно).

В целом методика УСЦД позволила определить особенности мотивационно-личностной сферы представителей ЭГ-1 и ЭГ-2, а также связанные показатели: выраженность внутренней конфликтности, наличие блокады основных потребностей, степень неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией. Это в свою очередь опосредованно может служить показателем уровня самореализации, личностной интегрированности и гармонии.

Согласно полученным с помощью методики УСЦД данным подростки с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию обладают в целом более интегрированной мотивационно-ценностной сферой, для них более характерно гармоничное совмещение «ценности» и «доступности», связанное с умеренным, «нейтральным» характером рассогласованности мотивационно-личностной сферы (НЗ). Существующие исследования показывают, что подобные показатели могут указывать на высокий уровень социально-психологической адаптации, социальную стабильность, уравновешенность[59].

Подростки с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию напротив демонстрируют тенденцию к дезинтеграции мотивационно-ценностной сферы, расхождению «ценности» и «доступности», достигающему состояний «внутренних конфликтов» и «внутренних вакуумов», что согласно исследованиям [Там же] может указывать на отдельные аспекты социально-психологической дезадаптации, внутреннюю и внешнюю конфликтность, общую психическую напряженности, социальную нестабильность. Показатели внутри данной группы более разнонаправлены, разобцены, тенденции более выражены, заострены.

Метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена.

Данная методика является важным инструментом изучения мотивов и ценностей испытуемых. Дополнительной особенностью методики является ее направленность на изучение мотивации в ее отнесенности ко времени.

В 1980 году Ж. Нюттен предложил изучать временные перспективы будущего. В нашем исследовании используется наиболее популярный из применяемых в отечественной практике вариантов метода Нюттена в адаптации Д.А. Леонтьева (1995)[95].

Методика ММИ относится к группе проективных методик и помогает увидеть динамику мотивационных процессов и стремление к проявлению или подавлению импульсов. Также результаты методики помогают сформировать представление о специфике возможных мотивационных конфликтов у испытуемых. В целом методика предназначена для получения информации о мотивационных состояниях, формирующих образ предмета потребности, а также желания, намерения.

Дополнительно результатами ММИ могут быть данные, полученные при помощи специальной кодировки и дающие представление о временных характеристиках мотивационной индукции, временной организации жизни, что по замыслу нашего исследования также может быть значимым психологическим коррелятом сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте.

Первый этап обработки результатов методики ММИ в двух экспериментальных группах состоял в кодировании полученных ответов в соответствии с их мотивационным содержанием безотносительно к временной локализации. В соответствии с теоретическими основами методики, рассмотрение мотивов человека связано с предметом, объектом потребности и действием в отношении его, т.е. активностью или связью, установленной в отношении этого объекта.

Например, если испытуемый высказывает желание помогать больным детям, то дети выступают в роли объекта, а активность субъекта, связь, которую он устанавливает с данным объектом выступает как помощь, альтруизм [124].

Кодирование ответов проводилось по 10 главным категориям, имеющим принципиальное значение для описания содержательной стороны мотивации. 1) S (Self) – мотивационные объекты, относящиеся к личностным характеристикам испытуемого и другим аспектам его личности. 2) SR (Self-realization) – действия и потребности, направленные на самоактуализацию. 3) R (Realization) – активность, противоположная досугу, направленная на создание каких-то полезных объектов. 4) C (Contact) – мотивационные объекты, включающие социальные контакты. 5) E (Exploration) – активность, связанная с получением информации, познанием, исследованием. 6) T (Transcendental) – объектное отношение, имеющее религиозную, экзистенциальную или трансцендентальную природу. 7) P (Possessions) – желание обладать чем-то, иметь, приобретать что-то. 8) L (Leisure) – активность, связанная с отдыхом, игрой, досугом (категория противоположна R). 9) Tt (Test) – все ответы, касающиеся исследования с помощью ММИ. 10) U (Unclassified) – неклассифицируемые и пропущенные ответы.

Сводные результаты по содержательным характеристикам мотивационных конструктов (методика ММИ) в двух экспериментальных группах представлены в таблице 3.18.

Таблица 3.18 – Сводные результаты по содержательным характеристикам мотивационных конструкторов

Характеристика	ЭГ-1			ЭГ-2			Р
	М	%	$\pm \sigma$	М	%	$\pm \sigma$	
S – личностные характеристики	10,63	25,15	0,184	4,78	11,64	0,210	0,001
SR – самореализация	7,55	17,90	0,203	6,56	15,97	0,319	-
R – созидательная активность	5,69	13,46	0,188	2,67	6,49	0,251	0,05
C – контакты с другими	2,25	5,33	0,235	3,61	8,79	0,366	0,05
E – познание	2,69	6,36	0,327	0,83	2,03	0,382	0,01
T – трансцендентные темы	0,81	1,92	0,286	0,00	0,00	-	-
P – обладание	6,38	15,09	0,301	7,11	17,32	0,294	-
L – отдых	3,13	7,40	0,359	4,67	11,37	0,397	0,05
Tt – относящиеся к процедуре	1,25	2,96	0,152	3,39	8,25	0,311	0,01
U – не классифицируемые	1,88	4,44	0,276	7,44	18,13	0,348	0,001
Всего:		100,0			100,0		
Ср.:	4,23			4,11			

В группе ЭГ-1 согласно полученным данным наибольшие балы получены по шкалам «личностные характеристики» (10,63), «самореализация» (7,55) и «обладание» (6,38). Наибольшие показатели по шкале «личностные характеристики» связаны с содержанием утверждений, относящихся к тому или иному аспекту личности самого субъекта: «Я мечтаю быть героем», «Я бы хотел быть способным к трудным наукам», «У меня есть большое желание быть материально независимой», «Я не хочу срываться на сестре» и т.п. Большое абсолютное и относительное количество подобных утверждений может свидетельствовать о развитом самосознании и самопонимании, склонности к самоанализу, восприятию своей личности как значимой, уверенности в себе, позитивном самоотношении. О похожей тенденции могут говорить и высокие данные по шкале «самореализация» (сюда относятся концептуально схожие высказывания, описывающие активность, связанную с саморазвитием, самоактуализацией, развитием всей личности или отдельных ее аспектов, реализацией персональных потребностей и целей: например, «Я все делаю для того, чтобы достичь успехов в музыке», «Я решил стать врачом», «Я бы хотела стать лидером танцевального коллектива» и т.п.).

Наименьшие показатели для данной группы получены по шкалам «трансцендентные темы» (0,81), «относящиеся к процедуре» (1,25) и «не классифицируемые и пропущенные ответы» (1,88).

В группе ЭГ-2 наибольшие показатели получены по шкалам «самореализация» (6,56), «обладание» (7,11) и по шкале «не классифицируемые и пропущенные ответы» (7,44). Высокие баллы по шкале «самореализация» свидетельствуют о тенденции, описанной применительно к первой группе – в целом это активность, связанная с саморазвитием, самореализацией. Однако стоит отметить, что если в ЭГ-1 высказывания, относящиеся к данной группе весьма разнообразны и связаны в том числе и с развитием непосредственно личности или каких-либо ее сторон, то в ЭГ-2 преобладают высказывания, связанные с реализацией персональных потребностей и целей, и в целом являются более формализованными, «внешними» («...стать директором», «...разбогатеть», «...доказать всем» и т.п.). Указанная тенденция соответствует данным, полученным по шкале «обладание» (7,11) и по методике Е.Б. Фанталовой.

Высокие показатели по шкале «не классифицируемые и пропущенные ответы» могут указывать с одной стороны на низкую мотивацию участия в исследовании, с другой – это может быть свидетельством более общей тенденции пренебрежительного или негативного отношения к правилам, требованиям, нормам.

Наименьшие показатели получены по шкалам «трансцендентные темы» (0,0) и «познание» (2,03). Низкие показатели по данным шкалам являются вполне ожидаемым результатом, связанным в большой мере с общими особенностями подросткового возраста. На это указывает и тот факт, что данные показатели являются невысокими в обеих экспериментальных группах.

Сравнительный анализ полученных по методике ММИ Ж. Нюттена данных показывает, что по большинству шкал методики имеют место различия между экспериментальными группами. Наиболее выраженные

различия получены по шкалам «личностные характеристики», «познание», «относящиеся к процедуре», «не классифицируемые».

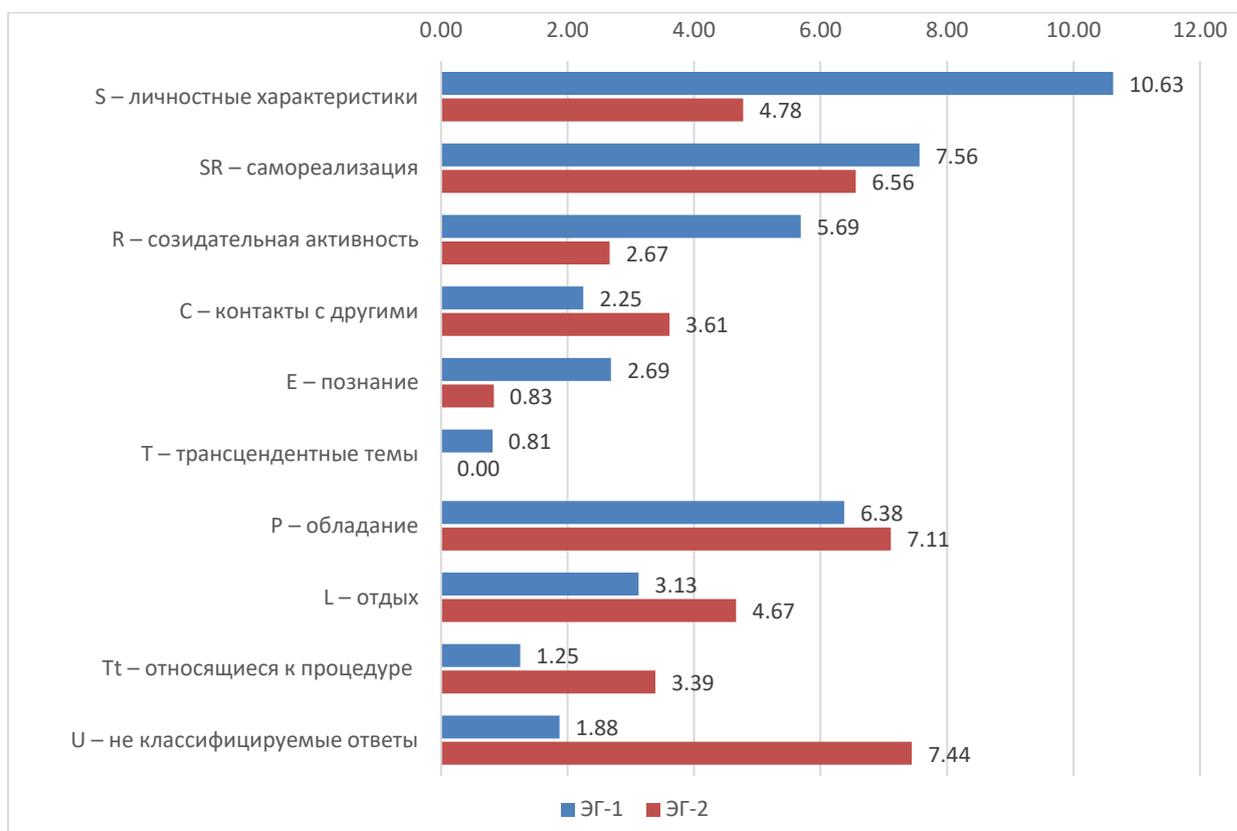

Рис. 11. Сравнительные результаты по содержательным характеристикам мотивационных конструктов в двух экспериментальных группах

Различия по шкале «личностные характеристики» (10,63 в ЭГ-1 против 4,78 в ЭГ-2) показывают группу подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию как обладающую более структурированными характеристиками самосознания, а, учитывая, что для данной группы уровень по данной шкале является наибольшим, можно говорить о высокой ценности и выраженности мотивационных объектов, относящихся к личностным характеристикам, различным аспектам его личности. Для подростков второй экспериментальной группы характерна противоположная тенденция, когда личностные характеристики имеют слабую представленность в структуре различных мотивационных объектов. В целом это может характеризовать подростков с низким уровнем

сопротивляемости асоциальному влиянию как менее осознанных, имеющих слабо выраженную тенденцию к развитию самопонимания. В такой ситуации нарушается баланс между «внешним» и «внутренним» в структуре личности человека в сторону усиления «внешней» компоненты [56].

Различия между экспериментальными группами по шкале «познание» показывают меньшую для подростков ЭГ-2 мотивационную ценность активности, связанной с получением информации, познанием, исследованием. Активная исследовательская, познающая позиция по отношению к миру без всяких сомнений может являться значимым фактором, обеспечивающим способность сопротивления асоциальному влиянию. Однако, следует учитывать и тот факт, что, во-первых, это достаточно общая тенденция для подросткового возраста, а, во-вторых, снижение познавательной мотивации может быть уже следствием подверженности влиянию асоциальных групп.

Полученные по шкалам «относящиеся к процедуре», «не классифицируемые» различия могут указывать с одной стороны на меньшую заинтересованность, большую формализованность участия в исследовании подростков из ЭГ-2. С другой стороны, это может быть показателем более общих тенденций, характерных для подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию: сниженной готовностью соответствовать социальным нормам и требованиям и слабо структурированным представлением о себе.

Еще одним важным оценочным критерием методики ММИ Ж. Нюттена является определение временных характеристиках мотивационной индукции, временной организации жизни. Мотивация и, более широко, интенциональность, действительно тесно связана с временной перспективой будущего и вообще с отношением к временной перспективе жизни [124]. Временная перспектива может быть рассмотрена как фундаментальная единица измерения времени в его психологическом выражении. Временная перспектива основывается на когнитивных процессах, распределяющих

человеческий опыт на временные отрезки прошлого, настоящего и будущего [54, с.16]. Поэтому выявление временных особенностей мотивационной сферы у подростков с разной выраженностью сопротивляемости асоциальному влиянию дает возможность более полно оценить психологические характеристики подростков в их взаимосвязи с сопротивляемостью асоциальному влиянию.

На основании метода Ж. Нюттена каждому мотивационному объекту в соответствии с ключом был приписан «темпоральный» знак (обозначающий отнесенность данного мотивационного объекта к определенному временному периоду) [95]. Всего было выделено шесть временных периодов: «Прошлое», «Настоящее», «Ближайшее будущее», «Открытое настоящее» (мотивационные объекты, относящиеся к временному периоду «сегодня и ежедневно»), «Отдаленное будущее», «Историческое будущее» (мотивационные объекты такого рода наполняют временную перспективу не собственной жизни испытуемых, а жизнь всех людей, человечества).

В таблице 3.19 приведены средние групповые значения по расстановке мотивационных объектов во временной перспективе у представителей двух экспериментальных групп.

В группе ЭГ-1 выявлены наибольшие баллы по временным отрезкам «Ближайшее будущее» (8,48) и «Открытое настоящее» (9,79). Также высокие баллы набраны для временных отрезков «Настоящее» (7,85) и «Отдаленное будущее» (7,13).

Таблица 3.19 – Сводные результаты по временным характеристикам мотивационных конструкторов

Группа		Временной период					
		Прошлое	Настоящее	Ближайшее будущее	Открытое настоящее	Отдаленное будущее	Историческое будущее
ЭГ-1	М	0,07	7,85	8,48	9,79	7,13	5,97
	±σ	0,382	0,184	0,18	0,235	0,316	0,286
ЭГ-2	М	0,23	10,60	9,13	4,18	2,86	0,69
	±σ	0,302	0,152	0,188	0,311	0,294	0,407
t		ρ<0,05	-	-	ρ<0,05	ρ<0,05	ρ<0,01

Наименьшие показатели для данной группы получены по временным отрезкам «Прошлое» (0,07), «Отдаленное будущее» (7,13) и «Историческое будущее» (5,97).

В группе ЭГ-2 картина несколько иная: наибольшие балы получены по временным отрезкам «Настоящее» (10,6) и «Ближайшее будущее» (9,13), наименьшие по параметрам «Прошлое» (0,23), «Отдаленное будущее» (2,86) и «Историческое будущее» (1,09).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в ЭГ-1 большая концентрация мотивационных объектов во временных периодах, относящихся к будущему, а в ЭГ-2 – к настоящему. Это указывает на более длительную перспективу будущего в ЭГ-1 в сравнении с ЭГ-2. Ряд авторов (Б.С.Украинцев, В.Э.Чудновский и др.) указывают на то, что ориентация на будущее, на отдаленные цели может свидетельствовать об устойчивости/сопротивляемости личности. Кроме того, в ЭГ-1 насыщенность мотивационными объектами в принципе выше (наглядно это представлено на рис.12).

Ещё более информативным оказывается сравнительный анализ по отдельным временным отрезкам и их наполненности мотивационными объектами. По параметру «Прошлое» и в ЭГ-1, и в ЭГ-2 показатели довольно низкие (0,07 и 0,23 соответственно) – это самые низкие показатели среди всех временных периодов. Это выглядит закономерной тенденцией, так временной

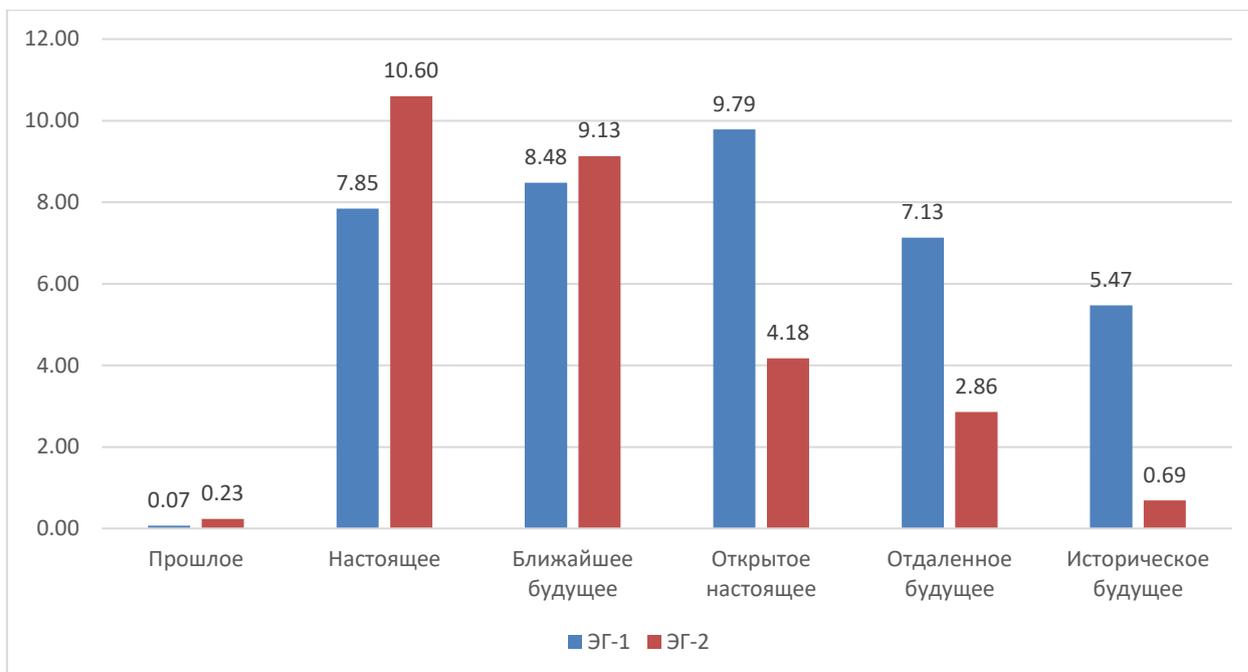

Рис.12. Сравнительные результаты по концентрации мотивационных объектов в различных временных периодах в двух экспериментальных группах

период прошлого по данным самого Ж.Ньютона обычно имеет крайне слабую концентрацию мотивационных объектов [95, с. 425]. Кроме того, сам подростковый возраст по своему психологическому содержанию характеризуется скорее обращенностью в будущее, чем фиксацией на прошлом. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на малые значения, показатель насыщенности мотивационными объектами данного временного периода в ЭГ-2 более чем в три раза выше в сравнении с аналогичными показателями в ЭГ-1 ($p < 0,05$).

Таким образом, можно говорить о некоторой избыточной фиксации на прошлом, характерной для подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию. Подобная фиксация на прошлом часто характеризуется повышенной тревожностью, выраженным чувством вины, неуверенностью. А причины могут лежать как в конкретных жизненных ситуациях психотравмирующего характера, так и в особенностях личности испытуемых [105].

Для временных периодов «Настоящее» и «Ближайшее будущее» значимых статистических различий для двух экспериментальных групп не получено. В обеих группах баллы, полученные для данных временных периодов, достаточно высоки. В целом в ЭГ-2 эти временные периоды более насыщены мотивационными объектами (для данной группы эти показатели являются ведущими).

На 5-процентном уровне достоверности получены различия и для временного отрезка «Открытое будущее». В группе ЭГ-1 насыщенность мотивационными объектами данного отрезка времени значимо выше (9,79 против 4,18 в ЭГ-2). Указанный временной период характерен для мотивационных объектов, локализованных в условном временном периоде «сейчас и ежедневно». Большая насыщенность этого периода характеризует подростков из группы ЭГ-1 как более интегрированных в мотивационно-временном плане, имеющих плавную, а не дискретную внутреннюю картину времени, естественно перетекающего из настоящего в будущее.

Также указанные различия коррелируют с особенностями содержательной стороны мотивационных объектов. Временной период «Открытое будущее» больше всего связан с развитием личности, приобретением навыков (шкалы SR–самореализация, R–созидательная активность), с тем, что человек может «получить» сейчас и иметь или использовать всегда (например: «...научиться играть на гитаре», «...быстрее пробегать стометровку», «...свободно говорить на английском»). Именно по этим шкалам подростки с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию показали более высокие результаты. Для подростков из ЭГ-2 более выраженными были шкалы Р – обладание и L–отдых. Мотивационные объекты, соответствующие данным шкалам, чаще всего имеют привязку к временным периодам «Ближайшее будущее» и «Настоящее» (например: «...съездить летом на Иссык-Куль», «...посмотреть «Хоббита» в кинотеатре», «...чтобы подарили на день рождения айфон» и т.д.).

По параметру «Отдаленное будущее» между экспериментальными группами обнаружены отличия на 5-процентном уровне достоверности. В ЭГ-1 средний балл для данного временного периода составил 7,13, для ЭГ-2 – 2,86. Полученный результат показывает, что подростки с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию имеют более значительную временную перспективу, они имеют более далеко идущие планы, способны «видеть» направления развития и стратегические цели. Значительная временная перспектива косвенным образом оказывает влияние и на самосознание, самооценку, а также на характеристики уверенности подростков.

Наиболее значимые расхождения между ЭГ-1 и ЭГ-2 ($p < 0,01$) выявлены по параметру, касающегося временного периода «Историческое будущее». Данный временной период касается в первую очередь не собственной жизни испытуемых, а жизнь всех людей, человечества. В ЭГ-1 наполненность данного временного периода мотивационными объектами довольна высокая – 5,47 (против 0,69 в ЭГ-2). Кроме того, показатель дисперсии выборки в ЭГ-2 достаточно высокий, что говорит о неоднородности исследуемой совокупности. Иными словами, можно говорить о том, что только небольшое количество подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию размещают мотивационные объекты в область исторического будущего. Также обозначенная тенденция демонстрирует большую ориентацию подростков из ЭГ-2 на персональные и микро социальные нормы, правила, интересы, а общечеловеческий аспект мало представлен в процессе формирования мотивационных объектов. Это в свою очередь может быть напрямую связано с подверженностью влиянию со стороны асоциальных подростковых групп.

Итак, выявленные результаты по методике ММИ позволяют характеризовать мотивационно-ценностную сферу подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию как более интегрированную и персонально (лично) ориентированную. Для подростков ЭГ-1 более

характерны целевые объекты, связанные с личностными характеристиками, самореализацией, созидательной активностью. При этом в мотивационно-ценностной сфере подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию доминируют целевые объекты, связанные с обладанием, отдыхом, контактами с другими людьми.

Анализ временных характеристик показывает мотивационно-ценностную сферу подростков с развитой сопротивляемостью как более интегрированную, имеющую целостную временную картину, с выраженной ориентацией на будущее. Значимым отличием подростков ЭГ-1 является также тенденция расширенной внутренней временной картины за счет значимой представленности мотивационных объектов, включающих в себя не только персональные значения, но относящиеся к человечеству в целом.

3.3.3 Регуляторно- поведенческий блок характеристик подростков

Методика определения индивидуальных копинг-стратегий

Э.Хайма

Взаимодействуя со средой, человек встречается с различными сложными ситуациями, требующими преодоления их, совладания с ними, под которым понимают активные и преимущественно сознательные усилия личности, направленные на овладение трудной ситуацией. Стиль реагирования, специфика способов поведения в таких ситуациях обозначается термином «coping» (справляться с чем-либо) (С.А.Баскакова, Р.М. Грановская, Б.Д. Карвасарский; Т.Л.Крюкова, Е.В.Куфтяк, И.М. Никольская, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский и др.). С целью выявления характерных признаков такого стиля реагирования у представителей двух экспериментальных групп применялся опросник Э. Хайма.

Методика диагностики совладающего поведения Э. Хайма (E. Heim) представляет собой скрининговую методику, направленную на

исследование 26 ситуационно-специфических вариантов копинга. Методика адаптирована в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, под руководством Л.И. Вассермана [90, с. 23–29]. Благодаря данной методике стало возможным выявление предпочитаемых респондентами стратегий, которые разделяются по:

- модальностям: когнитивная, поведенческая и эмоциональная;
- продуктивности (адаптивности): продуктивная, относительно продуктивная, непродуктивная;
- интенсивности усилий: активная, пассивная;
- характеру организации усилий: совладающий.

Испытуемому предлагается 26 утверждений, разделенных согласно трем видам психической деятельности: 10 утверждений, характеризуют когнитивное пространство испытуемого, связанного с определенным стилем реагирования на трудность; по 8 утверждений приходится на эмоциональную и поведенческую сферы, характеризующие определенные копинг-стратегии.

Диагностика с опорой на методику Э. Хайма дала возможность определить характеристику ведущей копинг-стратегии

В целом полученные по методике данные по отдельным видам и параметрам продуктивности копинг-стратегий представлены в таблице 3.20.

Среди когнитивных копинг-стратегий в группе ЭГ-1 наибольшее количество выборов пришлось на продуктивные и относительно продуктивные стратегии копинга: «Проблемный анализ» и «Относительность» (22,3% и 17,0% соответственно). Наименее выраженными оказались стратегии «Диссимуляция» и «Религиозность» (3,6% и 1,8% соответственно). В группе ЭГ-2 ведущими стратегиями стали «Игнорирование» и стратегия «Сохранение самообладания» (18,5 % и 17,6 %

Таблица 3.20 – Данные по отдельным видам и параметрам продуктивности копинг-стратегий в двух экспериментальных группах

Копинг-стратегии	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		p
	М	%	М	%	
А. Когнитивные копинг-стратегии					
1. Игнорирование (Н)	0,09	8,9%	0,19	18,5%	p<0,05
2. Смирение (Н)	0,06	6,3%	0,08	8,3%	
3. Диссимуляция (Н)	0,04	3,6%	0,10	10,2%	p<0,01
4. Сохранение самообладания (П)	0,15	15,2%	0,18	17,6%	
5. Проблемный анализ (П)	0,22	22,3%	0,14	13,9%	p<0,05
6. Относительность (О)	0,17	17,0%	0,15	14,8%	
7. Религиозность (О)	0,02	1,8%	0,05	4,6%	
8. Растерянность (Н)	0,04	4,5%	0,02	1,9%	
9. Придача смысла (О)	0,07	7,1%	0,04	3,7%	
10. Установка собственной ценности (П)	0,13	13,4%	0,06	6,5%	p<0,05
Б. Эмоциональные копинг-стратегии					
1. Протест (П)	0,19	18,8%	0,17	16,7%	
2. Эмоциональная разрядка (О)	0,14	14,3%	0,09	9,3%	
3. Подавление эмоций (Н)	0,16	16,1%	0,20	20,4%	
4. Оптимизм (П)	0,21	20,5%	0,15	14,8%	
5. Пассивная кооперация (О)	0,13	12,5%	0,14	13,9%	
6. Покорность (Н)	0,04	3,6%	0,08	8,3%	p<0,05
7. Самообвинение (Н)	0,09	8,9%	0,05	4,6%	
8. Агрессивность (Н)	0,05	5,4%	0,12	12,0%	p<0,05
В. Поведенческие копинг-стратегии					
1. Отвлечение (О)	0,21	21,4%	0,11	11,1%	p<0,05
2. Альтруизм (П)	0,06	6,3%	0,00	0,0%	p<0,05
3. Активное избегание (Н)	0,07	7,1%	0,23	23,1%	p<0,01
4. Компенсация (О)	0,04	4,5%	0,06	6,5%	
5. Конструктивная активность (О)	0,14	14,3%	0,14	13,9%	
6. Отступление (Н)	0,13	12,5%	0,19	19,4%	
7. Сотрудничество (П)	0,15	15,2%	0,12	12,0%	
8. Обращение (П)	0,19	18,8%	0,14	13,9%	

соответственно). Примечательно, что одна из этих стратегий является продуктивной, а другая – непродуктивной. Наименьшую представленность у подростков с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию получили когнитивные копинг-стратегии «Растерянность» и «Придача смысла» (1,9% и 3,7% соответственно).

Кроме того, сопоставление данных результатов выявил статистически значимые различия между ЭГ-1 и ЭГ-2 по отдельным видам когнитивных копинг-стратегий. Так, подростки из ЭГ-2 значимо чаще прибегают к стратегиям «Диссимуляция» ($p < 0,01$) и «Игнорирование» ($p < 0,05$) и значительно реже в сравнении с подростками из ЭГ-1 используют стратегии «Проблемный анализ» ($p < 0,05$) и «Установка собственной ценности» ($p < 0,05$) (см. рис. 13).

Таким образом когнитивные стратегии совладающего поведения подростков со слабо выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию имеют тенденцию к сознательному отрицанию и игнорированию проблемной информации и дефицит форм поведения, нет анализа проблемы и нахождения путей выхода из нее.

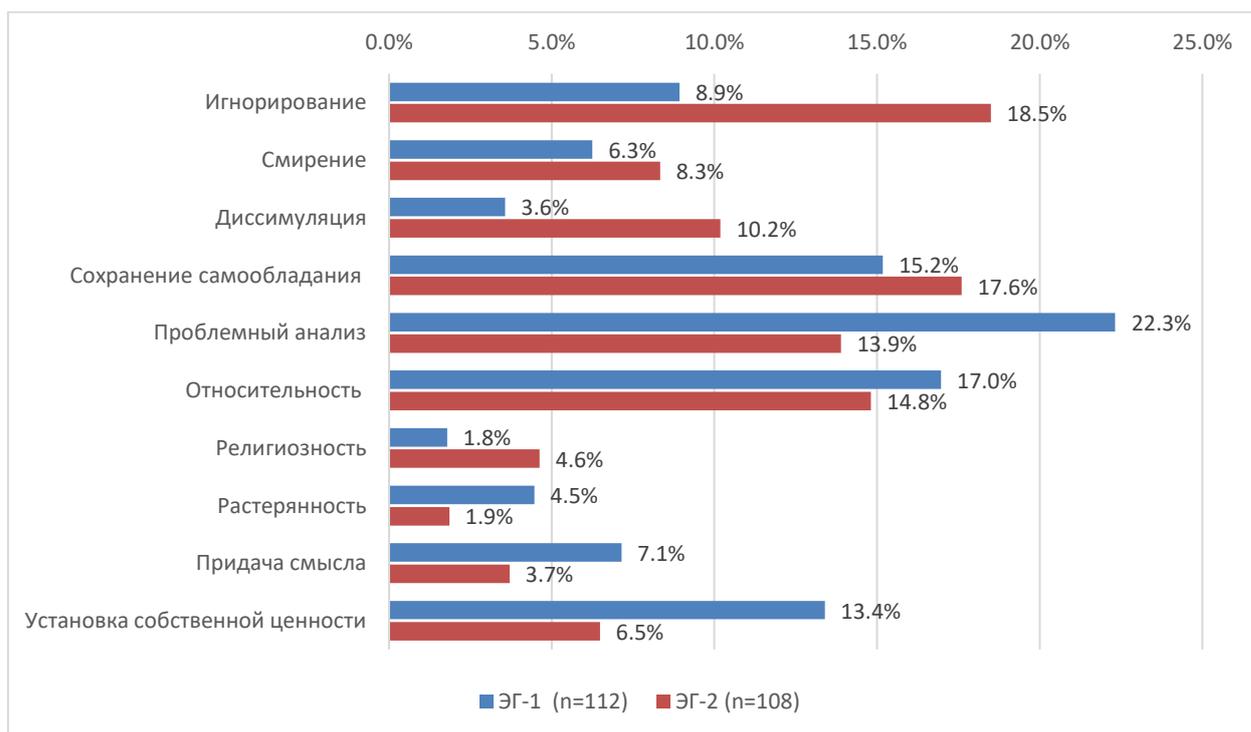

Рис.13. Сравнительные результаты по представленности различных когнитивных копинг-стратегий в двух экспериментальных группах

Среди эмоциональных копинг-стратегий в группе ЭГ-1 наибольшее количество выборов пришлось на продуктивные стратегии совладания: «Оптимизм» и «Протест» (20,5% и 18,8% соответственно) (см. рис.14.

Наименее выраженными оказались две непродуктивные стратегии «Покорность» и «Агрессивность» (3,6% и 5,4% соответственно). В группе ЭГ-2 одной из ведущих стратегий также стала стратегия «Протест» (16,7%), еще более выражена непродуктивная стратегия «Подавление эмоций» (20,4%). Меньше всего представлены в группе ЭГ-2 эмоциональные копинг-стратегии «Покорность» и «Самообвинение» (8,3% и 4,6% соответственно).

Сравнительный анализ показал в целом большую схожесть результатов по типам эмоциональных копинг-стратегий в двух экспериментальных группах. Так, например, в обеих группах стратегия «Протест» является одной из наиболее часто используемых. Однако по отдельным видам эмоциональных копинг-стратегий получены статистически значимые различия между ЭГ-1 и ЭГ-2. Так подростки из ЭГ-2 значимо чаще прибегают к стратегиям «Покорность» ($p < 0,05$) и «Агрессивность» ($p < 0,05$). Обе указанные стратегии являются непродуктивными, хотя содержательно они очень разные, даже противоположные. Стратегия «Агрессивность» при этом все-таки несколько более выражена, чем стратегия «Покорность» (12,0% и 8,3% соответственно). В целом эмоциональные стратегии совладающего поведения подростков из ЭГ-2 связаны в первую очередь с подавлением эмоций, что в свою очередь закономерно может приводить как к «покорности», так и к агрессивным и протестным реакциям.

Среди поведенческих копинг-стратегий в группе ЭГ-1 наибольшее количество выборов пришлось на продуктивные и относительно продуктивные стратегии совладания: «Отвлечение» и «Обращение» (21,4% и 18,8% соответственно) (см. рис. 15). Наименее выраженными оказались «Альтруизм» и «Компенсация» (6,3% и 4,5% соответственно). В группе ЭГ-2 обе ведущие стратегии оказались непродуктивными – это «Активное избегание» (23,1%) и «Отступление» (19,4%). Меньше всего представлены в группе ЭГ-2 те же копинг-стратегии, что и в ЭГ-1: «Альтруизм» и «Компенсация» (0% и 6,5% соответственно).

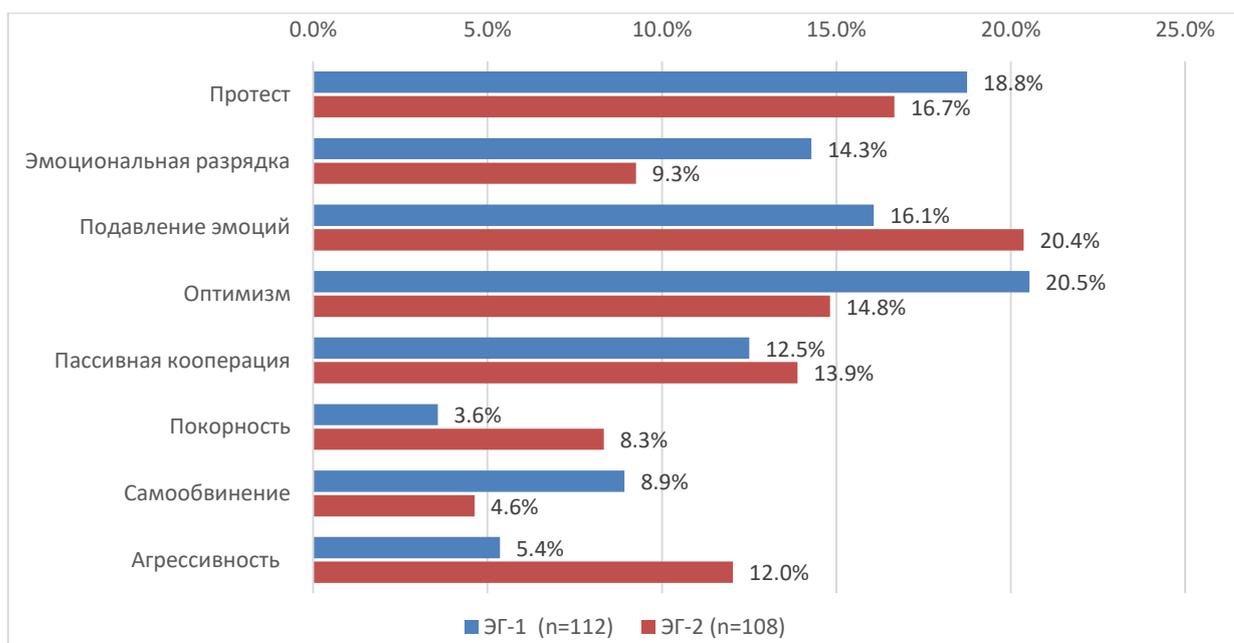

Рис. 14. Сравнительные результаты по представленности различных эмоциональных копинг-стратегий в двух экспериментальных группах

Несмотря на некоторую схожесть результатов двух экспериментальных групп по параметрам поведенческих копинг-стратегий, при проведении сравнительного анализа были обнаружены значимые различия по трем стратегиям копинга. В первую очередь стоит отметить различия на 1-процентном уровне значимости, обнаруженные по стратегии «Активное избегание». Подростки из ЭГ-2 заметно чаще прибегают к данной стратегии в сравнении с подростками из ЭГ-1 (23,1% против 7,1% соответственно). Подростки же с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию значимо чаще ($p < 0,05$) используют относительно продуктивную стратегию «Отвлечение» (21,4% против 11,1% соответственно) и продуктивную стратегию «Альтруизм» (6,3% против 0,0% соответственно).

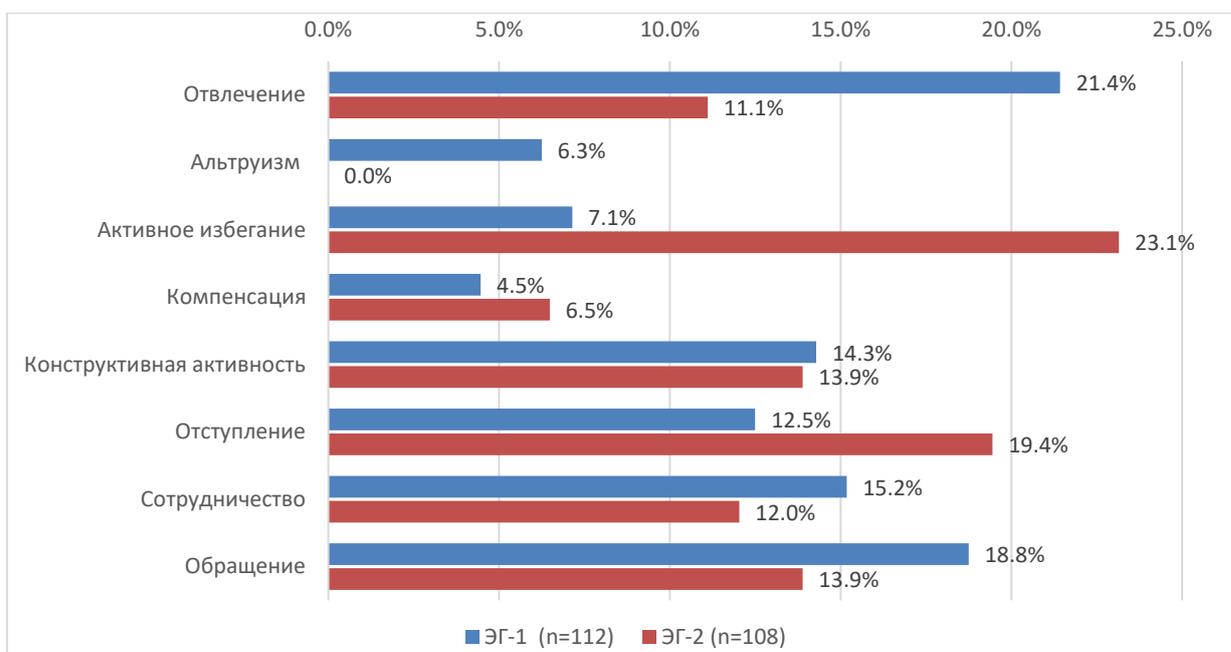

Рис. 15. Сравнительные результаты по представленности различных поведенческих копинг-стратегий в двух экспериментальных группах

Далее был проведен частотный анализ в разрезе продуктивности различных типов стратегий совладания в двух экспериментальных группах. В целом накопленные по отдельным видам и параметрам продуктивности копинг-стратегий частоты представлены в таблице 3.21.

Таблица 3.21 – Накопленные по отдельным видам и параметрам продуктивности копинг-стратегий частоты в двух экспериментальных группах

Группы	Копинг-стратегии								
	Когнитивные			Эмоциональные			Поведенческие		
	П	О	Н	П	О	Н	П	О	Н
ЭГ-1 (n=112)	50,9%	25,9%	23,2%	39,3%	26,8%	33,9%	40,2%	40,2%	19,6%
ЭГ-2 (n=108)	38,0%	23,1%	38,9%	31,5%	23,1%	45,4%	25,9%	31,5%	42,6%
ρ			$\rho < 0,05$				$\rho < 0,05$		$\rho < 0,05$

Достоверные различия получены по показателям когнитивных копинг-стратегий. Здесь различия на 5-процентном уровне получены по параметрам непродуктивных стратегий. По параметрам эмоциональных копинг-стратегий достоверных различий между ЭГ-1 и ЭГ-2 не установлено. Наиболее

выраженные различия получены поведенческим копинг-стратегиям: по параметрам продуктивных и непродуктивных стратегий ($p < 0,05$).

По результатам проведенного анализа показателей средних значений по параметрам продуктивности-непродуктивности (см. рис. 16), может быть сделан вывод о наличии некоторого превышения в ЭГ-1 в сравнении с ЭГ-2 значений продуктивных и относительно продуктивных копинг-стратегий (43,5 против 31,8 в ЭГ-2 и 31,0 против 25,9 в ЭГ-2 соответственно). Рассматривая показатели непродуктивных копинг-стратегий, обнаруживается обратная картина: результаты испытуемых с низкой сопротивляемостью по данному параметру значительно превышают аналогичные показатели представителей первой экспериментальной группы (42,3 и 25,6 соответственно).

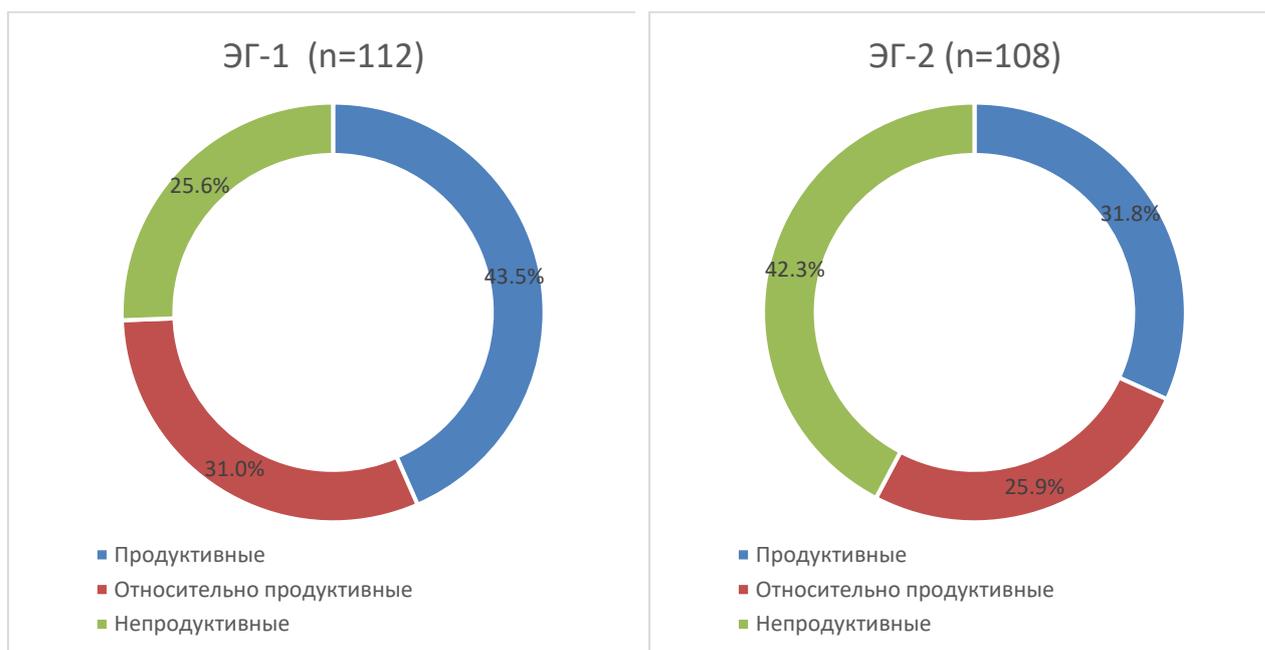

Рис. 16. Средние показатели по параметрам продуктивности-непродуктивности копинг-стратегий в двух экспериментальных группах

Данные показатели говорят о наличии тенденции, характеризующей группу подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию. Данная тенденция заключается в более частом использовании

продуктивные копинг-стратегии, в сравнении с представителями группы с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию. Указанный факт показывает особенности системы совладающего поведения подростков с выраженной сопротивляемостью и характеризует ее как более эффективную.

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в области поведенческих копингов, здесь «непродуктивность» системы совладающего поведения подростков из ЭГ-2 выражена больше. Для данных подростков характерно совладающее поведение, предполагающее избегание мыслей о проблемах, эскапизм, пассивность, уединение.

Анализ на качественном уровне копинг-стратегий, характерных для подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию, выявил тенденцию выбора (в 38,1% случаев) типов поведения, связанного с уходом от решения проблемы, с принятием реальных характеристик ситуации и поведения.

Показательным является то, что данная тенденция и при выборе непродуктивных, и среди относительно продуктивных стратегий. При этом в первой экспериментальной группе тенденция выбора копингов, связанных с уходом от проблем, выражена значительно слабее (24,5%).

Характерной для подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию является тенденция выбора копинг-стратегий, использующих ресурсы самосознания, которые повышает положительное отношение к себе.

Данная тенденция отмечена в 36,8% случаев. У подростков со слабой сопротивляемостью эта тенденция выражена слабее: 25,4%.

Полученные данные подтверждаются рассмотренными в первой главе теоретическими положениями и результатами полученными при помощи других методик, показывающими наличие у подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию склонности к избеганию ответственности, вытеснению проблемных элементов самосознания, приоритету внешнего над внутренним в процессе саморегуляции поведения.

Результаты методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой

Стилевые особенности саморегуляции – это такие особенности психической регуляции, которые постоянно обнаруживаются в поведении и практической деятельности при достижении целей и оценки результатов. Эти особенности дают человеку возможность корректировать свою активность в процессе достижения необходимых результатов.

Система саморегуляции включает пять регуляторных процессов, взаимосвязанных между собой: планирование, программирование, моделирование, оценивание результатов и их коррекция, которые имеют сложную структуру и могут функционировать как последовательно, так и параллельно.

Саморегуляция осуществляется как единый процесс и включает не только операциональные свойства, но еще и личностные качества как ответственность, критичность, самостоятельность, инициативность, уверенность. Однако сама методика кроме регуляторных процессов включает только два основных личностных качества: гибкость и самостоятельность.

Функциональная структура регуляции для самых разных видов психической активности и деятельности носит универсальный характер[89].

Полученные по методике ССПМ данные представлены в таблице 3.22.

Таблица 3.22 – Уровни сформированности регуляторных процессов по методике ССПМ в двух экспериментальных группах

Регуляторная шкала	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)	
	М	Уровень	М	Уровень
Планирование	7,15	Высокий	5,17	Средний
Моделирование	5,35	Средний	3,56	Низкий
Программирование	5,92	Средний	3,97	Низкий
Оценивание результатов	7,08	Высокий	4,34	Средний
Гибкость	5,15	Средний	2,71	Низкий
Самостоятельность	6,22	Средний	5,11	Средний
Общий уровень саморегуляции	30,63	Средний	24,13	Средний

Как видно из таблицы 3.22, и в ЭГ-1, и в ЭГ-2 свойства в большинстве своем имеют средний уровень выраженности.

Также средний уровень имеет «Общий уровень саморегуляции» в обеих экспериментальных группах. Однако в группе подростков с высокой сопротивляемостью асоциальному поведению такие регуляторные процессы, как «Планирование» (7,15) и «Оценка результатов» (7,08) находятся на высоком уровне сформированности. Также для данной группы ни по одной из шкал не получено средних по группе значений, говорящих о низком уровне сформированности регуляторного процесса. В группе подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию ситуация несколько иная. Согласно полученным для данной группы данным, такие регуляторные процессы, как «Моделирование» (3,56), «Программирование» (3,97) и «Гибкость» (2,71) находятся на низком уровне сформированности. Также для данной группы ни по одной из шкал не получено средних значений, говорящих о высоком уровне сформированности регуляторного процесса.

В ходе анализа были выявлены основные регуляторные особенности подростков с разным уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию. Сравнительные данные сформированности регуляторных процессов по методике ССПМ в двух экспериментальных группах представлены в таблице 3.23.

Таблица 3.23 – Сравнительные данные сформированности регуляторных процессов по методике ССПМ в двух экспериментальных группах

Регуляторная шкала	ЭГ-1 (n=112)		ЭГ-2 (n=108)		p
	М	± σ	М	± σ	
Планирование	7,15	0,251	5,17	0,277	p<0,05
Моделирование	5,35	0,155	3,56	0,152	p>0,05
Программирование	5,92	0,297	3,97	0,417	p>0,05
Оценивание результатов	7,08	0,276	4,34	0,181	p>0,05
Гибкость	5,15	0,190	2,71	0,320	p<0,05
Самостоятельность	6,22	0,304	5,11	0,129	p>0,05
Общий уровень саморегуляции	30,63	0,193	24,13	0,386	p<0,05

Достоверные различия для двух экспериментальных групп получены по регуляторным шкалам «Общий уровень саморегуляции» ($p<0,05$), «Планирование» ($p<0,05$) и «Гибкость» ($p<0,05$).

«Общий уровень саморегуляции» выступает как интегральная характеристика индивидуальной саморегуляции и свидетельствует об уровне сформированности как произвольной активности человека. Для испытуемых из ЭГ-1 с более высокими показателями по данной шкале типична осознанность и единство регуляторных процессов в общей структуре индивидуальной регуляции. Такие подростки демонстрируют большую самостоятельность и гибкость, они берут ответственность на себя и за себя и осознано продумывают свои цели.

По мере взросления и увеличения общего уровня осознанной саморегуляции, подросток легче может овладевать новыми видами активности, чувствовать себя увереннее в различных ситуациях, в том числе и незнакомых.

Это ведет к успехам в привычных видах деятельности, в учебной деятельности, к положительному отношению с социальным окружением, и расширяет круг тех способностей, которыми он может овладеть.

У подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию, для которых характерны сниженные показатели по данной шкале, потребность в планировании и программировании своего поведения сформирована слабо или не сформирована вовсе. Такие подростки более ситуативны и зависимы от мнения окружающих людей. Для них характерна снижение возможности компенсировать личностные особенности неблагоприятные для достижения поставленной цели, что приводит к высокому уровню стрессовой нагрузки и дополнительно усиливает средовую и ситуационную зависимость. Такие показатели могут быть препятствием для высоких достижений в разных видах деятельности.

При высоких показателях по шкале «Планирование» у подростков из ЭГ-1 цели деятельности выдвигаются самостоятельно, адекватны внешним и внутренним условиям. Их планы содержат систему ближних и дальних целей. У них активизирована потребность в осознанном планировании как учебно-познавательной деятельности, так и деятельности вообще. Планирование собственных жизненных перспектив развито.

У представителей ЭГ-2 с низкими показателями по этой шкале потребность в планировании практически не развита или развита слабо, цели подвержены частой смене, они как правило ситуативны, поставленная цель редко бывает достигнута, планирование мало связано с реальностью. Все это повышает стрессовую нагрузку и приводит к увеличенной потребности в использовании копинг-механизмов. Такие подростки предпочитают не задумываться о своем будущем (что подтверждается данными методики Ж.Ньюттена), цели, которые ими выдвигаются обычно ситуативны, а сам процесс выдвижения целей несамостоятельный. Подростки таким образом демонстрируют обозначенную в теоретическом исследовании и обнаруженную по результатам эмпирического исследования, повышенную зависимость от внешних факторов.

Шкала «Гибкость» имеет параметры регуляторной гибкости, которые помогают перестраивать систему саморегуляции в зависимости от изменения внешних и внутренних условий.

Подростки ЭГ-1 с высокими показателями по шкале гибкости имеют высокую пластичность всех регуляторных процессов, проявляющуюся в легкости переключения с одного вида деятельности на другой. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств легко переходят от одних действий к другим, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий. Если возникает рассогласование полученных в результате деятельности результатов с выбранной целью подростки с высокими показателями по шкале гибкости способны своевременно оценить сам факт рассогласования, а также внести необходимую коррекцию. Гибкость регуляторных процессов позволяет подросткам адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленные задачи в ситуации риска. Сфера их интересов широка и разнообразна

Подростки ЭГ-2, обладая более низкими показателями по шкале «Гибкость», находясь в динамичной, быстро меняющейся обстановке чувствуют себя скорее неуверенно. Они испытывают трудности в адаптации к переменам в жизни, смене обстановки и образа жизни. Группа подростков ЭГ-2 плохо реагируют на смену ситуации, не умеют четко планировать свою деятельность, есть проблемы с выделением значимых условий, в поведении не вносятся значимые изменения.

В результате у таких подростков с большой долей вероятности могут возникать сбои в регуляторных процессах и, как следствие, неудачи в выполнении деятельности.

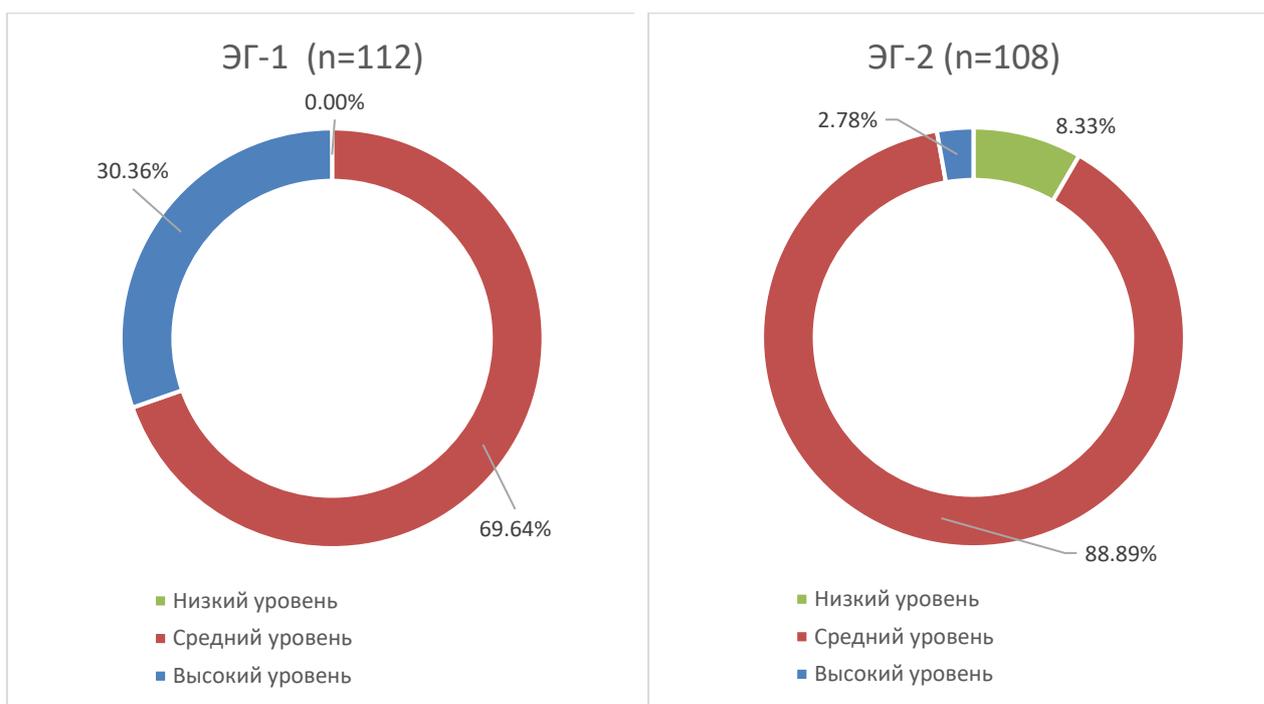

Рис.17. Частотные показатели по уровням сформированности регуляторных процессов в двух экспериментальных группах

Частотный анализ выборки позволяет оценить какой процент испытуемых в каждой экспериментальной группе показал тот или иной уровень развития регуляторных процессов (см.рис. 17).

У подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию преобладающим является средний уровень «общей саморегуляции», а также высокий уровень сформированности таких регуляторных шкал, как «Планирование» и «Оценивание результатов». Высокий уровень развития регуляторно-личностных качеств также значительно представлен в данной группе (30,36%). У подростков из ЭГ-2 также преобладающим (88,89%) является средний уровень сформированности общей саморегуляции. Однако, высокий уровень развития практически не представлен (2,78%), но имеет место низкий уровень развития саморегуляции (8,33%), что отсутствует в группе ЭГ-1.

Проведенное сравнительно-экспериментальное исследование психологических характеристик подростков, демонстрирующих различную степень сопротивляемости асоциальному влиянию позволяет сделать некоторые **выводы**.

1. Самосознание подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию является менее интегрированным и структурированным, включает в себя больше противоречивых, амбивалентных характеристик, обладает выраженными механизмами вытеснения, повышенной внутренней конфликтностью.

а. Подростки с выраженной тенденцией к сопротивляемости асоциальному влиянию демонстрируют высокую и адекватно высокую самооценку. А подростки подверженные асоциальному влиянию имеют уровень самооценки низкий и показываю разнонаправленность и несогласованности оценочных векторов, что говорит о незрелости процессов самосознания в целом.

б. Образ Я испытуемых с высоким показателем «сопротивляемости» может быть охарактеризован как более глубокий, полный и непротиворечивый. Подростки из ЭГ-2, напротив, обладают слабо структурированным образом Я, с преобладанием поверхностных, формальных характеристик и с выраженной зависимостью от внешних, ситуативных факторов.

в. Для подростков с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию характерна тенденция к повышенному и нереалистично высокому уровню притязаний, что с одной стороны показывает слабость процессов самопонимания и самооценки, а с другой указывает на наличие искажений в мотивационно-ценностной сфере.

г. Превалирование «внешнего» над «внутренним» в сфере самосознания подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию приводит к формированию общей экстернальной ориентации, а

также к преобладанию экстернального локуса контроля в отдельных сферах деятельности – сфере неудач, межличностных и семейных взаимоотношений.

2. Подростки с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию обладают в целом более интегрированной и гармоничной мотивационно-ценностной сферой, а ее содержание больше связано с мотивационными объектами сбалансированно представляющими персональные (индивидуальные) и глобальные (общественные) ценности.

а. Для подростков с высоким уровнем сопротивляемости более характерно гармоничное совмещение «ценности» и «доступности», связанное с умеренным, «нейтральным» характером рассогласованности мотивационно-личностной сферы (НЗ). Подростки с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию, напротив, демонстрируют тенденцию к расхождению «ценности» и «доступности», достигающему состояний «внутренних конфликтов» и «внутренних вакуумов».

б. Для подростков ЭГ-1 более характерны целевые объекты, связанные с личностными характеристиками, самореализацией, созидательной активностью. При этом в мотивационно-ценностной сфере подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию доминируют целевые объекты, связанные с обладанием, отдыхом, контактами с другими людьми.

в. Мотивационная сфера подростков с высоким уровнем сопротивляемости имеет целостную временную картину, с выраженной ориентацией на будущее. Значимым отличием подростков ЭГ-1 является также тенденция расширенной внутренней временной картины за счет мотивационных объектов, включающих в себя не только персональные значения, но относящиеся к человечеству в целом.

3. Регуляторно-поведенческая сфера «сопротивляющихся» подростков характеризуется более высоким уровнем сформированности саморегуляции с выраженной опорой на собственные личностные ресурсы.

а. Система совладающего поведения подростков из ЭГ-1 является более эффективной, что выражается в более частом использовании продуктивных

копинг-стратегий в сравнении с подростками с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию.

б. Для подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию характерно (в 38,1% случаев) выбирать копинги в той или иной мере связанные с уходом от решения проблемы, избегание реальных характеристик ситуации и поведения .

в. Характерной для подростков с выраженной сопротивляемостью асоциальному влиянию является тенденция использования копинг-стратегий, основанных на ресурсах самосознания, своего Я и с положительным отношением к нему. Принятие собственной ценности, компенсация своих недостатков. В ЭГ-2 эта тенденция выражена значительно слабее.

г. Подростки с выраженной сопротивляемостью демонстрируют большую степень сформированности индивидуальной системы, осознанной саморегуляции, детально разрабатывают программу собственных действий, они адекватно реагируют на изменение условий, осознанно выдвигают свои цели и знают пути их достижения.

д. У подростков со слабой сопротивляемостью асоциальному влиянию потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения выражена слабо, они импульсивны, не могут самостоятельно продумывать программу своих действий, действуют путем проб и ошибок, у них снижена возможность приспосабливаться к неблагоприятным результатам поставленной цели, что приводит к высокому уровню стресса нагрузки и усиливает зависимость от группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сопротивляемости подростков асоциальным влияниям является проблемой не только научно-теоретической, но и практической психологии, поскольку резко увеличилась распространенность различных видов отклоняющегося поведения, деструктивно влияющих на социализацию подрастающего поколения. Это является одной из наиболее острых проблем современности, поэтому и потребность общества в формировании устойчивой личности, противостоящей негативным влияниям достаточно высока.

Теоретическое исследование понятия «сопротивляемость» показало, что оно неоднозначно трактуется в различных психологических исследованиях как в отечественной, так и зарубежной литературе: нет единого терминологического определения феномена, как нет и единой теории, раскрывающей структуру и механизмы сопротивляемости. Однако все сходятся на том, что данный феномен является сложным и многоаспектным, выступающий как целостное системное образование.

Сопротивляемость/устойчивость неблагоприятным воздействиям существуют в диалектической взаимосвязи и свойственны психике в целом, проявляются в детском возрасте, но сензитивным периодом для становления служит подростковый возраст.

Сопротивляемость рассматривается и как психический процесс, включающий последовательно осуществляемые действия, ведущие к реализации задачи, как подвижное равновесное состояние психики, которое сохраняется путем противодействия внешним и внутренним факторам и как совокупность ряда индивидуально-психических и социальных факторов, дающих субъекту возможность благополучно существовать под влиянием различных неблагоприятных факторов.

В ходе работы были получены теоретические положения, которые послужили основанием для раскрытия сопротивляемости/устойчивости. Дано определение сопротивляемости как интегральной характеристики личности,

выступающей в виде совокупности психических ресурсов, которые позволяют человеку не только эффективно совладать с трудностями, нежелательными воздействиями, но и дают возможность преобразовывать негативные факторы существования в позитивные, проявляющиеся в форме позитивного взаимодействия с окружающей действительностью, которое осуществляется, несмотря на препятствующие факторы.

В экспериментальном исследовании выделены из массива первичных данных те психологические характеристики, которые могут быть рассмотрены как детерминанты сопротивляемости асоциальному влиянию в подростковом возрасте. В качестве таких детерминант выступили, во-первых, отдельные аспекты самосознания подростков. Было выявлено, что подростки, оказывающие сопротивление асоциальным влияниям, имеют более позитивные характеристик особенностей самосознания: высокий и адекватный уровень самооценки и притязаний. Во-вторых, особенности мотивационно-ценностной сферы, проявляющиеся в уровне ее интегрированности и гармоничности, а ее содержание больше связано с мотивационными объектами сбалансированно представляющими персональные (индивидуальные) и глобальные (общественные) ценности, для них характерно гармоничное совмещение «ценности» и «доступности», связанное с умеренным, «нейтральным» характером рассогласованности мотивационно-личностной сферы.

Еще одной психологической детерминантой является регуляторно-поведенческая сфера «сопротивляющихся» подростков, она характеризуется более высокой степенью развития саморегуляции с выраженной опорой на собственные личностные ресурсы. Эти подростки своевременно используют свои ресурсы для достижение цели, делают они это более осознанно, и чаще используют продуктивные копинг-стратегий.

В целом проведенное диссертационное исследование подтвердило выдвинутые гипотезы и заявленное положение о том, что сопротивление/устойчивость является сложным феноменом, включающим

различные психологические детерминанты, воздействуя на которые можно повысить ресурс сопротивления подростков негативным воздействиям как физической, так и социальной реальности.

ВЫВОДЫ

1. Понятие «сопротивляемость» носит межпредметный характер, в качестве основной характеристики которого выступает способность «противостоять», «противодействовать», быть устойчивым, не поддаваться влиянию. Понятия сопротивление и устойчивость выступают в диалектическом единстве.

2. В текущий момент ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях не существует единой точки зрения на определение сопротивляемости, ее сущности и структуры. Рассмотрение сопротивляемости личности происходит с различных позиций, с опорой на различные подходы, где данный феномен выступает либо как самостоятельный, либо как следствие какого-либо другого психологического явления или свойства.

3. Сопротивляемость определяется в исследовании как интегральная характеристика личности, выступающая в виде совокупности психических ресурсов, которые позволяют человеку не только эффективно совладать с трудностями, нежелательными воздействиями, но и дают возможность преобразовывать негативные факторы существования в позитивные, проявляющиеся в форме позитивного взаимодействия с окружающей действительностью, которое осуществляется, несмотря на препятствующие факторы.

4. В подростковом возрасте формируются те особенности, качества личности, которые дадут подростку возможность тем или иным образом реагировать на социальные воздействия окружения, на трудности, стрессовые ситуации. Проблемы в развитии личности в подростковом возрасте, связаны с развитием самосознания и определяют влияние индивида к социальным воздействиям, что, с одной стороны, делает его уязвимым к влиянию вредоносных социальных факторов, с другой – дает возможность развить свой потенциал.

5. В качестве психологических детерминант выступают особенности самосознания, проявляющиеся у подростков с высоким уровнем сопротивляемости в адекватной и завышенной самооценке. Самосознание подростков с выраженной тенденцией к сопротивляемости асоциальному влиянию является более интегрированным и структурированным, они демонстрируют в целом более высокий уровень самооценки, их образ Я более глубокий, полный и непротиворечивый. Самосознание подростков, подверженных асоциальному влиянию, включает в себя больше противоречивых, амбивалентных характеристик, обладает выраженными механизмами вытеснения, повышенной внутренней конфликтностью, образ Я слабо структурирован с преобладанием поверхностных, формальных характеристик и с выраженной зависимостью от внешних, ситуативных факторов.

6. Для подростков с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию характерен интернальный локус контроля. Превалирование «внешнего» над «внутренним» в сфере самосознания подростков с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию приводит к формированию общей экстернальной ориентации, а также к преобладанию экстернального локуса контроля в отдельных сферах деятельности – сфере неудач, межличностных и семейных взаимоотношений.

7. Подростки с высоким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию обладают в целом более интегрированной и гармоничной мотивационно-ценностной сферой, а ее содержание больше связано с мотивационными объектами сбалансированно представляющими персональные (индивидуальные) и глобальные (общественные) ценности, для них характерно гармоничное совмещение «ценности» и «доступности», связанное с умеренным, «нейтральным» характером рассогласованности мотивационно-личностной сферы. Подростки с низким уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию, напротив, демонстрируют

тенденцию к расхождению «ценности» и «доступности», достигающему состояний «внутренних конфликтов» и «внутренних вакуумов».

8. Регуляторно-поведенческая сфера как психологическая детерминанта «сопротивляющихся» подростков характеризуется более высокими параметрами развития саморегуляции с выраженной опорой на собственные личностные ресурсы (самостоятельность, гибкость и др.), выдвижение и достижение цели у них в большей степени осознанно, эффективность сферы выражается в более частом использовании продуктивных копинг-стратегий в сравнении с подростками с низкой сопротивляемостью асоциальному влиянию.

Программа развития ресурсов сопротивляемости подростков асоциальным влияниям основана на теоретических положениях отечественных и зарубежных авторов:

Во-первых, необходимо поощрять в подростках преданность уже имеющимся убеждениям, если они отстаиваются в ситуации, где есть значимые другие. Отстаивание своей позиции сильно повышает сопротивляемость подростков.

Во-вторых, вербальные и поведенческие обязательства для личности должны быть связаны с личностными ценностями.

В-третьих, развивать познавательные способности, с помощью которых приобретается знание. С одной стороны, имея знания, легче выдвигать контраргументы, а с другой – знания дают возможность установке как ценностной диспозиции быть четкой и сильной.

В-четвертых, необходимо развивать способность оспаривать чужие доводы, использовать метод защиты с помощью прививки, заключающейся в том, что мнение подростка на примере подвергают слабой критике и подсказывают ему, как отразить эту критику, предложив контраргументы и поощряют обдумывание собственных аргументов.

В-пятых, предупреждать о готовящихся воздействиях на стиль жизни и установки человека. Способность сопротивляться можно развить до высокого уровня, когда у человека имеется мотивация, и он может генерировать собственную защиту от влияния ожидаемой коммуникации.

В-шестых, формировать позитивное отношение к будущему, направленность на отдаленные цели.

Кроме этого, для увеличения ресурсов сопротивления необходим процесс индивидуации, социальное признание, удовлетворенность в области социальных потребностей. От подростка требуется умения нести личную ответственность за свои действия в сложных неопределенных ситуациях, которые требуют проявления двух противоположных качеств – социальной лабильности, обеспечивающей адаптацию подростка к социальному миру, и развитой персональной идентичности, создающей внутренний «стержень», который служит опорой для процесса самоопределения и сопротивляемости.

Проведенное исследование позволило нам выявить **проблемы**, которые требуют более глубокого исследования, они и составляют перспективу дальнейшего научного поиска.

К числу этих перспектив-направлений, учитывая многоаспектность самого феномена, относятся:

1. Углубленная проработка концепции сопротивляемости, выявление ее механизмов.

2. Более тщательная и лонгитюдная экспериментально-эмпирическая проверка разработанного нами представления о содержании психологической сопротивляемости.

3. Разработка диагностической методики, ее стандартизация и апробация.

4. Широкая межведомственная апробация разработанного подхода и его дальнейшая концептуализация и развитие.

Список литературы

1. Авдеева Н.Н. Истоки потребности в общении: новые факты и перспективы [Текст] / Н.Н. Авдеева // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 56–64.
2. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии[Текст]/ Л.А. Александрова // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / под ред. М.М.Горбатовой, А.В.Серого, М.С.Яницкого. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – С. 82–90.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания[Текст] / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 338 с.
4. Ананьев Б.Г. Избр. психол. пр. [Текст] / Б.Г. Ананьев. В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1980. – 287 с.
5. Ананьева Т.В. Феномен самоопределения подростка в работах Л.И. Божович [Текст] / Т.В. Ананьева// Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 149–152.
6. Анастаси А. Психологическое тестирование [Текст] / А. Анастаси. В 2 т. Т. 1 /под ред. К.М. Гуревич. – М.: Педагогика, 1982. – 320 с.
7. Андреев И.В. Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию интернет-технологии[Текст] / И.В. Андреев: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 24 с.
8. Ануфриева О.В. Устойчивость личности к асоциальному влиянию [Текст] / О.В. Ануфриева // Вестник КРСУ. – 2010 – Т. 10. – № 11. –С. 112–115.
9. Ануфриева О.В. Принцип системности как методологическое основание исследования сопротивляемости подростков асоциальным

влияниям [Текст] / О.В. Ануфриева //Международный научный журнал «Символ науки». – Уфа, 2016 – №4. – Часть 4. – С. 151–153.

10. Ануфриева О.В.Взаимосвязи уровня сопротивляемости личности с уровнем субъективного контроля у подростков [Текст] /О.В. Ануфриева //Новая наука: современное состояние и пути развития: Международное научно периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2016. – Часть 4. –С. 33–36.

11. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы [Текст] / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.– 236 с.

12. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода [Текст] / Л.И. Анцыферова // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: тезисы междунард. науч.-практич. конф. – М., 1999. – С. 17–19.

13. Аршинова В.В. Психологическая устойчивость как фактор формирования антинаркотической установки у подростков [Текст] / В.В. Аршинова: автореф. дисс... канд. психол. наук. – М., 2008. – 24 с.

14. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа[Текст] / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.

15. Асмус В.Ф. Античная философия [Текст] / В.Ф. Асмус. 3-е изд. – М.: Изд-во Высшая школа, 2005. –406 с.

16. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании[Текст] / И.А. Баева. – СПб., 2002. – 271 с.

17. Бажин Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля [Текст] / Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 3. – С. 152–163.

18. Белинская Е.П. Этническая социализация подростка [Текст] / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко. – М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2000. – 208 с.

19. Блейхер В.М. Практическая патопсихология[Текст] / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. – 448 с.

20. Бодалев А.А. Воспитание и акме (к проблеме структурно-содержательной характеристики развития способности, возможности и действительности акме в онтогенезе) [Текст] / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2000. № 3. – С. 253–260.
21. Божович Л.И. Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования[Текст] / Л.И. Божович: материалы XVIII Междунар. психол. конгресс. Симпозиум № 35. – М., 1966. – С. 326–331.
22. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте[Текст] / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
23. Божович Л.И. Проблемы формирования личности[Текст] / Л.И. Божович / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Изд. «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 352 с.
24. Бортникова Л.Г. Динамика развития рефлексивности и обоснованности самооценки в зависимости от особенностей внутренней позиции школьника[Текст] /Л.Г. Бортникова: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2000. – 24 с.
25. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование [Текст] / А.В. Брушлинский. – М.: Мысль, 1979. –231 с.
26. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке [Текст]/ А.В. Брушлинский // Психологический журнал. – 1991. – № 3. – С. 8–15.
27. Вайзер Г.А. Смысл жизни и двойной кризис в жизни человека[Текст] / Г.А. Вайзер // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 3–14.
28. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)[Текст] / Ф.Е. Василюк. – М., 1984. – 200 с.
29. Волкова Е.Н. Субъектность педагога (Теория и практика)[Текст] / Е.Н. Валкова: дис... д-ра психол. наук. – М., 1998. – 308 с.
30. Выготский Л.С. Мышление и речь[Текст] /Л.С.Выготский: собр. соч.: В 6 т. / под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1983. – Т.2. – 504 с.
31. Выготский Л.С. Детская психология[Текст] / Л.С. Выготский: собр. соч.: В 6 т. / под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – Т.4. – 432 с.

32. Гарбузов В.И. Концепция инстинктов и социальная патология. (Наднормативная диагностика и терапия психосоматических заболеваний и неврозов) [Текст]/ В.И. Гарбузов. – СПб.: СОТИС, 1999. – 320 с.
33. Гаязова Л.А. Устойчивость личности к психологическому насилию [Текст] / Л.А. Гаязова // Психология образования: региональный опыт: матер. Второй национальной науч.-практич. конф. – М., 2005. – С.45.
34. Гороховатский Л.Ю. Отношение военнослужащих контрактной и срочной службы к среде военно-учебной деятельности[Текст] / Л.Ю. Гороховатский // Социализация личности в глобальном мире: матер. межд. конф. – СПб.: СПбГТУ, 2009. – С. 193–197.
35. Гороховатский Л.Ю. Категория психологической сопротивляемости в работах зарубежных и отечественных исследователей[Текст] / Л.Ю. Гороховатский // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 2 (39). – С. 201–209.
36. Гороховатский Л.Ю. Сопротивляемость личности негативным воздействиям и ее развитие в профессиональной подготовке военнослужащих[Текст] / Л.Ю. Гороховатский // Человек и образование. – 2012. – № 3 (32). – С. 116–120.
37. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения [Текст] / В.В. Давыдов. М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
38. Динамика ценностей населения реформируемой России / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 1996. – 224 с.
39. Драгунова Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте [Текст] / Т.В. Драгунова // Вопросы психологии. – 1972. – № 2. – С. 51–63.
40. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология [Текст] / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2000. – 318 с.
41. Дубинин И.П. Современная биология и проблемы социальной сущности человека [Текст] / И.П. Дубинин // Психологический журнал. – 1980. – Т.1. – № 1. – С.78–92.

42. Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения в старшем подростковом возрасте [Текст] / Д.Н. Дубровин // Мир психологии. – 2007. – № 4. – С. 64–75.
43. Дубровин Д.Н. Личностное самоопределение в старшем подростковом возрасте [Текст] / Д.Н. Дубровин // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 152–157.
44. Единство и борьба противоположностей [Текст] // Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 183–184.
45. Еременко В.В. Транскультурный феномен неадекватной биполярной самооценки аддиктов [Текст] / В.В. Еременко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 9. – С. 46–50.
46. Еременко В.В. Транскультурные особенности самосознания личности с аддиктивным поведением в подростково-юношеском возрасте [Текст] / В.В. Еременко: дисс... канд. психол. наук. – М., 2007. – 146 с.
47. Еременко В.В. Особенности самооценки подростков с различным уровнем сопротивляемости асоциальному влиянию [Текст] / В.В. Еременко, О.В. Ануфриева // Научный альманах. – 2016. № 3–4 (17). – С.210–2016.
48. Жеребцов С.Н. Персогенная ситуация развития: обоснование понятия [Текст] / С.Н. Жеребцов // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.И.Божович. М., 2008. – С. 13–18.
49. Жуков А.М. Стресс жизни офицеров Вооруженных сил Российской Федерации и его психопрофилактика [Текст] / А.М. Жуков: дис. ... канд. психол. наук. – М.: ВУ МО РФ, 2004. – 195 с.

50. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) [Текст] / Е.В.Змановская: учебное пособие для студентов высш. учеб. завед. – М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 288 с.
51. Запорожец А.В. Основные проблемы онтогенеза психики [Текст] / А.В. Запорожец // Избр. психол. тр.: В 2-х т. / под ред. В.В. Давыдова и др. – М., 1986. – Т.1. – С. 223–257.
52. Зинченко В.П. Методологические вопросы психологии[Текст] /В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 164 с.
53. Зимбардо Ф. Социальное влияние[Текст] / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. – СПб.: Питер, 2000. – 448 с.
54. Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь[Текст] / Ф.Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с,
55. Зотикова Н.В. Личностные предпосылки субъектности младших подростков[Текст] / Н.В. Зотикова: автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 2002. – 26 с.
56. Иванова В.П. Соотношение «внешнего и внутреннего» при исследовании сопротивляемости подростка асоциальным влияниям[Текст] / В.П. Иванова, В.В. Еременко // Вестник КРСУ. – 2013. – Т.13. – № 3. – С. 107–111.
57. Иванова В.П. Методологические основы психологии [Текст] В.П. Иванова. – Б.: КРСУ, 2016. – 295 с.
58. Идея системности в современной психологии[Текст] / под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Изд-во Ин-т психологии РАН, 2005. – 496 с.
59. Искандерова Ф.В. Взаимосвязь внутриличностной конфликтности с особенностями мотивации студентов[Текст] / Ф.В. Искандерова, Е.И. Барабанова // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2008. – №3. Выпуск: Социально-политические и правовые проблемы образования и общества. – С. 197–203.

60. Калашникова М.Б. О модели возрастной сензитивности [Текст] / М.Б. Калашникова // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 98–106.
61. Кирпиков А.Р. Внутренняя позиция и социо- и эгоцентрические тенденции в направленности личности подростка [Текст] / А.Р. Кирпиков // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 31–37.
62. Кожевникова Е.Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации [Текст]/ Е.Ю. Кожевникова: дисс.... канд. психол. наук. – Краснодар, 2006. – 247 с.
63. Коломинский Я.Л. Персогенность как форма личностного развития [Текст] / Я.Л. Коломинский, С.Н. Жеребцов // Психологія. – 2001. – № 2. – С. 23–36.
64. Комкова Е.И. Когнитивно-личностное развитие ребенка в процессе его социализации [Текст] / Е.И. Комкова // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 31–37.
65. Кондратьев К.Я. Устойчивое развитие в контексте проблем общественного потребления / К.Я. Кондратьев // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2005. – С. 29–62.
66. Конопкин О.А. Проблема осознанного регулирования сенсомоторной деятельности [Текст] / О.А. Конопкин: автореф. дисс. .. д-ра психол. наук. – М., 1977. – 44 с.
67. Котова И.Б. Пути и судьбы российской психологии: от общей идеи целостной личности к ее трактовке как феномена субъектности [Текст] / И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 8–12.

68. Кривец М.Е. Динамика развития внутренней позиции школьника у учащихся начальной школы [Текст] / М.Е. Кривец. – М.: Ин-т психологии и педагогики, 2004. – 65 с.
69. Крупник Е.П. Изучение проблемы устойчивости в различных педагогических школах [Текст] / Е.П.Крупник, Р.А. Тагирова // Психология человека в условиях социальной нестабильности / под ред. Б.А. Сосновского. – М.: МПГУ, 1994. – С. 87–101.
70. Куликов Л.В. Здоровье и субъективное благополучие личности [Текст] / Л.В. Куликов // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: СПб ГУ, 2000. – С. 405–442.
71. Куфтяк Е.В. Семейная устойчивость как психологический феномен [Текст] / Е.В. Куфтяк // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 38. – С. 38–44.
72. Лактионова А.И. Факторы жизнеспособности девиантных подростков [Текст] / А.И.Лактионова, А.В. Махнач // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 6. – С. 39–47.
73. Лактионова А.И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков [Текст] / А.И. Лактионова: автореф. дисс... канд. психол. наук. – М., 2010. – 24 с.
74. Лекторский В.А. Философия, методология, наука: Методологический анализ науки [Текст] / В.А. Лекторский, В.С. Швырев – М.: Наука, 1972. – 236 с.
75. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
76. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации [Текст] / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С.Братуся, Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 56–65.
77. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии [Текст] / Д.А. Леонтьев // Теория и методология психологии:

Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: ИП РАН, 2007. – С. 74–94.

78. Либин А. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций [Текст]: учебное пособие / А.Либин. – М.: Эксмо, 2006. – 544 с.

79. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения [Текст] / М.И. Лисина. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.

80. Логинова И.О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст [Текст] / И.О. Логинова: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Томск, 2010. – 42 с

81. Логинова И.О. Антропологические характеристики жизненного самоосуществления педагогов [Текст] / И.О. Логинова // Психология обучения. – 2011. – № 11. – С. 85–103.

82. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б.Ф. Ломов. – М: Наука, 1984. – 445 с.

83. Лубовский Д.В. Понятие внутренней позиции личности в работах Л.И. Божович и в современных исследованиях [Текст] / Д.В. Лубовский // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С. 80–87.

84. Майерс Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.

85. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Текст] / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.

86. Марцинковская Т. История детской психологии: Учебник для студ. пед. вузов [Текст]/ Т. Марцинковская. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 272 с.

87. Махнач А.В. Жизнеспособность подростка: понятия и концепция [Текст] / А.В. Махнач, А.И. Лактионова // Психологическая адаптация и

социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы /Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М., 2007. – 624 с.

88. Москвитина О.А. Особенности самооценки младших подростков в разных жизненных ситуациях / О.А. Москвитина // Современные проблемы психологии личности: Теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С.135–145.

89. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ): Руководство[Текст] / В.И. Моросанова. – М.: Когито-Центр, 2004. – 44 с.

90. Набиуллина Р.Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). Учебное пособие[Текст] / Р.Р. Набиуллина И.В. Тухтарова. – Казань, 2003.– 98 с.

91. Нарушевич А.А. О феномене сопротивляемости в современной зарубежной психологии[Текст] / А.А. Нарушевич // Вестник Новгородского государственного университета. – 2007. – №42. – С. 7–9.

92. Нежнова Т.А. «Внутренняя позиция школьника» – понятие и проблемы [Текст] / Т.А. Нежнова // Формирование личности в онтогенезе: Сб. науч. тр. / под ред. И.В. Дубровиной. – М., 1991. – С. 50–61.

93. Неретина С.С. Верующий разум: к истории средневековой философии [Текст] / С.С. Неретина. – Архангельск, 1995. – ?

94. Новгородцева А.П. Генезис чувства взрослости подросткового периода развития личности [Текст] / А.П. Новгородцева // Современные проблемы психологии личности: Теория и практика: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.И. Божович. – М.–Воронеж, 2008. – С.111–123.

95. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего[Текст] / Ж. Нюттен / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608с.

96. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов . – М., 1986. – 816 с.

97. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психического здоровья[Текст] /Е.Н. Осин // Психологическая диагностика.– 2007. – № 3. – С. 22–40.
98. Палагина Н.Н. Психология развития и возрастная психология[Текст] / Н.Н. Палагина. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – 184 с.
99. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности[Текст] /В.А. Петровский. М., 1992. – 224 с.
100. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности [Текст] / В.А.Петровский. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.
101. Поддъяков А.Н. Решение комплексных проблем в неклассической парадигме [Текст] / А.Н. Поддъяков // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: ИП РАН, 2007. – С. 136–156.
102. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов[Текст] / К.Н. Поливанова. – М., 2000. – 184 с.
103. Посохова С.Т. Риск деструктивного поведения подростков: причины и ресурсы сопротивления [Текст] /С.Т. Посохова // Психология образования: региональный опыт: матер. Второй национальной науч.-практич. конф. – М., 2005. – С.65–66.
104. Практикум по общей психологии: учебное пособие. Часть II[Текст] / сост.: В.П. Иванова, В.В. Еременко. 2-е изд. испр. и допол. – Бишкек: КРСУ, 2014. – 289 с.
105. Прихожан А.М.Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика [Текст] А.М. Прихожан. – М.: МПСИ – Воронеж: «МОДЭК», 2000. – 348 с.
106. Проблемы психологии современного подростка [Текст] / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1982. –160 с.
107. Психотерапевтическая энциклопедия [Текст]/ под ред. Б.Д. Карвасарского. –СПб.: Питер Ком, 1998. – 752 с.

108. Реан А.А. Социальная педагогическая психология [Текст] / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: Питер, 2007. – 480 с.
109. Ребер А. Большой толковый психологический словарь [Текст] / А. Ребер / пер. с англ. – М.: Изд-во «АСТ», «Вече». – 2001. Т.1.– 592 с.
110. Регуш Л.А. Личностные детерминанты жизнестойкости и уязвимости в процессе обучения и развития [Текст] / Л.А. Регуш // Психология образования: региональный опыт: матер. Второй национальной науч.-практич. конф. – М., 2005. – С. 66–67.
111. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М, 1959.
112. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М., 1973. – 424 с.
113. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн: В 2 т. – М., 1989. –Т.1. – 487 с.
114. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн: В 2 т. – М., 1989. Т. 2. –326 с.
115. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.
116. Рыльская Е.А. Психология жизнеспособности человека [Текст] Е.А. Рыльская: Монография. – Челябинск, 2009. – 360 с.
117. Савченко Е.А. Формирование у старшеклассников готовности к противодействию аморальным проявлениям: Методические рекомендации [Текст] /Е.А.Савченко. – Минск, 1989. -123с.
118. Славина Л.С. Дети с аффективным поведением [Текст] / Л.С. Славина. – М., 1966. – 150 с.
119. Словарь практического психолога [Текст]/ сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 800 с.
120. Смирнов А.А. Психология ребенка и подростка [Текст] / А.А. Смирнов. – М., 1930. – 272 с.

121. Сотниченко Д. М. Жизнестойкость как психологический феномен. Его значение в современных условиях службы в армии [Текст] / Д. М. Сотниченко // Вестник Томского гос. педагогич. ун-та. – 2009. – № 8. – С. 104–107.
122. Томпсон М. Философия религии [Текст] / М. Томпсон. – М.: Гранд, 2001. – 384 с.
123. Талызина Н.Ф. Диагностика развивающего эффекта использования здоровьесберегающей деятельностной технологии усвоения [Текст] / Н.Ф. Талызина, И.В. Кузнецова, И.А. Володарская и др. – М.: ЗАО «МОТОХОЛДИНГ», 2003. – 236 с.
124. Толстых Н.Н. Некоторые особенности мотивации и временной перспективы детей-сирот из учреждений [Текст] / Н.Н. Толстых // Психологическая наука и образование. – 2009. – №3. – С.33–42.
125. Трипольский В.С. Психологический анализ сопротивления убеждающему воздействию [Текст] / В.С. Трипольский: автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 1989. – 24 с.
126. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность [Текст] / Б.С. Украинцев. – М.: Мысль, 1972. – 254 с.
127. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов (на контингенте больных артериальной гипертонией и здоровых лиц) [Текст] / Е.Б. Фанталова // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 107–117.
128. Фанталова Е.Б. Внутренний конфликт, внутренний вакуум и нейтральная зона как ценностно-ориентированные личностные конструкты в экзистенциальном пространстве человека [Текст] / Е.Б. Фанталова // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века: Монография. – Краснодар, 2012. – ?
129. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности формирования готовности подростков к общественно полезному труду [Текст] / Д.И. Фельдштейн. – М., 1986. – 124 с.

130. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте[Текст] / Д.И. Фельдштейн // Вопросы психологии.– 1988. – № 6. – С. 31–41.
131. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе[Текст] / Д.И. Фельдштейн.– М., 1989. – 208 с.
132. Фельдштейн Д.И. Особенности личностного развития подростка в условиях социально-экономического кризиса [Текст] / Д.И. Фельдштейн // Мир психологии и психология в мире. – 1994. – № 0. – С. 38–46.
133. Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание процесса социального взросления [Текст] / Д.И. Фельдштейн // Социальное развитие в пространстве-времени детства. – М., 1997. – 165 с.
134. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности[Текст] / Д.И. Фельдштейн: Избр. тр.: В 2 т. – М.– Воронеж, 2005. – Т.1. –568 с.
135. Фельдштейн Д.И. Современное Детство: проблемы и пути их решения [Текст] / Д.И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2009. – № 2. – С. 28–32.
136. Циринг Д.А. Исследование жизнестойкости у беспомощных и самостоятельных подростков [Текст] / Д.А. Циринг // Вестник Томского ГУ. – 2009. – № 323. – С. 336 – 342.
137. Чалдини Р. Психология влияния [Текст] /Р. Чалдини. – СПб.: Питер, 2006. – 288 с.
138. Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование [Текст]/ В.Э. Чудновский. – М.: Педагогика, 1981. – 208 с.
139. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни[Текст] / В.Э. Чудновский: Избр. тр. – М.–Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 768 с.
140. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования[Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М., 1964. – 48 с.

141. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах [Текст] / Д.Б. Эльконин // Избр. психол. тр. / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.-Воронеж, 1995. – 416 с.
142. Эльконин Д.Б. Некоторые аспекты психического развития в подростковом возрасте [Текст] / Д.Б. Эльконин // Психология подростка: Хрестоматия / ред.-составитель Ю.И. Фролов. – М., 1997. – С.313–320.
143. Эриксон Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эриксон. – СПб.: Ленато-АСТ «Университетская книга», 1996. – 592 с.
144. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности [Текст] / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
145. Юдин Н.В. Психологическая безопасность образовательной среды ВУЗа[Текст]/ Н.В. Юдин // Безопасность образовательной среды. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 54–58.
146. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь [Текст] / М.Г. Ярошевский. – М., 1996. – 380 с.
147. Anthony E.J. The syndrome of the psychologically invulnerable child // The child in his family: children at psychiatric risk / E.J. Anthony & C. Koupernik (Eds). NY.: Wiley, 1974. – P. 529-544.
148. Anthony E.J., Cohler B.J. (Eds.) The invulnerable child [Text]. – New York: Guilford Press, 1987. – 432 p.
149. Antonovsky A. Unravelling the mystery of health. How people manage stress and stay well. San-Francisco: Jossey-Bass, 1987. – 529 p.
150. Bobek B.L. Teacher resiliency: a key to career longevity [Text] / B.L.Bobek. – Clearing House, March/April, 2002. – P. 202–206.
151. Brehm J.W. A theory of psychological reactance [Text] / J.W. Brehm. – New York: Academic Press, 1966. – 302p.
152. Brehm S.S. Psychological reactance [Text] / S.S.Brehm, J.W. Brehm. –New York: Academic Press, 1981.– 286 p.
153. Brooks R.B. Children at Risk: Fostering Resilience and Hope [Text] /R.B. Brooks // American Journal of Orthopsychiatry. – 1994. – No. 64. – P. 545–553.

154. Cicchetti D. Foreword // Resilience and Vulnerability: adaptation in the context of childhood adversities / S. Luthar (Ed). Cambridge: University press, 2003. – P. 19–27.
155. Cyrillic B. Les Vilains Petits Canards [Text] / B. Cyrulnik . – Paris: Odile Jacob, 2004. – 241 p.
156. Cyrulnik B. Un éveillé Malheur [Text] / B. Cyrulnik . – Paris: Odile Jacob, 2002. – 216 p.
157. Chan D.W. Hardiness and its Role in the Class-Burnout Relationship Among Prospective Chinese Teachers in Hong Kong [Text] / D.W. Chan // Teaching and teacher education. – 2003. – No. 19. – P. 381–395.
158. Garmezy N. Stress resilient children: the search for protective factors [Text] // Recent research in developmental psychopathology / J. E. Stevenson (Ed.). Oxford: Pergamon Press. – 1985. – P. 213-233.
159. Evans R.L. A social inoculation strategy to deter smoking in adolescents [Text] / R.L. Evans // Behavioral health: A handbook of health enhancement and disease prevention / J.D. Matarazzo, S.M. Weiss, J.A. Herd, N.E. Miller, and S.M. Weiss (Eds.). – New York: Wiley, 1984.
160. Hakkanen J.J. Burnout and work engagement among teachers [Text] / J.J. Hakkanen, A.B. Bakker & W.B. Schaufeil // Journal of School Psychology. – 2006. – N 43. – P. 495–513.
161. Ionescu S. La Resilience et les Concepts Apparentes [Text] / S. Ionescu // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: сб. науч. ст. по матер. Первого Международного форума. – СПб.: Книжный дом, 2006. – С. 14–17.
162. Keyes C.L. Risk and Resilience in Human Development: An Introduction [Text] / C.L. Keyes // Research in human development. – 2004. – № I (4). – P. 223–227.
163. Levine L.E. Mine: Self-definition in two-year-old boys [Text] / L.E. Levine // Developmental Psychology. – 1983. – № 19. – P. 544–549.

164. Lydon J.E. Commitment in the face of adversity: A value-affirmation approach[Text] / J.E.Lydon, M.P.Zanna // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – № 58. –P. 1040–1047.
165. Maddi S.R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context[Text] /S.R. Maddi // Military Psychology. – 2007. – № 19 (1). –P. 61–70.
166. Masten A.S. & Powell J.L. A resilience Framework for Research, Policy, and Practice[Text] / A.S. Masten & J.L. Powell // Resilience and Vulnerability: adaptation in the context of childhood adversities / Suniya Luthar (Ed). Cambridge University press. – Cambridge. – 2003. –P. 1–25.
167. McGuire W.J. Attitudes and attitude change[Text] / W.J.McGuire // Handbook of social psychology /G.Lindzey and E. Aronson (Eds.): Volume II (3ed). – New York: Random House. 1985.–P. 233–346.
168. Scoville M.C. Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain [Text] // American Journal of Psychiatry. №99 (November). – 1942. –P. 358–363.
169. Mosbach P. Peer group identification and smoking: Implications for intervention[Text] /P. Mosbach, H.Leventhal // Journal of Abnormal Psychology. – 1988. – № 97.–P. 238–245.
170. Johnson B.T. Effects of involvement on persuasion: A meta-analysis[Text] / B.T.Johnson, A.H.Eagly // Psychological Bulletin. – 104. –P. 290–314.
171. Ruback B.R. Territorial defense in parking lots: Retaliation against waiting drivers [Text] / B.R. Ruback, D. Juieng // Journal of Applied Social Psychology. – 1997. – № 27. – P. 821–834.
- 172.O'Leary V.E. & Ickovics J.R. Resilience and thriving in response to challenge: an opportunity for a paradigm shift in women's health// Women's health: Research on Gender, Behavior and Police.– 1995.– №1. – P. 121–142.
173. Rutter M. Resilience concepts and findings: Implications for family therapy [Text] /M. Rutter // Journal of family therapy. – 1999. – Vol. 21. – P. 119–144.
174. Schott E. Metaphysic critic und Subject philosophies[Text] / E.Schott. – Munchen: ArsUna,1994.

175. Velichkovsky B.B. Primary and secondary appraisals in measuring resilience to stress[Text] /B.B. Velichkovsky // Psychology in Russia: State of the Art. – 2009. – P. 539–563.
176. Werner E.E. Vulnerable but invincible: A study of resilient children[Text] / E.E. Werner & R.S.Smith. –New York: McGraw-Hill, 1982.– 156 p.
177. Werner E.E. Risk, resilience, and recovery: Perspectives from the Kauai Longitudinal Study[Text] /E.E. Werner // Development and Psychopathology. – 1993. – Vol. 5. – P. 503–515.
178. Wood W. Retrieval of attitude relevant information from memory: Effects on susceptibility to persuasion and on intrinsic motivation[Text] /W. Wood // Journal of Personality and Social Psychology. – 1982. – № 42. –P. 798–810.
179. Luthar S. Resilience in development: A synthesis of research across five decades [Text] / S. Luthar // Developmental psychopathology. – Vol. 3: Risk, disorder, and adaptation / Eds. D. Cicchetti, D.J. Cohen. – Hoboken, NJ: Wiley, 2006. – P. 739–795.
180. Сидоренко Е.В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию [Электронный ресурс]: www.psycheya.ru/lib/ppsl_html[дата обращения: 18.02.2013].
181. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей клинической психологии // Клиническая и специальная психология. 2013.–№1[Электронный ресурс]:Режим доступа: www.psyjournals.ru/psyclinpsyclin@mgppu.ru. Портал психологических изданий PsyJournals.ru.[дата обращения: 14.06.2015].

15. Считаю, что прогулять одно-два занятия в школе не такой уж и страшный проступок.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить
16. Если бы родители не скупилась и давали своим детям больше карманных денег, детям бы не пришлось брать деньги тайком.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить
17. Если бы это зависело от меня, я бы разрешил подросткам употреблять слабоалкогольные и энергетические напитки.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить
18. Я считаю, что подросткам можно разрешить употреблять спиртное в компании родителей (взрослых) или надежных сверстников.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить
19. Считаю, что если взрослые курят, то и подросткам следует это разрешить.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить
20. Думаю, что курение – это характерная особенность жизни современного человека.
- а. верно б. неверно в. Затрудняюсь ответить

Имя _____ Пол _____

Год рождения _____ Класс _____

Дата заполнения _____

Пол - м - ж.

Возраст _____

1. Выделите галочкой преступления, которые, по вашему мнению чаще, совершают современные подростки ,не более 3
 - а) воровство
 - б) угон машин
 - в) нанесение физических увечий
 - г) вымогательство
 - д) изнасилование
 - е) распространение наркотиков
 - ж) убийство
 - з) телефонный терроризм
 - и) порча имущества

2. Что может послужить причиной совершаемых подростком преступлений:
 - а) незнание закона
 - б) компания
 - в) особенности характера
 - г) невнимание со стороны родителей
 - д) желание утвердиться в глазах ровесников

3. Какие меры предупреждения, по вашему мнению, будут более эффективны при профилактике правонарушений среди подростков:
 - а) разъяснение законов специалистами
 - б) обсуждение законов в семье
 - в) издание специальной литературы
 - г) факультативные занятия по правовой тематике в школе
 - д) специально разработанные тренинги в системе «равный-равному»
 - е) регулярное информационное освещение в СМИ
 - ж) другое _____

4. Всем школьникам хорошо известно, «что такое хорошо и что такое плохо», но тем не менее в ряде случаев не осуждаются факты плохого поведения, и не находят активной поддержки хорошие поступки сверстников. В чем причина таких явлений:
 - а) большинство ребят просто не умеют отличить плохого от хорошего
 - б) многие придерживаются принципа: «Лишь бы мне не было плохо»
 - в) многие боятся открыто выступать против нарушителей дисциплины
 - г) ты выступишь в защиту обиженных, но нет уверенности, что тебя поддержат
 - д) зло всегда более организовано, а добро действует несогласованно
 - е) большинство учителя активно не борются за мобилизацию ребят на борьбу против плохого
 - г) нарушители дисциплины - это «круто», они смелые

5. Кто помогает тебе решать твои конфликты:
 - а) учителя
 - б) родители
 - в) милиция
 - г) друзья

6. Совершал ли ты правонарушения: Да-
Нет-

7. Если да, то какие

8. Если ты окажешься в ситуации вымогательства, к кому ты обратишься:
 - а) к учителям

- б) к родителям
- в) в милицию
- г) к друзьям

Спасибо за участие!

Анкета для родителей

Пол- м - ж.

Возраст _____

1. Выделите галочкой преступления, которые, по вашему мнению, совершают современные подростки:
 - а) воровство
 - б) угон машин
 - в) нанесение физических увечий
 - ^вымогательство
 - д) изнасилование
 - е) распространение наркотиков
 - ж) убийство
 - з) телефонный терроризм
 - и) порча имущества

2. Что может послужить причиной совершаемых подростком преступлений:
 - а) незнание закона
 - б) компания
 - в) особенности характера
 - г) невнимание со стороны родителей
 - д) желание утвердиться в глазах ровесников

3. Какие меры предупреждения, по вашему мнению, будут более эффективны при профилактике правонарушений среди подростков:
 - а) разъяснение законов специалистами
 - б) обсуждение законов в семье
 - в) издание специальной литературы
 - г) факультативные занятия по правовой тематике в школе
 - д) специально разработанные тренинги в системе «равный-равному»
 - е) регулярное информационное освещение в СМИ
 - ж) другое _____

- .3. Совершал ли ваш ребенок правонарушения:
-Да- Нет

4. Если Ваш ребенок окажется в ситуации вымогательства, к кому, по вашему мнению, он обратиться:

- а) к учителям
- б) к родителям
- в) в милицию
- г) к друзьям

Спасибо за участие!